ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГРОЗНЫЙ.

СОСТАВИЛЪ

Е. ТИХОМІРОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

956
Б. М.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА В. В. ЛѢПЕХИНА.
1888.

Типографія П. Вощинской, Спб. Фурштадская ул., д. № 5.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для доства. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшія судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умолятъ

I.

Матвѣй Башкинъ и его единомысленники.

Прерываемъ на-время нашъ разсказъ о внѣшнихъ событіяхъ царствованія Іоанна Грознаго, чтобы остановиться на одномъ изъ важныхъ внутреннихъ явленій—религіозномъ вольномысліи того времени.

Какъ не многочисленны были предметы, о которыхъ разсуждалъ Стоглавый соборъ, но догматовъ православной вѣры онъ почти не касался. За то едва протекло около двухъ лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, какъ открылась потребность въ новомъ соборѣ, который долженъ былъ разсуждать преимущественно объ истинахъ христіанской вѣры или, точнѣе, защищать ихъ противъ новыхъ проповѣдниковъ старой уже у насъ ереси жидовствующихъ. Эта ересь является въ двоякомъ видѣ: одни изъ ея послѣдователей, люди простые и необразованные, отвергаясь вѣры христіанской, предпочитали ей іудейскую, принимали жидовство и иногда даже обрѣзывались; а другіе, люди образованные, книжные, не принимали самаго жидовства, но только усвояли себѣ

воззрѣнія жидовствующихъ на христіанскую вѣру и потому отвергали всѣ, собственно христіанскіе догматы и установленія и дѣлались религіозными вольнодумцами. Даже послѣ окончательнаго осужденія этой ереси въ 1504 году слѣды ея и сочувствіе ей замѣчались еще въ странахъ заволжскихъ, между иноками вологодскими и бѣлозерскими, и ея продолжали тайно держаться многіе въ Москвѣ, особенно между вельможами. Лѣтъ черезъ 20, подъ вліяніемъ отчасти новаго броженія умовъ, проникавшаго къ намъ съ запада ересь, эта обнаружилась вновь.

Въ великій постъ 1553 года къ священнику придворнаго Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, Симеону, пришелъ боярскій сынъ Матвѣй Семеновичъ Башкинъ и умолялъ принять его на исповѣдь, а на исповѣди говорилъ: «Ваше дѣло великое. *Больши сея любве никто же имать*, какъ написано, *да кто душу свою положитъ за други своя;* а вы полагаете за насъ души свои и бдите о душахъ нашихъ». Послѣ того Башкинъ пріѣзжалъ къ Симеону на подворье да читалъ бесѣды Евангельскія и, между прочимъ, говорилъ: «Ради Бога пользуй меня духовно; надобно не только читать написанное въ бесѣдахъ тѣхъ, а и совершать на дѣлѣ. А все начало отъ васъ: прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало собою и насъ научить; да тутъ же въ Евангеліе и написано: *Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* А кому нужно быть кроткимъ и смиреннымъ? То все на васъ лежитъ,— прежде вамъ должно творить, да и насъ учить». Чрезъ нѣсколько времени Башкинъ прислалъ за Симеономъ сво-

его человѣка, и когда Симеонъ пріѣхалъ къ Башкину, послѣдній началъ говорить: «Въ Апостолѣ написано, что весь законъ заключается въ словахъ: *возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе*; а мы Христовыхъ же рабовъ у себя держимъ. Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на нихъ кабалы нарядныя, на иныхъ—полныя, а иные бѣглыхъ держатъ. Я благодарю Бога моего,—что было у меня кабалъ полныхъ, все изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ; а кому нехорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ самимъ намъ жить и какъ людей у себя держать и не томить ихъ». Всѣ эти рѣчи Башкина были, очевидно, очень хороши и не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго. Но, вѣроятно, онъ говорилъ многое и совсѣмъ въ другомъ родѣ, потому что Симеонъ, когда наступилъ Петровъ постъ, сказалъ товарищу своему по собору, извѣстному Сильвестру: «Пришелъ ко мнѣ сынъ духовный *необыченъ* и великими клятвами умолилъ меня принять его на исповѣдь въ великій постъ; *многіе* предлагалъ мнѣ вопросы *недоумѣнные*; требуетъ отъ меня поученія, а въ иномъ и самъ меня учитъ, и я удивился тому и весьма усомнился». Сильвестръ отвѣчалъ: «Каковъ-то сынъ тотъ будетъ у тебя, а слава про него носится недобрая». Значитъ, про Башкина уже знали и толковали въ обществѣ съ невыгодной стороны, и Сильвестръ слышалъ объ немъ отъ другихъ еще прежде. Царя не было тогда въ Москвѣ: онъ ѣздилъ для богомолья въ Ки-

рилловъ монастырь. Башкинъ снова пригласилъ къ себѣ Симеона и показалъ ему Апостолъ, который былъ *извощенъ* (закапанъ воскомъ) во многихъ мѣстахъ, предлагалъ вопросы, а самъ толковалъ «не по существу и развратно. Когда Симеонъ молвилъ: «Я самъ того не знаю, о чемъ ты спрашиваешь», Башкинъ отвѣчалъ: «Ты, пожалуй, спрашивай у Сильвестра—онъ тебѣ скажетъ, и ты пользуй мою душу. Я знаю, что тебѣ самому некогда вѣдать того за суетою мірскою: ни днемъ, ни ночью покою не знаешь». Симеонъ передалъ обо всемъ этомъ Сильвестру. Скоро возвратился въ Москву царь, и Сильвестръ вмѣстѣ съ Симеономъ разсказали ему все про Башкина; а протопопъ Андрей и Алексѣй Адашевъ засвидѣтельствовали, что и они тоже про Башкина слышали. Государь велѣлъ Симеону представить книгу *Апостолъ*, извощенную Башкинымъ. Башкинъ извощилъ ее всю, и Симеонъ принесъ ее къ церкви, гдѣ и видѣлъ книгу царь, и всѣ слышали въ ней и рѣчь и мудрованіе Башкина. Но дѣло пришлось отложить, потому что царь, получивъ извѣстіе о предполагаемомъ набѣгѣ крымцевъ на Россію, поспѣшилъ въ Коломну. Впрочемъ, отъѣзжая, царь велѣлъ схватить Башкина, посадить его у себя въ подклѣть и поручилъ его двумъ іосифовскимъ старцамъ, Герасиму Ленкову да Филоѳею Полеву. Башкинъ не сознавался въ ереси и исповѣдывалъ себя христіаниномъ, но скоро былъ постигнутъ гнѣвомъ Божіимъ и началъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, бѣсноваться и, извѣсивъ свой языкъ, долгое время кричалъ разными голосами и говорилъ «непотребная и нестройная». Потомъ онъ пришелъ въ

разумъ и слышалъ будто бы голосъ: «Нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ, таишь». Устрашенный этимъ голосомъ, Башкинъ началъ каяться предъ своимъ отцомъ духовнымъ. Извѣстили митрополита, и, по его приказанію, Башкинъ «своею рукою исписа и свое еретичество и свои единомысленники о всемъ подлинно». Онъ указалъ какъ на своихъ совѣтниковъ — на Григорія и Ивана Борисовыхъ и на другихъ и сознался, что принялъ свое злое ученіе отъ аптекаря Матѳея, родомъ Литвина, да отъ Андрея Хотѣева—латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только «не хулили его злобы», но еще «утверждали его въ томъ». Сущность еритичества Башкина и его единомысленниковъ, по его показанію, состояла въ томъ, что они а) хулили Господа Іисуса Христа, исповѣдуя Его неравнымъ Богу Отцу; б) св. тѣло Его и кровь въ таинствѣ евхаристіи считали простымъ хлѣбомъ и виномъ; в) Церковію называли только собраніе вѣрныхъ, а церкви или храмы вещественные признавали за ничто; г) отвергали вообще св. иконы и называли ихъ идолами; д) отвергали таинство покаянія и говорили: «какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, хотя бы и не покаялся предъ священникомъ, ему нѣтъ болѣе грѣха»; е) преданія и житія св. отцевъ называли баснословіемъ; ж) вселенскіе соборы укоряли въ гордости, говоря: «все писали они для себя, чтобъ имъ владѣть всѣмъ и царскимъ и святительскимъ»; з) короче сказать, все божественное писаніе называли баснословіемъ, а Евангеліе и Апостолъ излагали неистинно. Возвратившись въ Москву и узнавъ,

въ чемъ состояла ересь Башкина, государь «содрогнулся душею» и велѣлъ схватить единомысленниковъ его и созвать на нихъ соборъ. Оказалось, что этихъ единомысленниковъ было весьма много, особенно между заволжскими старцами-пустынниками. Тогда митрополитъ русскій, за повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, имижъ Церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имако и провожено до мѣста главнаго московскаго, паче же отъ пустынь Завольскихъ: бо и тамъ прозябоша оная руганія». Въ Москвѣ единомысленниковъ Башкина размѣщали по монастырямъ и подворьямъ и нѣсколько разъ допрашивали на очныхъ ставкахъ съ нимъ еще до открытія собора.

Соборъ открылся въ октябрѣ 1553 года въ царскихъ палатахъ. На немъ присутствовалъ и самъ царь съ своими братьями и со всѣми боярами. На соборѣ Башкинъ вновь исповѣдалъ свои заблужденія, каялся въ нихъ и началъ обличать своихъ единомышленниковъ съ очей на очи. Самъ государь «начатъ ихъ испытывати премудрѣ»: но они, хотя убоялись царя, такъ крѣпко поборавшаго по благочестію, однакожъ запирались и не сознавались. Только нѣкоторые изъ нихъ сказали сами на себя, что они не покланялись св. иконамъ и положили зарокъ и впредь имъ не покланяться. Къ изумленію, одинъ изъ числа самихъ святителей, Кассіянъ рязанскій, началъ поборать за еретиковъ и особенно за своего старца, Исаака Бѣлобаева, приведеннаго на соборъ изъ дальней пустыни Соловецкаго острова, за что и подвергся небесной казни: у него

отнялись рука, нога и языкъ, и онъ, разслабленный оставилъ свою епископію и отошелъ въ монастырь.

Соборъ призналъ Башкина виновнымъ. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна; соумышленниковъ же его сослали по монастырямъ на вѣчное заточеніе, «да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому».

Къ дѣлу Башкина привлеченъ былъ Троицкій игуменъ Артемій. До игуменства своего Артемій жилъ въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ поселился въ какой-то Бѣлозерской пустыни и отсюда вызванъ былъ въ Москву. Здѣсь царь велѣлъ ему остановиться въ Чудовской обители, а священнику Сильвестру поручилъ присмотрѣться къ нему, попспытать его. И когда Сильвестръ нашелъ, что Артемій имѣетъ «довольно книжнаго ученья и исполненъ добраго нрава и смиренія», то онъ поставленъ былъ въ игумена къ Троицѣ (въ 1551 году). У Артемія былъ ученикъ Порфирій, который въ качествѣ старца-странника, не разъ приходилъ для духовной бесѣды къ Благовѣщенскому священнику Симеону. Послѣдній, замѣтивъ, что Порфирій «отъ писанія говоритъ недобро», передалъ все слышанное Сильвестру. Сильвестръ пригласилъ странника къ себѣ и во время неоднократной бесѣды съ нимъ, замѣтилъ тоже самое и свои сомнѣнія пересказалъ царю. Царь обратилъ вниманіе на самого Артемія и началъ примѣчать «вся слабостная ученія» Порфирія и въ его учителѣ. Но Артемій скоро оставилъ игуменство «за свою совѣсть» и отошелъ въ пустыню. Когда начались розысканія по поводу ереси Башкина, тогда приведенъ былъ въ Москву изъ своей пустыни и Артемій вмѣстѣ

съ ученикомъ своимъ Порфиріемъ и другими старцами. Артемію было сказано, будто онъ вызывается для того, чтобы «говорить книгами», или состязаться съ Башкинымъ; но услышавъ въ Москвѣ, что Башкинъ указываетъ и на него, какъ на своего сообщника, тайно бѣжалъ изъ Андроникова монастыря, гдѣ былъ помѣщенъ въ свою Бѣлозерскую Порфиріеву пустынь. Его однако вновь взяли оттуда и представили на соборъ. Здѣсь прежде всѣхъ выступилъ противъ него самъ Башкинъ и какъ письменно, такъ и словесно свидѣтельствовалъ, что Артемій пзрекалъ хулы на поклоненіе св. иконамъ, на таинство евхаристіи, на преданія св. отцовъ и многія другія. Но Артемій ни въ чемъ не сознался и на всѣ убѣжденія митрополита покаяться отвѣчалъ: «Я такъ не мудрствую; я вѣрую во Отца и Сына и Св. Духа, въ Троицу единосущную». Кромѣ Башкина еще 6 свидѣтелей, одинъ за другимъ, говорили противъ Артемія. Собственный его келейникъ и ученикъ Леонтій разсказалъ только, какъ Артемій бѣжалъ тайно изъ Андроникова монастыря въ свою пустынь. Артемій сознался, что бѣжалъ отъ навѣтующихъ, будто онъ не истинствуетъ въ христіанскомъ закопѣ; самихъ же навѣтующихъ, несмотря на неодпократные допросы, не поименовалъ. И соборъ поставилъ Артемію въ вину его тайное бѣгство изъ Москвы.

Повидимому Артемій не признавалъ Башкина еретикомъ и говорилъ только, что Матвѣй дѣлаетъ ребячество. «Меня (говорилъ онъ) призвали судить еретиковъ, а еретиковъ нѣтъ»? Какъ же—Матвѣй не еретикъ? сказалъ митрополитъ:—когда онъ написалъ мо-

литву Единому Началу—Богу Отцу, а Сына и Святаго Духа оставилъ. «Нечего ему и врать», сказалъ Артемій: «такая молитва готова—молитва Манассіи къ Вседержителю».—То было до Христова пришествія, отвѣчали ему: а теперь кто напишетъ молитву къ Единому Началу—тотъ еретикъ.

Бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій заявилъ предъ соборомъ: «Артемій говорилъ мнѣ о Троицѣ: въ книгѣ Іосифа Волоцкаго написано негораздо, что Богъ посылалъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, то есть Сына и Св. Духа; да Артемій же новгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ, и латынянъ хвалитъ, и поста не хранитъ, во всю четыредесятницу ѣлъ рыбу, и въ день Воздвиженія у царя за столомъ ѣлъ рыбу; да онъ же Артемій, ѣздилъ изъ Пскова, изъ Печерскаго монастыря, въ новый городокъ къ нѣмцамъ и восхвалялъ ихъ вѣру.

Артемій на это отвѣчалъ: «Когда случалось мнѣ изъ пустыни бывать у христолюбцевъ, я ѣлъ рыбу, и у царя въ день Воздвиженія ѣлъ рыбу; въ городокъ къ нѣмцамъ ѣздилъ и спрашивалъ у нѣмецкаго князя, нѣтъ-ли у нихъ человѣка, съ кѣмъ-бы мнѣ поговорить книгами; я имѣлъ въ виду поговорить о томъ, таковъ-ли христіанскій законъ у римлянъ, какъ у насъ. Но мнѣ такого книжнаго человѣка не указали».—Соборъ вмѣнилъ Артемію въ вину и то, что онъ нарушалъ постъ къ соблазну православныхъ, и то, что ѣздилъ къ нѣмцамъ для означенной цѣли: онъ самъ вѣдаетъ (говорилъ соборъ), что наша вѣра есть истинная православная вѣра, а латинская вѣра отречена отъ православной святыми отцами и предана проклятію.

Тотъ-же Нектарій обличалъ Артемія во многихъ богохульныхъ и еретическихъ рѣчахъ; но Артемій называлъ все это клеветою, и три старца-пустынника, на которыхъ сослался Нектарій, какъ на слышавшихъ тѣ богохульныя рѣчи, дѣйствительно не подтвердили его словъ и сказали, что «про Артемія хулы на божественное писаніе и христіанскій законъ не слыхали ничего».

Третій свидѣтель, бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря, Іона, писалъ на Артемія, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: «нѣтъ-де въ томъ ничего; прежде-де сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣ, своимъ произволеніемъ, большіе кресты на себѣ кладутъ; да и на соборѣ-де о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего».—Артемій отвѣчалъ, что про крестное знаменіе Іонѣ не говарпвалъ, а про соборъ говорилъ, и именно про соборъ нынѣшній. И это поставлено Артемію въ вину.

Четвертый свидѣтель, келарь Троицкаго Сергіева монастыря Адріанъ Ангеловъ, показалъ предъ соборомъ: «Говорилъ Артемій въ Корнильевѣ монастырѣ, въ кельѣ игумена Лаврентія, что нѣтъ пользы пѣть панихиды и обѣдни по умершимъ,—тѣмъ они муки не избудутъ». Артемій отвѣчалъ: «Я говорилъ про тѣхъ, которые жили растлѣннымъ житіемъ и грабили людей, что когда начнутъ пѣть по нихъ панихиды и обѣдни, то нѣтъ имъ пользы и чрезъ то имъ муки не избыть». Соборъ обвинилъ Артемія за то, что онъ отнимаетъ у грѣшниковъ надежду спасенія.

Затѣмъ старецъ Троицкаго Сергіева монастыря Игнатій Курачовъ показалъ: «Я слышалъ отъ Артемія

про канонъ Іисусовъ: таки *Іисусе*, таки *Іисусе*, а про акаѳистъ: *радуйся* да *радуйся*». На это Артемій далъ такое объясненіе: «Говорятъ въ канонѣ: *Іисусе сладкій*, а какъ услышатъ слово Іисусово, что надобно исполнять Его заповѣди, то въ горесть прелагаются. Говорятъ въ акаѳистѣ: *радуйся* да *радуйся Чистая*, а сами о чистотѣ нерадятъ. Значитъ, только по обычаю говорятъ, а не по истинѣ». Соборъ назвалъ такое объясненіе «развратнымъ и хульнымъ».

Наконецъ обвинителемъ противъ Артемія выступилъ кирилло-бѣлозерскій игуменъ Симеонъ, который еще до собора писалъ царю: «Какъ пришло повелѣніе быть Артемію въ Москвѣ, онъ находился въ нашей обители, и когда я сказалъ ему, что Матѳея Башкина поймали въ ереси, онъ, Артемій, молвилъ: не вѣдаютъ того, что ересь. Сожгли Курицына да Рукаваго и нынѣче сами не знаютъ за что ихъ сожгли». Артемій сначала утверждалъ, что не говорилъ про новгородскихъ еретиковъ, но потомъ сказалъ: «Не упомню, такъ-ли я говорилъ про новгородскихъ еретиковъ,—я новгородскихъ еретиковъ не помню и самъ не знаю, за что ихъ сожгли. Можетъ быть, я сказалъ, что *я* не знаю, за что ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, но не говорилъ, что *они* (то есть судившіе) того не знаютъ: я сказалъ только про себя».

Соборъ опредѣлилъ: чтобы Артемій не могъ своимъ ученіемъ и писаніями вредить другимъ, живя гдѣ захочетъ, сослать его въ Соловецкую обитель; тамъ помѣстить его въ самой уединенной келліи, лишить его всякой возможности переписываться или иначе сноситься съ кѣмъ бы то ни было, даже съ иноками,

чтобы онъ не соблазнилъ кого-либо изъ нихъ, и поручить наблюденіе за нимъ только духовнику и игумену. Въ этомъ заключеніи оставаться Артемію до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не покается и не обратится отъ отъ своего нечестія. Если онъ истинно покается, и игуменъ донесетъ о томъ, тогда соборъ разсудитъ и приметъ его въ единеніе съ церковью; а если не покается, то держать его въ заключеніи до его кончины и только предъ смертью удостоить его св. причастія.

Но Артемій недолго пробылъ въ Соловкахъ, убѣжалъ оттуда и очутился въ Литвѣ. Тамъ онъ ратовалъ за православіе и писалъ опроверженія противъ еретика Симона Буднаго [1]), отвергавшаго Божество Іисуса Христа. Это оправдываетъ отзывъ объ немъ князя Курбскаго, называющаго Артемія «мудрымъ и честнымъ мужемъ», жертвою лукавства злыхъ и любостяжательныхъ монаховъ, оклеветавшихъ его изъ зависти за то, что царь любилъ его и слушалъ его совѣты.

Въ то самое время, какъ соборъ занимался дѣломъ Башкина и Артемія, неожиданно возникло другое дѣло, которымъ соборъ также долженъ былъ заняться, не оставляя и перваго. Въ числѣ свидѣтелей, обличавшихъ на соборѣ еретиковъ, находился дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый. Въ одно изъ соборныхъ засѣданій, когда царь завелъ рѣчь съ митрополитомъ объ иконописаніи, вдругъ возвысилъ свой голосъ Висковатый и сказалъ:

---

[1]) Будный былъ авторомъ аріанскаго катихизиса на латинскомъ и русскомъ языкѣ и переводчикомъ Священнаго Писанія на польскій языкъ.

«Не слѣдуетъ изображать на иконахъ невидимаго Бога и безплотныхъ силъ, какъ нынѣ видимъ на иконѣ: «*Вѣрую во единаго Бога*».—Да какъ же писать? спросилъ митрополитъ.—«Писать бы на той иконѣ—отвѣчалъ Висковатый—сначала одни слова: *Вѣрую во единаго Бога, Отца, Вседержителя Творца, небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ*, а затѣмъ уже со словъ: *И во единаго Господа Іисуса Христа*—до конца символа писать и изображать иконнымъ письмомъ, по плотскому смотрѣнію». Тогда митрополитъ сказалъ: «Ты мудрствуешь о св. иконахъ не гораздо: живописцы не описуютъ невидимаго Бога, а изображаютъ Его по видѣнію пророческому и по древнимъ образцамъ», и присовокупилъ: «Ты сталъ на еретиковъ,—смотри, не попадись и самъ въ еретики. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены». Это происходило 25 октября 1553 года. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Висковатый явился къ митрополиту и подалъ ему подробное изложеніе своихъ мнѣній и недоумѣній о св. иконахъ и просилъ разсмотрѣть дѣло на соборѣ. Здѣсь надобно пояснить, что послужило поводомъ къ недоумѣніямъ Висковатаго. Послѣ страшныхъ московскихъ пожаровъ 1547 года, когда въ Кремлѣ погорѣли всѣ церкви и въ нихъ иконы, вызваны были изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ иконописцы написать новыя иконы для церквей и росписать царскія палаты. На многихъ изъ этихъ иконъ, по указанію Сильвестра, изображены были событія изъ священной исторіи: сотвореніе міра и человѣка, явленіе Пресвятой Троицы въ видѣ трехъ ангеловъ Аврааму, видѣніе *Ветхаго деньми* (Господа

Саваоѳа) пророкомъ Даніиломъ, страсти Христовы и проч., также представлены были въ лицахъ и образно содержаніе всего символа вѣры, содержаніе нѣкоторыхъ пѣсней церковныхъ, каковы: «Хвалите Господа съ небесъ», «Достойно есть», «Единородный Сыне», «Во гробѣ плотски» и друг.; а царскія палаты расписаны были по стѣнамъ разными символическими изображеніями. Такъ какъ нѣкоторыя изъ новыхъ иконъ, особенно въ придворной Благовѣщенской церкви, непохожи были на тѣ, какія прежде въ ней были и къ которымъ всѣ привыкли; такъ какъ одного изъ священниковъ этой церкви—Сильвестра, по распоряженію котораго и писаны новыя иконы, Висковатый подозрѣвалъ въ единомысліи съ Артеміемъ, а другаго священника—Симеона признавалъ духовникомъ Башкина: то и пришелъ къ мысли, не приведены ли въ новыхъ иконахъ подъ видимыми образами, еретическія мудрованія. Увлекшись такою мыслію, Висковатый началъ критиковать новыя иконы, порицалъ ихъ вслухъ всего народа, къ соблазну православныхъ, и наконецъ изложилъ свои сомнѣнія на бумагѣ и представилъ «списокъ своея руки» митрополиту. По приказанію государя, списокъ Висковатаго разсмотрѣнъ былъ на соборѣ. Въ продолженіе двухъ соборныхъ засѣданій Висковатый читалъ этотъ списокъ самъ, а митрополитъ давалъ ему свои отвѣты.

Особенно соблазнялся Висковатый тѣмъ, что на новыхъ иконахъ, представлявшихъ сотвореніе міра и Адама, Сынъ Божій изображенъ въ видѣ ангела съ крылами: не скрывается ли тутъ—думалъ Висковатый—

ересическая мысль единомысленниковъ Башкина, будто Сынъ неравенъ Отцу и относится къ числу служебныхъ духовъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего еретическаго, что живописцы изображаютъ такъ Сына Божія по пророчеству о Немъ Исаіи: *велика совѣта Ангелъ, Богъ крѣпокъ* и проч., и изображаютъ по древнимъ образцамъ.

По выслушаніи и обсужденіи всего списка дьяка Висковатаго, соборъ сначала отлучилъ было его отъ церкви—не столько за его сомнѣнія и своевольныя мудрованія о св. иконахъ, сколько за то, что онъ разглашалъ свои мудрованія посреди многихъ людей, на соблазнъ православнымъ, и возмущалъ народъ, а не обратился съ своими недоумѣніями прямо къ правителямъ церкви. Но чрезъ двѣ недѣли, когда отлученный подалъ собору свое «покаяніе», въ которомъ подробно сознавался въ своихъ заблужденіяхъ и просилъ прощенія, соборъ возложилъ на него только трехлѣтнюю эпитемію: одинъ годъ онъ долженъ былъ стоять за церковными дверьми и исповѣдать свои согрѣшенія всѣмъ, входящимъ въ церковь; другой годъ—стоять въ церкви, но только для слушанія слова Божія (до литургіи вѣрныхъ); третій—стоять въ церкви съ вѣрными, но безъ причастія св. таинъ, и уже по истеченіи трехъ лѣтъ имѣлъ быть удостоенъ св. причастія. А чтобы на будущее время предостеречь Висковатаго отъ подобныхъ увлеченій, соборъ напомнилъ ему 64-е правило, шестаго вселенскаго собора, которое гласитъ: «не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносити слово или учити и тако брати на себя учительское до-

стоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися божественному».

Въ качествѣ обвиняемаго представленъ былъ на соборъ и архимандритъ суздальскаго Спасо-евѳпміева монастыря Ѳеодоритъ. Онъ прославился обращеніемъ въ христіанскую вѣру лопарей, жилъ нѣкогда въ Бѣлозерскихъ пустыняхъ и былъ давній пріятель Артемія, по ходатайству котораго получилъ санъ архимандрита въ Суздалѣ. Онъ былъ человѣкъ строгой жизни и обличалъ монашескіе пороки. За это монахи не терпѣли его; и въ особенности злобился на него суздальскій владыка, котораго онъ обличалъ въ сребролюбіи и нетрезвой жизни. Хотя Ѳеодоритъ не былъ ни въ чемъ уличенъ, но тѣмъ не менѣе, какъ согласникъ и товарищъ Артемія, былъ сосланъ въ кирилло-бѣлозерскій монастырь, гдѣ ему дѣлали всякія поруганія клевреты суздальскаго владыки, бывшаго прежде кирилло-бѣлозерскимъ игуменомъ. Чрезъ полтора года, по ходатайству бояръ, Ѳеодоритъ былъ освобожденъ, съ предоставленіемъ ему права жить, гдѣ хочетъ.

Во время производства этого дѣла или, можетъ быть, тотчасъ по окончаніи его, привезенъ былъ въ Москву съ Бѣлоозера монахъ Ѳеодосій Косой съ нѣсколькими товарищами, также обвиняемыми въ еретическихъ мнѣніяхъ. Ихъ посадили подъ стражу въ одномъ изъ московскихъ монастырей. Но Косой склонилъ на свою сторону стражей и бѣжалъ вмѣстѣ съ своими товарищами. Онъ нашелъ себѣ убѣжище въ Литвѣ, женился на еврейкѣ и проповѣдывалъ ересь съ боль-

шимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что въ литовско-русскихъ владѣніяхъ распространялись тогда съ запада аріанскія мнѣнія. Объ этомъ еретикѣ и его ученіи мы знаемъ изъ сочиненія отепскаго монаха Зиновія (отенъ-монастырь въ 50 верстахъ отъ Новгорода), подъ названіемъ: «Истины Показаніе». Авторъ представляетъ, что къ нему приходятъ три послѣдователя ереси Косаго и излагаютъ ученіе своего наставника, а Зиновій опровергаетъ его. Изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что Косой былъ рабъ, убѣжавшій отъ своего господина на господскомъ конѣ и захватившій съ собою одежду и еще кое-какія вещи. Онъ постригся въ одномъ изъ бѣлозерскихъ монастырей и своимъ умомъ пріобрѣлъ такое уваженіе къ себѣ, что даже прежній господинъ, узнавъ объ немъ, относился къ нему съ пріязнью.

Исходною точкою лжеученія Косаго была та же самая, что и еретиковъ жидовствовавшихъ: онъ утверждалъ, что истинныя, «столповыя» книги суть только книги Моисеевы и вообще ветхозавѣтныя: въ нихъ только содержится истина. И этими-то «ветхими книгами» Косой старался «отвращать людей отъ Евангелія Христова». Онъ отвергалъ Пресвятую Троицу и божество Іисуса Христа, считая Его только богоугоднымъ человѣкомъ, посланникомъ свыше. «Вы толкуете,—говорилъ Косой,—что Богъ создалъ рукою своею Адама а обновить и исправить созданіе Божіе пришелъ Сынъ Божій и воплотился. Зачѣмъ Ему приходить въ плоть. Если всемогущій Богъ создалъ все своимъ словомъ, то словомъ же могъ обновить Свой образъ и подобіе и

безъ вочеловѣченія. Никакого обвстшанія и паденія образа и подобія Божьяго въ человѣкѣ не было. Человѣкъ созданъ смертнымъ, какъ и всѣ другія животныя—рыбы, гады, птицы и звѣри. Какъ до пришествія Христова, такъ и послѣ этого пришествія человѣкъ все былъ однимъ человѣкомъ—также рождался, пользовался здоровьемъ, подвергался недугамъ, умиралъ и истлѣвалъ». Косой называлъ иконы идолами, вооружался противъ поклоненія мощамъ и указывалъ по этому поводу на Антонія Великаго, который порицалъ египетскій обычай сохранять тѣла мертвыхъ. Монастыри онъ называлъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ и указывалъ, что ни въ Евангеліи, ни въ писаніяхъ апостольскихъ нѣтъ объ нихъ ни слова. «Плотское мудрованіе—говорилъ онъ—господствуетъ у великихъ игуменовъ, митрополитовъ, епископовъ. Они невелѣваютъ не ѣсть мяса, вопреки словамъ Христа: не входящее во уста сквернитъ человѣка. Они запрещаютъ жениться прямо противъ словъ Апостола, который заранѣе называлъ «сожженными совѣстью», тѣхъ, которые будутъ возбранять жениться и удаляться отъ разной пищи. (Изъ этого мы видимъ, что Косой пользовался и новозавѣтными священными книгами съ цѣлію болѣе легкаго совращенія христіанъ). Они знаютъ только пѣніе да каноны, чего въ Евангеліи не показано творить, а отвергаютъ любовь христіанскую. Они не даютъ намъ узнать истину, гонятъ насъ, запираютъ въ тюрьмы. Въ Евангеліи не велѣно мучить даже и неправыхъ. Христосъ Самъ указалъ это въ своей притчѣ о плевелахъ,—а они насъ гонятъ за истину. «Въ Литвѣ Θео-

досій Косой съ успѣхомъ распространялъ свою ересь. Конецъ его неизвѣстенъ. Зиновій замѣчаетъ, что какъ «востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ (Магометомъ), а западъ Мартиномъ нѣмчиномъ (Лютеромъ), такъ и «Литву Косымъ».

Лжеученія Косаго было послѣднимъ словомъ того антихристіанскаго направленія, которое началось у насъ въ концѣ XV столѣтія съ ересію жидовствующихъ и продолжалось болѣе или менѣе явно до половины XVI вѣка.

II.

Книгопечатаніе въ Москвѣ.
1553 г.

До половины XVI столѣтія церковныя и свято-отеческія книги были у насъ въ употребленіи исключительно *рукописныя:* по нимъ отправляли богослуженіе въ церквахъ, ихъ читали и въ домашней жизни христіане. Эти книги переписывались однѣ съ другихъ писцами, большею частію неискусными и малограмотными и оттого были неисправны, полны ошибокъ. Митрополитъ Макарій, ревнитель просвѣщенія, желая искоренить порчу книгъ, много трудился надъ исправленіемъ ихъ. Мы видѣли, что стоглавый соборъ вмѣнилъ въ обязанность поповскимъ старостамъ исправлять церковныя книги по хорошимъ спискамъ, а не

пересмотрѣнныхъ книгъ не пускать въ обращеніе. Но и это не могло искоренить порчи, вкравшейся въ церковныя книги. Тогда рѣшились воспользоваться противъ этого зла средствомъ, которымъ давно уже пользовались въ Европѣ и даже въ югозападной Россіи. Еще въ 1548 году царь Іоаннъ Васильевичъ выписывалъ изъ Германіи между другими мастерами, и типографовъ; но ихъ не пропустили въ Россію. Въ 1552 году датскій король Христіанъ III прислалъ въ Москву Ганса Миссенгейма съ предложеніемъ царю принять протестантскую вѣру. Миссенгеймъ привезъ съ собою библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Еслибы царь согласился на предложеніе королевское, то Массенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на русскій языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Неизвѣстно, какъ былъ принятъ Массенгеймъ Іоанномъ; но невѣроятно, чтобы царь поручилъ устройство типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлію распространенія протестантизма. По русскимъ извѣстіямъ, царь, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строющихся многихъ церквей, велѣлъ скупать ихъ на торгахъ, но оказалось очень мало исправныхъ. Это привело Іоанна къ мысли о необходимости книгопечатанія. Когда онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи митрополиту Макарію, послѣднему оно пришлось очень по душѣ. «Эта мысль, сказалъ онъ,—внушена самимъ Богомъ это—даръ, свыше сходящій!» Тогда царь велѣлъ строить особый домъ для помѣщенія типографіи и пріискивать мастеровъ, Постройка

«печатнаго двора» длилась 10 лѣтъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1563 года началось, а 1-го марта 1564 года кончено печатаніе первой въ Великой Россіи печатной книги «Апостола» (Дѣяній Апостольскихъ и соборныхъ посланій съ посланіями Апостола Павла). Главнымъ мастеромъ въ первой русской типографіи былъ русскій человѣкъ—дьяконъ Николо-Гостунскаго собора Иванъ Ѳедоровъ, какъ видно, хорошо изучилъ свое дѣло, быть можетъ, въ Италіи: онъ не только умѣлъ самъ набирать и печатать книги, но и отливать очень искусно литеры. Эти же мастера въ слѣдующемъ году напечатали еще часословъ, но затѣмъ принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, обвиненные въ ереси. Невѣжество и зависть возстали противъ новаго небывалаго искусства. А причиною этой зависти и ненависти было, вѣроятно, опасеніе русскихъ книгописцевъ, видѣвшихъ въ книгопечатаніи подрывъ своему ремеслу. Сохранилось даже преданіе, будто печатный дворъ былъ сожженъ этими неблагонамѣренными людьми. Однако печатное дѣло было возстановлено въ Москвѣ и велось подъ руководствомъ Никифора Тарасіева и Андроника Невѣжи. Въ 1568 году былъ напечатанъ въ Москвѣ «Псалтирь».

Изгнанники московскіе, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, удалившись изъ Москвы въ Литву, напечатали здѣсь много книгъ. Оба трудились въ Зиблудовѣ, у гетмана Хоткѣвича, ревностнаго покровителя русской церкви, подарившаго Ивану Ѳедорову близъ Заблудова «весь немалу» (дачу), гдѣ послѣдній и завелъ типографію. Потомъ Иванъ Ѳедоровъ печаталъ во Львовѣ,

а Петръ Тимоѳеевъ въ Вильнѣ. Наконецъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ народолюбивому князю Константину Константиновичу Острожскому, и напечаталъ здѣсь въ 1581 году цѣлую славянскую библію—знаменитую *Острожскую Библію.*

Первопечатникъ русскій, Иванъ Ѳедоровъ, скончался во Львовѣ, въ декабрѣ 1582 года; въ большой нуждѣ, и погребенъ былъ при Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ чина св. Василія. Надгробный камень, котораго буквы мѣстами стерлись, почти въ 1 сажень длиною, находился еще весною 1883 года при церкви св. Онуфрія, откуда онъ, по приказанію о. Сорницкаго, былъ выброшенъ, разбитъ и употребленъ на строеніе каменной ограды. Слѣпокъ съ этой плиты былъ привезенъ въ 1873 году графомъ А. С. Уваровымъ и подаренъ въ возобновленную древнюю книгохранительницу при московскомъ печатномъ дворѣ, гдѣ онъ и находится. На вышесказанномъ камнѣ помѣщается по бокамъ слѣдующая надпись славянскою вязью: «Іоаннъ Ѳеодоровичъ друкарь москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ, преставися въ Львовѣ року 1583 декамбвр. 5». На серединѣ камня читается вверху: «Упокоенія въскресенія из мертвыхъ чаю», затѣмъ его гербъ, а внизу: «Друкарь книгъ предъ тѣмъ не виданыхъ».

Этому многозаслуженному мужу въ дѣлѣ распространенія печатнаго слова, пользовавшемуся въ началѣ щедрыми вспомоществованіями царя Іоанна, пришлось подъ старость впасть въ крайнюю нужду, причемъ даже весь типографскій приборъ его, съ которымъ онъ стран-

ствовалъ почти по всей Руси, учреждая въ разныхъ краяхъ ея типографіи, попалъ въ руки евреевъ, но, впослѣдствіи выкупленный, положилъ начало древнѣйшей типографіи при Успенско-Ставропигіальной церкви въ г. Львовѣ до сихъ поръ существующей.

Первая типографія въ Москвѣ, извѣстная нынѣ подъ именемъ Синодальной типографіи, на Никольской улицѣ, сохраняетъ свое первоначальное назначеніе — печатаетъ преимущественно книги Священнаго Писанія и церковно-богослужебныя книги и снабжаетъ ими самую большую часть русскихъ церквей.

III.

Болѣзнь Іоанна и перемѣна въ его характерѣ.

Въ началѣ 1553 года, вскорѣ послѣ возвращенія изъ казанскаго похода, Іоаннъ опасно заболѣлъ горячкою, такъ что даже отчаявались въ его жизни. Вѣроятно, по совѣту братьевъ царицы Анастасіи, онъ велѣлъ дьяку своему, извѣстному уже намъ Ивану Михайловичу Висковатому, приготовить духовную. По этой духовной наслѣдникомъ престола назначался младенецъ Димитрій, только-что родившійся. Это значило, что до его совершеннолѣтія власть должна была попасть надолго въ руки Захарьиныхъ (родныхъ царицы). Исполняя волю государя Висковатый вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Воротынскимъ стали настойчиво тре-

бовать, чтобы Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Іоанна, цѣловалъ крестъ на вѣрность царевичу Димитрію. Владиміръ Андреевичъ, не хотѣвшій цѣловать крестъ племяннику, сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: «Ты-бъ со мною не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ». Воротынскій отвѣчалъ ему: «Я далъ душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу и сыну царевичу князю Димитрію, что мнѣ служить имъ во всемъ въ правду; съ тобою они жъ государи мои велѣли мнѣ говорить. Служу имъ, государямъ своимъ; а тебѣ служить не хочу; за нихъ съ тобою говорю; а если доведется, по ихъ приказанію, и драться съ тобою готовъ». И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Больной царь началъ имъ говорить: «Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значитъ у васъ другой государь есть; а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ. Я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите; въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните. А кто не хочетъ служить государю-младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить; и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ». Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій придумалъ отговорку и осторожно замѣтилъ: «Намъ нельзя цѣловать крестъ не передъ государемъ: передъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ»? Но окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго лю-

бимца; высказался прямѣе и откровеннѣе: «Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ Данилѣ съ братьею, намъ не служить. Сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею. А мы ужъ отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія. И былъ мятежъ большой шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ, не хотѣвшихъ служить младенцу. Но къ вечеру поцѣловали крестъ Димитрію слѣдующіе бояре: князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ, князь Димитрій Палецкій, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый и Захарьины. Между тѣмъ трое князей—Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій продолжали говорить: «Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ: такъ чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу», Царь велѣлъ написать цѣловальную запись для приведенія къ присягѣ князя Владиміра Андреевича; но послѣдній прямо отрекся цѣловать крестъ. Тогда Іоаннъ сказалъ ему: «Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь креста цѣловать: мнѣ до того дѣла нѣтъ». Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, царь сказалъ: «Бояре! я боленъ,—мнѣ ужъ не до того: а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте». Поцѣловавшіе крестъ бояре начали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ

жестокою бранью: «Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить: не хотимъ вашего владѣнья!» кричали они. А между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ боярскихъ дѣтей и раздавали имъ деньги. Присягнувшіе бояре стали упрекать Владиміра, что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ,—а они своимъ людямъ деньги раздаютъ. Владиміръ разсердился за это на бояръ, а они стали его опасаться и не пускать къ больному государю. Тутъ подалъ наконецъ свой голосъ и Сильвестръ, молчавшій до сихъ поръ. Онъ сказалъ боярамъ: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? Онъ государю добра хочетъ». Бояре отвѣчали: «Мы дали присягу государю и сыну его; по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче». Отселѣ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками.

На другой день царь снова созвалъ всѣхъ бояръ и велѣлъ имъ цѣловать крестъ царевичу Димитрію въ передней избѣ, потому что ему, по причинѣ сильной слабости, очень тяжело было приводить ихъ къ присягѣ при себѣ. При обрядѣ онъ велѣлъ быть князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами. Присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: «Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить, а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы пожалуйста не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали, не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю,

куда Богъ вамъ укажетъ. А вы, Захарьины, чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ?—вы отъ нихъ будете первые мертвецы. Такъ вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали». Испугавшись этихъ жестокихъ словъ бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Послѣ всѣхъ присягнули князь Курлятевъ и казначей Фуниковъ, подъ предлогомъ болѣзни; но шли слухи, что они пересылались съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью и хотѣли возвести его на престолъ. Самого Владиміра Андреевича, по извѣстію одной лѣтописи, бояре насильно заставили присягнуть, объявивъ ему, что иначе не выпустятъ изъ дворца; а къ матери его Евфросиніи посылали трижды, чтобы и она привѣсила свою печать къ крестоприводной записи.

Бояре, разсчитывавшіе на смерть Іоанна, жестоко ошиблись: онъ выздоровѣлъ. Понятно, какія чувства долженъ былъ онъ питать къ боярамъ, которые такъ долго и упорно противились его волѣ. Онъ, конечно, имѣлъ полное основаніе страшиться за участь своей семьи, въ томъ случаѣ, если бы царемъ сталъ Владиміръ Андреевичъ, съ своей стороны, вѣроятно, живо помнившій насильственную расправу съ своимъ братомъ и дядею. Но всего болѣе должно было поразить Іоанна, переполнить для него чашу горечи то, что между непокорными боярами, стоявшими за Владиміра Андреевича, оказались люди, самые близкіе къ Сильвестру и Адашеву. Самъ Алексѣй Адашевъ присягаетъ молча, какъ бы не хотя, отецъ его оказываетъ явное сопро-

тивленіе волѣ царя, Сильвестръ такъ же явно заступается за Владиміра Андреевича, который добивался престола помимо царевича Димитрія. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Курбскому, Іоаннъ такъ высказываетъ чувства, волновавшія его въ это время: «Называемые тобою доброхоты, какъ пьяные, восшатались съ попомъ Сильвестромъ и начальникомъ нашимъ Алексѣемъ: они хотѣли воцарить себѣ князя изъ другаго колѣна, Владиміра, и младенца, даннаго намъ Богомъ, погубить, подобно Ироду. Такимъ доброхотствомъ нашихъ подвластныхъ наслаждались мы при жизни. Что же послѣ насъ будетъ! Когда же мы выздоровѣли и замыселъ ихъ распался, Сильвестръ и Адашевъ не переставали затѣвать злые совѣты, придумывать еще болѣе горькое намъ утѣсненіе, гнать подъ разнымъ предлогомъ доброхотныхъ намъ людей, дружить во всемъ князю Владиміру и возбуждать злую ненависть противъ нашей царицы Анастасіи, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ». Но не любовь Сильвестра и Адашева падала не столько на царицу Анастасію сколько на ея братьевъ Захарьиныхъ, которые, добиваясь, подобно Глинскимъ, полнаго господства, возбуждали Іоанна противъ Сильвестра и его совѣтниковъ. Царь не думалъ, что Сильвестръ и Адашевъ, оставаясь вполнѣ преданными ему, могли имѣть въ виду и благо всего народа, могли искренно бояться новаго боярскаго правленія, отъ котораго только что успѣла отдохнуть Русская земля.

И пошла съ тѣхъ поръ вражда,—говоритъ лѣтописецъ. Недовѣріе даже къ близкимъ людямъ, подо-

зрительность, опасливость, которыя улеглись было въ душѣ Іоанна, снова заговорили въ немъ. Но онъ затаилъ пока всѣ тяжелыя чувства на днѣ души и не тронулъ ни Сильвестра, ни Адашева, ни близкихъ къ нимъ людей. Трудно было порвать сразу всѣ установившіяся уже отношенія и начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны: къ этому нужно было приготовиться, для этого нужно было подыскать людей, на которыхъ можно было бы опереться.

Во время болѣзни Іоаннъ далъ обѣтъ—по выздоровленіи поѣхать на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и весною отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ въ это время жилъ Максимъ Грекъ, возвращенный изъ ссылки. Максимъ сталъ отговаривать государя отъ дальняго и труднаго пути, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ: «Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобъ подвигнуть св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны, и вотъ почему: во время Казанской осады пало много храбрыхъ воиновъ христіанскихъ: вдовы ихъ, сироты, матери обезчадѣвшія въ слезахъ и скорби пребываютъ. Такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царствующій городъ, чѣмъ исполнить неразумное обѣщаніе. Богъ вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ окомъ; также и святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься

меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ». Но Іоаннъ никакъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Тогда Максимъ чрезъ четырехъ приближенныхъ къ Іоанну людей (духовника Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго) велѣлъ сказать ему: «Если не послушаешься меня, по Богѣ тебѣ совѣтующаго, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай, что сынъ твой умретъ на дорогѣ». Іоаннъ не послушался: изъ Троицкаго монастыря поѣхалъ въ Дмитровъ, а изъ Дмитрова въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ жилъ Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, одинъ изъ старыхъ любимцевъ отца его. Василій III возвелъ Вассіана на Коломенскую епископію, но въ боярское правленіе онъ всенародно лишенъ былъ сана и удалился въ Пѣсношскую обитель. Іоаннъ не безъ намѣренія посѣтилъ Вассіана. Зашедши къ нему въ келью царь спросилъ его: «Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи»? Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ плоднаго совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя: если такъ станешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ, и все будетъ въ твоихъ рукахъ. Если не будешь имѣть при себѣ людей умнѣе тебя, то станешь поневолѣ слушаться ихъ».— «И самъ отецъ мой, если бы живъ былъ, не далъ бы мнѣ такого полезнаго совѣта!» сказалъ царь и поцѣ-

ловалъ руку хитрому старцу, умѣвшему угадать, что придется особенно по сердцу царю.

Курбскій говоритъ, будто бы отъ этого злостнаго совѣта, отъ этого «сатанинскаго силлогизма» Топоркова и произошла вся бѣда, то есть перемѣна въ характерѣ и поведеніи Іоанна [1]). Это справедливо только отчасти: Іоаннъ и раньше уже, какъ мы видѣли, сталъ враждебно смотрѣть на бояръ.

Поѣздка царя на богомолье кончилась неблагополучно: маленькій сынъ его скончался и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. На боку гробницы великаго князя Василія Іоанновича сдѣлана надпись: «Въ томъ же гробѣ положенъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи, сынъ *Царевичъ Димитрій*, преставися въ лѣто 7062 (1554 г.) іюня въ 6 день».

---

[1]) „О гласъ воистину дьявольскій (восклицаетъ по этому случаю Курбскій въ своемъ письмѣ къ Іоанну), всякія злости, презорства и забвенія исполненный! Ты забылъ, епископъ, что написано во 2-й книгѣ Царствъ, когда Давидъ совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ Израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ,—ты забылъ, какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синклитскому совѣту? чуть весь израиль не погибъ! Ты забылъ, что принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?.. Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной: не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ».

IV.

Максимъ Грекъ.

Преподобный Максимъ, хотя и былъ грекъ родомъ, но по своимъ великимъ подвигамъ вполнѣ принадлежитъ русской землѣ и русской церкви, для которой онъ былъ свѣтильникомъ при жизни и остался свѣтильникомъ по смерти—въ своихъ сочиненіяхъ.

Великій князь Василій Іоанновичъ отправилъ въ 1515 году посольство на Аѳонъ, къ которому русскіе еще со временъ Антонія Печерскаго питали благоговѣніе и гдѣ уже въ XII вѣкѣ былъ русскій монастырь. Въ грамотѣ къ проту, всѣмъ игуменамъ и всему братству 18-ми обителей Аѳонскихъ великій князь писалъ: «Пришлите къ намъ, вмѣстѣ съ нашими людьми, изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, книжнаго переводчика и тѣмъ послужите намъ». Этого искуснаго книжника Савву приглашали въ Москву для переводовъ и главнымъ образомъ для перевода *Толковой Псалтири*, то есть сборника толкованія на псалмы Давида древнихъ отцевъ Церкви. Кромѣ этой причины, великій князь нуждался въ ученомъ грекѣ для разбора греческихъ книгъ въ своей библіотекѣ. Въ старину на Руси было довольно людей, знакомыхъ съ греческимъ языкомъ, не только между духовными лицами, но и между князьями. Поэтому греческія книги не были рѣдкостью. Въ періодъ татарскаго порабощенія оскудѣло всякаго рода знаніе; рукописи греческія, какъ и славянскія исчезали въ разныхъ мѣстахъ отъ

разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Въ Москвѣ погибла книгохранительница во время нашествія Тохтамыша. Но Москва забирала себѣ сокровища другихъ русскихъ земель, и потому неудивительно, если великокняжеская книгохранительница опять наполнилась. Быть можетъ, и пріѣхавшіе съ Софіей Ѳоминичной греки привезли съ собою кое-что изъ образцовъ своей старой литературы.

Инокъ Савва многолѣтній старецъ и больной ногами, просилъ прощенія, что не въ силахъ исполнить воли великаго князя. Тогда протъ и ватопедскіе старцы избрали на мѣсто Саввы для отправленія въ Москву другаго брата своей обители, Максима, какъ «искуснаго въ божественномъ писаніи и способнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ—и церковныхъ, и глаголемыхъ еллинскихъ (языческихъ): ибо онъ возросъ въ нихъ съ ранней юности и научился имъ основательно, а не чрезъ одно продолжительное чтеніе, какъ другой кто-либо». Съ Максимомъ были отправлены еще іеромонахъ Неофидъ грекъ и монахъ Лаврентій болгаринъ. Путешествіе съ товарищами было медленно: они прибыли въ Москву 4-го марта 1518 года, были приняты великимъ княземъ съ честію и помѣщены сначала въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ перемѣщены въ Симоновъ.

Максимъ родился въ албанскомъ городѣ Артѣ. Получивъ первоначальное образованіе на родинѣ онъ отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ наукахъ въ Италію, куда, послѣ паденія Константинополя, переселилось множество грековъ и гдѣ процвѣ-

тали тогда науки. Посѣщая разные города Италіи, Максимъ слушалъ знаменитыхъ учителей, съ усердіемъ изучалъ древнюю греческую литературу, изучилъ латинскій языкъ и занимался философіею, преимущественно Платона и Аристотеля. Эти послѣднія занятія и особенно господствовавшія тогда въ Италіи—астрологія, крайнее вольномысліе и безвѣріе увлекли было и юнаго Максима, но ненадолго. Возвратившись въ Грецію онъ рѣшился посвятить себя иноческой жизни и вступилъ въ Аѳонскій Ватопедскій монастырь, можетъ быть, потому, что тамъ находилась богатая библіотека. Отсюда-то онъ и былъ посланъ въ Россію. Первымъ дѣломъ, какое поручено было здѣсь Максиму, былъ переводъ «Толковой Псалтири». Такъ какъ онъ не освоился еще съ русскимъ языкомъ, то въ помощь ему дали двухъ толмачей, знавшихъ латинскій языкъ—Димитрія Герасимова и Власія, исправлявшихъ прежде того дипломатическія порученія; а для переписки назначили двухъ писцовъ—Михаила Медоварцева и Силуана, инока Троице-Сергіева монастыря. Максимъ принялся за трудъ съ неутомимою ревностію, самъ переводилъ съ греческаго на латинскій языкъ, а толмачи переводили съ латинскаго на славянскій. Черезъ годъ и пять мѣсяцевъ этотъ двойной переводъ огромной книги былъ конченъ. Принявъ отъ Максима переведенную книгу, великій князь передалъ ее митрополиту для соборнаго разсмотрѣнія. Наши святители соборнѣ одобрили новопереведенную Псалтирь, называя ее источникомъ благочестія. Государь съ радостію почтилъ трудившагося не только великими похвалами, но и сугубою мздою.

Товарищи Максима, прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ изъ Ватопеда, немедленно были отпущены, щедро надѣленные и съ довольною милостынею для Св. Горы. А самого Максима убѣдили еще остаться въ Россіи. Не такъ легко было иностранцу выбраться изъ Москвы, какъ въѣхать въ нее, если этого иностранца считали полезнымъ въ московской землѣ или почему-либо опаснымъ для нея по возвращеніи его домой. Съ этихъ поръ судьба Максима, противъ его воли, стала принадлежать русскому міру.

Главный трудъ, за который принялся Максимъ послѣ перевода «Толковой Псалтири», состоялъ въ пересмотрѣ и исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. Въ спискахъ этихъ книгъ онъ встрѣтилъ множество ошибокъ, нерѣдко грубыхъ, а иногда и еретическихъ, и имѣлъ неосторожность оглашать ихъ, да и не могъ утаить. Между русскими поднялся ропотъ; стали говорить: «Ты своимъ исправленіемъ досаждаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнымъ чудотворцамъ: они священными книгами въ такомъ видѣ (сицевыми) благоугодили Богу и прославились отъ Него святостью и чудотвореніемъ». — «Не я, — возражалъ имъ Максимъ, а блаженный Павелъ научитъ васъ: каждому дается явленіе духа на пользу: тому слово премудрости, тому вѣра, тому даръ исцѣленія, тому пророчество, дѣйствіе силъ, а тому языки; все же это даруетъ одинъ и тотъ же Духъ. Видите, не всякому даются всѣ духовныя дарованія. Святымъ чудотворцамъ русскимъ, за ихъ смиренномудріе, кротость и святую жизнь, данъ даръ исцѣлять,

творить чудеса; но дара языковъ и сказанія они не принимали свыше. И кому же, какъ мнѣ, хотя я и грѣшенъ паче всѣхъ земнородныхъ, дано разумѣть языки и сказаніе (даръ выраженія), и потому не удивляйтесь, если я исправляю описки, которыя утаились отъ нихъ». Но если всѣ обвиняли Максима въ томъ, что онъ не исправляетъ, а портитъ наши священныя книги, сѣетъ еретичество, но въ защиту его возвышалъ свой голосъ князь-инокъ Вассіанъ (Патрикѣевъ), говоря: «Здѣшнія книги всѣ лживы, а здѣшнія правила — кривила, а не правила. До Максима мы по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили; нынѣ же мы познали Бога Максимомъ и его ученіемъ».

Но если не безопасно было для пріѣзжаго грека посягать на букву богослужебныхъ книгъ, то гораздо опаснѣе сдѣлалось для него то, что онъ разразился обиліемъ обличеній всякаго рода, касавшихся и духовенства, и нравовъ, и вѣрованій, и обычаевъ, и наконецъ злоупотребленій власти въ русской землѣ. Превратившись поневолѣ изъ грека въ русскаго, Максимъ оставилъ по себѣ множество отдѣльныхъ разсужденій и посланій, которыя всѣ почти отличаются обличительнымъ и полемическимъ характеромъ. Нѣкоторыя полемическія сочиненія его обращены противъ иновѣрцевъ— латинъ, іудеевъ, магометанъ, армянъ, лютеранъ и язычниковъ. Обличенія противъ латинъ написаны по поводу «писаній Николая Нѣмчина» о соединеніи церквей [1]). Обли-

[1]) Этотъ Николай Нѣмчинъ есть не иной кто, какъ иноземный врачъ Люевъ, или Булевъ, получившій отъ в. к. Василія III «превелію честь врачебныя ради хитрости».

ченія его противъ лютеранъ касаются иконопочитанія и почитанія Божіей Матери и могли въ свое время имѣть прямое отношеніе къ русской жизни, такъ какъ и на Руси появлялись мнѣнія сходныя съ протестантскими, особенно относительно иконопочитанія. Максимъ писалъ также противъ астрологіи, которая стала понемногу заходить въ Русь и совращать умы даже грамотѣевъ. Онъ доказывалъ, что вѣрить, будто человѣческая судьба зависитъ отъ звѣздъ и будто онѣ имѣютъ вліяніе на образованіе такихъ или другихъ свойствъ человѣка, — противно религіи, такъ какъ этимъ съ одной стороны подрывается вѣра въ промыслъ и всемогущество Божіе, а съ другой отнимается свободная воля у человѣка. На основаніи астрологическихъ вычисленій, въ Европѣ образовалось предсказаніе, что будетъ новый всемірный потопъ. Это ожиданіе заходило и въ тогдашнюю Русь. Максимъ опровергалъ его, какъ основанное на суевѣрной астрологіи, и подтверждалъ свои доказательства о невозможности новаго потопа обѣщаніемъ Божіимъ Ною.

На Руси издавна ходило множество такъ называемыхъ апокрифическихъ сочиненій, зашедшихъ къ намъ съ Востока и заключавшихъ въ себѣ разные вымыслы, касавшіеся событій Ветхаго и Новаго Завѣта. Представляя много заманчиваго для воображенія они составляли любимое чтеніе нашихъ грамотныхъ предковъ. Ихъ называли у насъ *отреченными*, и Церковь запрещала читать ихъ. Къ нимъ во времена Максима присоединились апокрифы, заходившіе съ Запада въ появившемся тогда на русскомъ языкѣ сочиненіи подъ

названіемъ «Люцидарія». Максимъ обличалъ сказаніе, приписываемое Афродитіану, о волхвахъ, поклонявшихся Христу, гдѣ благочестиваго Максима особенно соблазняло то, что идолы въ персидскомъ языческомъ храмѣ разыгрались при рожденіи Спасителя; опровергалъ сказаніе объ Іудѣ, будто бы Адамъ далъ на себя рукописаніе дьяволу, обязавшись вѣчно служить и работать ему. Максимъ также доказывалъ несправедливость распространеннаго у насъ издавна мнѣнія, будто бы во время воскресенія Христова солнце не заходило цѣлыя восемь сутокъ. Между нашими грамотѣями, на основаніи апокрифическихъ сказаній, были толки о томъ, кому прежде всѣхъ была послана съ небесъ грамота. Максимъ, разрѣшая этотъ вопросъ, говоритъ, что никогда и никому не было послано такой грамоты, такъ какъ объ этомъ нигдѣ не упомянается въ св. Писаніи.

Писалъ Максимъ и противъ разныхъ суевѣрій, замѣченныхъ имъ въ русскомъ обществѣ: такъ напримѣръ на Руси было распространено вѣрованіе, будто отъ погребенія утопленныхъ или убитыхъ происходятъ неурожаи. Бывали случаи, когда выкапывали изъ земли тѣла и бросали ихъ на поле. Максимъ убѣждаетъ скрывать всѣхъ въ нѣдрахъ земли общей матери, и доказываетъ, что гнѣвъ Божій посылается за людскіе грѣхи, а не за погребеніе утопленныхъ. Онъ порицалъ вѣру въ сновидѣнія, а также въ существованіе добрыхъ и злыхъ дней и часовъ; нападалъ на разныя суевѣрныя примѣры, наблюденія птичьяго полета, на вѣру во встрѣчу на разныя гаданія—на бобахъ, на ячмени; въ

особенности онъ вооружался противъ ворожбы, допускаемой по случаю судебнаго поединка (поля).

Максимъ пропитанъ былъ аскетическимъ взглядомъ на жизнь. «Возлюби душа моя (говоритъ онъ), худыя одежды, худую пищу, благочестивое бдѣніе, обуздай наглость языка своего, возлюби молчаніе, проводи безсонныя ночи надъ боговдохновенными книгами. Огорчай плоть свою суровымъ житіемъ, гнушайся всего, что услаждаетъ ѐе... Не забывай душа, что ты привязана къ лютому звѣрю, который лаетъ на тебя; укрощай его душетлительное устремленіе постомъ и крайнею нищетою. Убѣгай вкусныхъ напитковъ и сладкихъ яствъ, мягкой постели, долговременнаго сна. Иноческое житіе подобно полю пшеницы, требующему трудолюбія; трезвись и труждайся, если хочешь принести Господу твоему обильный плодъ, а не терпѣніе и не сорную траву». Максимъ требовалъ отъ иноковъ дѣйствительно суроваго подвига, отреченія отъ міра, нападая съ жаромъ на лицемѣріе многихъ изъ тогдашнихъ монаховъ. Не отдѣляя себя отъ всего монашества, онъ дѣлаетъ своей душѣ упреки, въ которыхъ обличаетъ пороки монаховъ: «Убѣгай губительной праздности, ѣшь хлѣбъ, пріобрѣтенный собственными трудами, а не питайся кровью убогихъ, сребролюбіемъ (взиманіемъ процентовъ). Не пытайся высасывать мозги изъ сухихъ костей, подобно псамъ и воронамъ. Тебѣ велѣно самой питать убогихъ, служить другимъ, а не властвовать надъ другими. Ты сама всегда веселишься и не помышляешь о бѣднякахъ, погибающихъ съ голоду и морозу; ты согрѣваешься богатыми

соболями и питаешь себя всякій день сладкими яствами. Тебѣ служатъ рабы и слуги. Ты, противясь божественному закону, посылаешь на человѣко-губительную войну ратные полки, вооружая ихъ молитвами и благословеніями на убійство и плѣненіе людей. Ты страшишься вкусить вина и масла въ среду и пятокъ, повинуясь отеческимъ уставамъ, а не боишься грызть человѣческое мясо, не боишься языкомъ своимъ тайно оговаривать и клеветать на людей, показывая имъ лицемѣрно образъ дружбы. Ты хочешь очистить мыломъ отъ грязи руки свои, а не бережешь ихъ отъ осквернения лихоимствомъ. За какой-нибудь малый клочокъ земли тащишь соперниковъ къ судилищу и просишь разсудить свою тяжбу оружіемъ, когда тебѣ заповѣдано отдать послѣднюю сорочку обижающему тебя! Ни Бога, ни ангеловъ, ты не стыдишься, давши обѣщаніе нестяжательнаго житія. Молитвы твои и черныя ризы только тогда благопріятны Богу, когда ты соблюдаешь заповѣди Божіи. А ты, треокаянная, напиваясь кровію убогихъ, пріобрѣтая въ изобиліи все тебѣ угодное лихвами и всякимъ неправеднымъ способомъ, разъѣзжаешь по городамъ на породистыхъ коняхъ, съ толпою людей, изъ которыхъ одни слѣдуютъ за тобою сзади, а другіе впереди, и крикомъ разгоняютъ народъ. Неужели ты думаешь, что угодишь Христу своими долгими молитвами и черною власяницею, когда въ то-же время собираешь неправильнымъ лихоимствомъ жидовское богатство, наполняешь свои амбары съѣстными запасами и дорогими напитками, накопляешь въ сво-

ихъ селахъ высокіе стога жита, съ намѣреніемъ продать подороже во времена года»?

Самое сильное обличительное слово написано было Максимомъ, по поводу происшедшаго въ Твери пожара. Тверской епископъ Акакій представляется здѣсь бесѣдующимъ съ самимъ Христомъ. «Мы всегда, Господи (говоритъ епископъ), радѣли о Твоей боголѣпной службѣ, совершали Тебѣ духовные праздники съ прекраснымъ пѣніемъ и шумомъ доброгласныхъ колоколовъ, украшали иконы Твои и Пречистой Твоей Матери золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, думали благоугодить Тебѣ,—а испытали Твой гнѣвъ: въ чемъ же мы согрѣшили»?—«Вы (отвѣчаетъ ему Господь) наипаче прогнѣвали Меня, предлагая Мнѣ доброгласное пѣніе и шумъ колоколовъ, и украшеніе иконъ, и благоуханіе мѵрры. Вы приносите Мнѣ все это отъ неправедной и богомерзкой лихвы, отъ хищенія чужаго имущества; ваши дары смѣшаны со слезами сиротъ, съ кровью убогихъ. Я истреблю ваши дары огнемъ или отдамъ на расхищеніе скиѳамъ, какъ и сдѣлалъ съ иными. Пусть примѣромъ вамъ послужитъ внезапная погибель всеславнаго и всесильнаго царства Греческаго. И тамъ всякій день приносилось Мнѣ боголѣпное пѣніе, съ свѣтлотумящимися колоколами и благовонною мѵррою, совершались праздничныя торжества, строились предивныя храмы съ цѣльбоносными мощами апостоловъ и мучениковъ, и скрывались въ храмахъ сокровища высокой мудрости и разума,—и ничто это не принесло имъ пользы, потому что они возненавидѣли убогихъ, убивали сиротъ, не любили праваго суда, за золото

оправдывали обидящаго; ихъ священники получали свой санъ черезъ подкупъ, а не по достоинству. Что Мнѣ въ томъ, что вы Меня пишите съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, когда Я среди васъ погибаю отъ голода и холода, тогда какъ вы сладко насыщаете себя и украшаете разными нарядами? Удовлетвори Меня въ томъ, въ чемъ Я скуденъ,—Я не прошу у тебя золотаго вѣнца; посѣщеніе и довольное пропитаніе убогихъ, сиротъ и вдовицъ—вотъ Мой кованый золотой вѣнецъ. Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и благоцѣнныхъ мvрръ сходилъ Я на землю, принялъ страданіе и смерть. Моя вся поднебесная; Я исполняю небо и землю всѣми благами и благоуханіями; Я отверзаю руку Свою и насыщаю всякую тварь земную!.. Я оставилъ вамъ книгу спасительныхъ заповѣдей, чтобы вы знали, чѣмъ можете угодить Мнѣ; вы же украшаете книгу моихъ словъ золотомъ и серебромъ, а силу написанныхъ въ ней повелѣній не принимаете и исполнять не хотите, но поступаете противно имъ... Я нарекъ сынами Божіими рачителей мира,—а вы, какъ дикіе звѣри, бросаетесь другъ на друга съ яростью и враждою! Священники Мои, наставники новаго Израиля! вмѣсто того, чтобы быть образцами честнаго житія, вы стали наставниками всякаго безчинія, соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ, объѣдаетесь, упиваетесь, другъ другу досаждаете; во дни божественныхъ праздниковъ Моихъ вмѣсто того, чтобы вести себя трезво и благочинно, показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству и безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлается предметомъ смѣха у язычниковъ, видя-

щихъ ваши нравы и ваше житіе, противное Моимъ заповѣдямъ».

Въ словѣ «о нестроеніи и безчиніи царей и властей» Максимъ является обличителемъ вообще всякой верховной власти безотносительно къ мѣсту. Онъ рисуетъ здѣсь государство въ образѣ женщины, которая сидитъ на распутіи; она въ черной одеждѣ, положила голову на руку, опирающуюся на колѣни; она безуспѣшно плачетъ; кругомъ ея дикіе звѣри. На вопросъ Максима: кто она?—женщина отвѣчаетъ: «Мою горькую судьбу нельзя передать словами, и люди не исцѣлятъ ея; не спрашивай,—не будетъ тебѣ пользы: если услышишь, только навлечешь на себя бѣду». На неотступныя просьбы Максима сказать, кто она, женщина отвѣчала: «имя мое не одно: называютъ меня—начальство, власть, владычество, господство. Самое же настоящее мое имя—«Василія» (государство). Максимъ палъ къ ногамъ ея, и Василія проговорила ему длинное обличеніе на царей и властителей, подкрѣпляя его примѣрами и изреченіями изъ Св. Писанія. «Меня (говорила она), дщерь Царя и Создателя, стараются подчинить себѣ люди, которые всѣ славолюбцы и властолюбцы, и слишкомъ мало такихъ, которые устраивали бы судьбу живущихъ на землѣ людей сообразно съ волею Отца моего: большая часть ихъ, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, мучатъ своихъ подданныхъ всякими истязаніями, денежными поборами, отяготительными постройками пышныхъ домовъ. Нѣтъ болѣе мудрыхъ царей и ревнителей Отца моего небеснаго: всѣ живутъ только для себя; думаютъ о расши-

репіи предѣловъ державъ своихъ, другъ на друга враждебно ополчаются, другъ друга обижаютъ и льютъ кровь вѣрныхъ народовъ, а о церкви Христа Спасителя, терзаемой и оскорбляемой отъ невѣрныхъ, нимало не пекутся! Какъ не уподобить окаянный нашъ вѣкъ пустынной дорогѣ, а меня—бѣдной вдовѣ, окруженной дикими звѣрьми! Болѣе всего меня ввергаетъ въ крайнюю печаль то, что некому заступиться за меня по Божіей ревности и вразумить моихъ безчинствующихъ обручниковъ. Нѣтъ великаго Самуила, ополчившагося противъ преступнаго Саула; нѣтъ Наѳана, исцѣлившаго остроумною притчею царя Давида; нѣтъ Амвросія чуднаго, не убоявшагося царственной высоты Ѳеодосія; нѣтъ Василія Великаго, мудрымъ поученіемъ ужаснувшаго гонителя Валента; нѣтъ Іоанна Златоустаго, изобличавшаго корыстолюбивую Евдоксію за горючія слезы бѣдной вдовицы. И вотъ, подобно вдовствующей женѣ, сижу я на пустынномъ распутіи, лишенная поборниковъ и ревнителей. О прохожій! безгодна и плачевна судьба моя».

Обыкновенно признаютъ, что великій князь Василій возненавидѣлъ Максима за то, что онъ не одобрялъ его рѣшимости развестись съ Соломоніей и жениться на другой женѣ. Быть можетъ, и вѣроятно, это было одною изъ причинъ гоненія на Максима. Но Максимъ долженъ былъ раздражить противъ себя какъ великаго князя, такъ и многихъ вліятельныхъ, началь-

ныхъ людей—духовныхъ и свѣтскихъ, тою ролью обличителя, которую онъ взялъ на себя [1]).

---

[1]) «Изъ своей жизни въ Италіи Максимъ вынесъ одно завѣтное воспоминаніе—воспоминаніе объ Іеронимѣ Савонаролѣ. Среди всеобщаго развращенія нравовъ въ Италіи, въ виду гнуснѣйшаго лицемѣрія, господствовавшаго во всей западной церкви, управляемой папою Александромъ VI, чудовищемъ разврата и злодѣянія, смѣлый и даровитый доминиканскій монахъ Іеронимъ Савонарола началъ во Флоренціи грозную проповѣдь противъ пороковъ своего вѣка, во имя нравственности, Христовой любви и состраданія къ униженнымъ классамъ народа. Его слово раздавалось пять лѣтъ и оказало изумительное дѣйствіе. Флорентійцы до такой степени прониклись его ученіемъ, что, отрекаясь отъ прежняго образа жизни, сносили предметы роскоши, соблазнительныя картины, карты и т. п. въ монастырь св. Марка и сожигали передъ глазами Савонаролы, жертвовали своимъ состояніемъ для облегченія участи неимущихъ братьевъ, налагали на себя обѣты воздержанія, милосердія и трудолюбія. Одинъ развѣ примѣръ библейскаго пророка Іоны въ Ниневіи могъ сравниться съ тѣмъ, что дѣлалось тогда во Флоренціи. Но обличенія Іеронима вооружили противъ него сильныхъ земли. Его обвинили въ ереси, и въ 1498 году онъ былъ сожженъ, по повелѣнію папы Александра VI. Максимъ зналъ Іеронима лично, слушалъ его проповѣдь, и надолго остался запечатлѣннымъ въ душѣ Максима образъ проповѣдника-обличителя, когда тотъ, въ продолженіи двухъ часовъ стоя на каѳедрѣ, расточалъ свои поученія и не держалъ въ рукахъ книги для подтвержденія истины своихъ словъ, а руководствовался только обширною своею памятью и «богомудрымъ» разумомъ. Іеронимъ Савонарола, какъ обличитель людскихъ неправдъ, остался на всю жизнь идеаломъ Максима: онъ вездѣ готовъ былъ подражать ему, вездѣ хотѣлъ говорить правду сильнымъ, разоблачать лицемѣріе, поражать ханжество, заступаться за угнетенныхъ и обиженныхъ». (Русская исторія *Костомарова*. Томъ первый. Изд. 2-е. Спб. 1880. стр. 399—400).

Въ февралѣ 1525 года, Максимъ Грекъ былъ притянутъ къ слѣдственному дѣлу политическаго характера. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ опальными людьми—Иваномъ Беклемишевымъ-Берсенемъ и Ѳедоромъ Жаренымъ. Первый былъ прежде любимцемъ великаго князя и навлекъ на себя гнѣвъ его тѣмъ, что совѣтовалъ ему не воевать, а жить въ мирѣ съ сосѣдями. Такое миролюбивое направленіе было совершенно въ духѣ Максима, который и въ своемъ посланіи къ великому князю совѣтовалъ не внимать рѣчамъ подстрекателей на войну, а хранить миръ со всѣми. Берсеня и дьяка Жаренаго казнили, а Максима снова притянули къ слѣдствію по другимъ дѣламъ: его обвиняли въ сношеніи съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ; онъ зналъ похвальбы турецкаго посла, зналъ, что этотъ посолъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ турокъ; Максима даже обвиняли въ писаніи грамотъ въ Турцію, съ цѣлью поднять турокъ на Русь. Его уличали въ томъ, что онъ называлъ великаго князя Василія гонителемъ и мучителемъ, что онъ порицалъ государя за преданіе земли своей татарскому хану на расхищеніе и предсказывалъ, что если на Москву пойдутъ турки, то московскій государь изъ трусости или обяжется платить дань или убѣжитъ. Кромѣ того великій князь предалъ его суду духовнаго собора, на которомъ присутствовалъ самъ. До какой степени Василій былъ озлобленъ противъ него, показываютъ слова опальнаго дьяка Жаренаго, который говорилъ Берсеню, что великій князь черезъ Троицкаго игумена, приказывалъ ему наклепать что нибудь на Максима и за то обѣ-

щалъ его пожаловать. Максима обвинили въ порчѣ богослужебныхъ книгъ и выводили изъ словъ, отысканныхъ въ его переводѣ, еретическія мнѣнія. Важнѣйшее обвиненіе противъ него было въ этомъ отношеніи слѣдующее: Максимъ говорилъ и писалъ о Христѣ, что сидѣніе Его одесную Отца есть мимошедшее, минувшее, подобно тому, какъ пребываніе Адама въ раю и сидѣніе его прямо рая—мимошедшее. Гдѣ было въ нашихъ книгахъ написано: «Христосъ *взыде* на небеса и *сѣде* одесную Отца» или: «*сѣдяй* одесную Отца», Максимъ это зачеркнулъ или выскребъ, а вмѣсто того написалъ: «*сѣдѣвъ* одесную Отца» или «*сѣдѣвшаго* одесную Отца», а въ иномъ мѣстѣ: «*сидѣлъ* одесную Отца». Максимъ на соборѣ отвѣчалъ: «Въ томъ нѣтъ никакой разности: какъ пребываніе Адама въ раю и сидѣніе прямо рая есть мимошедшее, также и Христово сидѣніе одесную Отца есть мимошедшее». Подтверждая на соборѣ свою мысль, которая найдена была еретическою, Максимъ, вѣроятно, разумѣлъ историческій фактъ Вознесенія Христова, а не вѣчное пребываніе со Отцемъ, но не умѣлъ выразить этого ясно [1]). Какъ бы то ни было, Максимъ былъ сосланъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, подъ надзоръ старца

---

[1]) Уже впослѣдствіи (въ 1531 году), въ своемъ исповѣданіи вѣры, Максимъ оправдывалъ себя въ этой погрѣшности тѣмъ, что при исправленіи книгъ онъ не былъ достаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ, а передавалъ свои мысли по латыни толмачамъ; и потому если есть что либо хульнаго въ употребленныхъ имъ реченіяхъ, то это слѣдуетъ вмѣнить не ему а толмачамъ.

Тихона Лелкова; въ духовные отцы ему дали старца Іону. «Меня морили дымомъ, морозомъ и голодомъ за грѣхи мои премногіе, а не за какую нибудь ересь», писалъ онъ. Отправляя Максима въ монастырь соборъ обязалъ его никого не учить, никому не писать, ни отъ кого не принимать писемъ, и велѣлъ отобрать у него привезенныя имъ съ собой греческія книги. Но онъ продолжалъ писать посланія съ прежнимъ обличительнымъ характеромъ. Это вызвало противъ него новый соборный судъ въ 1531 году. Несмотря на сознаніе своей правоты, Максимъ «падалъ трижды ницъ передъ соборомъ» и призналъ себя виновнымъ только въ «нѣкіихъ малыхъ описяхъ». Самоуниженіе не помогло ему: его отослали въ оковахъ въ новое заточеніе—въ тверской отрочь-монастырь. Несчастный узникъ провелъ здѣсь 22 года. Напрасно онъ присылалъ исповѣданіе своей вѣры, доказывалъ, что онъ вовсе не еретикъ, сознавался, что могъ ошибиться невольно, дѣлая описки, или по забывчивости, или по скорби; увѣрялъ, что онъ—не врагъ русской державы и десять разъ въ день молится за государя. Смѣнялись правительства, смѣнялись митрополиты: Даніилъ, враждебно относившійся къ Максиму на соборѣ, самъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, и Максимъ, забывъ все прошлое, написалъ ему примирительное посланіе. Правили Москвою бояре во время малолѣтства царя Іоанна—Максимъ умолялъ ихъ отпустить его на Аѳонъ, но на него не обратили вниманія. Возмужалъ царь Іоаннъ, митрополитомъ сдѣлался Макарій; за Максима хлопоталъ константинопольскій патріархъ; Максимъ писалъ

юному царю наставленіе и просился на Аѳонъ; о томъ же просилъ онъ и Макарія,—все было напрасно. Макарій послалъ ему «денежное благословеніе» и писалъ ему: «узы твои цѣлуемъ, но пособить тебѣ не можемъ». Максимъ добился только того, что ему, черезъ 17 лѣтъ, позволили причаститься св. Таинъ и посѣщать церковь. Когда вошли въ силу Сильвестръ и Адашевъ, Максимъ обращался къ нимъ и, повидимому, находился съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, но не добился желаемаго, хотя и пользовался уже лучшимъ положеніемъ въ Отречь-монастырѣ. Наконецъ въ 1553 году его перевели въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ оставался до самой смерти, постигшей его 21-го января 1556 года. Онъ погребенъ при церкви Сошествія Св. Духа. Митрополитъ Платонъ устроилъ надъ гробницею Максима палатку, вмѣсто которой въ 1848 году сооружена новая, болѣе обширная. Мѣстная память ему творится въ Троицкой лаврѣ 21-го января. Курбскій называетъ Максима Грека не иначе, какъ святымъ и преподобнымъ. По уваженію къ великимъ трудамъ и страданіямъ Максима, въ честь его составлены тропарь и кондакъ, въ которыхъ онъ именуется «пресвѣтлымъ свѣтильникомъ православія» и «свирѣлью благогласною».

V.

Война съ Швеціей и Ливоніей.

Пока московское государство слагалось въ борьбѣ съ остальными князьями восточной Руси, пока оно от-

бивалось отъ татаръ и Литвы, ему не нужно было много средствъ: оно могло довольствоваться тѣмъ, что имѣло. Но когда сложилось большое государство,—задачи его расширились, оно почувствовало необходимость большихъ средствъ, необходимость и лучшей защиты, и лучшей внѣшней обстановки, большаго матеріальнаго благосостоянія. Это сложившееся государство сознало и увидѣло, что въ то время, пока оно было озабочено самыми первоначальными требованіями жизни, другіе, болѣе счастливые народы успѣли обставить себя гораздо лучшими условіями. Пробить себѣ дорогу къ такому же положенію, стать на ряду съ этими болѣе счастливыми народами, сдѣлалось задачею московскаго государства. Великій князь Іоаннъ III начинаетъ вызывать изъ-за моря мастеровъ и художниковъ; то же продолжаютъ и его преемники. Овладѣвъ Новгородомъ, Москва приняла въ свои руки и западную торговлю, которая дотолѣ шла черезъ Новгородъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдовала и политическія отношенія Новгорода съ прибалтійскими странами—Швеціею и Ливоніею.

Успокоивъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, Іоаннъ обратилъ свое вниманіе на западъ. Здѣсь ему пришлось прежде всего столкнуться съ шведскимъ королемъ Густавомъ Вазою. Предлогомъ войны, начавшейся въ 1554 году, были пограничныя ссоры и недовольство Густава на то, что переговоры съ нимъ ведутся не непосредственно самимъ московскимъ правительствомъ, а чрезъ новгородскихъ намѣстниковъ. Война ограничилась взаимными опустошеніями порубежныхъ мѣстъ. Потерявъ надежду на своихъ союзни-

ковъ—Польшу и Ливонію, Густавъ сталъ искать мира. Королевская грамота къ Іоанну начиналась такъ: «Мы, Густавъ, Божіею милостію свейскій, готскій и вендскій король, *челомъ бью* твоему вельможнѣйшеству, князю государю Ивану Васильевичу *о твоей милости*». Напротивъ того изъ отвѣтной грамоты московскаго царя, видно, что онъ смотритъ на шведскаго короля свысока: «Мы для королевскаго челобитья разлитіе крови христіанской велимъ унять. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое крестопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ бить челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемиріе по старымъ грамотамъ, также и рубежи велимъ очистить по старымъ перемирнымъ грамотамъ; мы не захотимъ нигдѣ взять его земли черезъ старые рубежи, потому что, по своей государской справедливости, мы довольны своими землями, которыя намъ Богъ далъ изстарины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему нашими намѣстниками новгородскими не ссылаться, то онъ бы, къ намъ и пословъ не отправлялъ, потому что старые обычаи порушиться не могутъ». Когда пріѣхавшіе въ Новгородъ послы шведскіе стали опять просить о непосредственныхъ сношеніяхъ между государями, то новгородскіе намѣстники сдѣлали, между прочимъ такой оскорбительный отзывъ о Шведскомъ королѣ: «Про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, какого онъ рода и какъ животиною торговалъ и въ

шведскую землю пришелъ: это дѣлалось недавно, всѣмъ вѣдомо». Въ 1557 году заключенъ былъ мирный договоръ, которымъ установлена была взаимная безпрепятственная торговля: царь позволилъ шведскимъ купцамъ ѣздить чрезъ Россію въ Индію и Китай, а русскіе купцы могли ѣздить изъ Швеціи въ Любекъ, Антверпенъ, Испанію, Англію и Францію.

Важнѣе, чѣмъ война съ Швеціей, была война съ Ливонскимъ орденомъ, исконнымъ врагомъ Россіи на Балтійскомъ побережьи, наиболѣе старавшемся препятствовать нашимъ сношеніямъ съ Западною Европою. Въ 1547 году Іоаннъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать ученыхъ, художниковъ и мастеровъ, которые могли бы быть полезны для Россіи. Шлитте выпросилъ на это позволеніе у императора Карла V, набралъ 123 человѣка [1]) и привезъ ихъ уже въ Любекъ. Но ливонское правительство представило императору опасность, какая можетъ произойти отъ этого для Ливоніи и для другихъ сосѣднихъ странъ, и добилось того, что Карлъ далъ полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Самъ Шлитте былъ задержанъ въ Любекѣ и посаженъ въ тюрьму, а набранные имъ люди разсѣялись. Одинъ изъ нихъ нѣкто Гансъ, попытался-было пробраться въ Москву, но былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; освободившись изъ тюрьмы онъ намѣревался все-таки пробраться въ Москву, но опять былъ схваченъ уже недалеко отъ русской границы и казненъ смертію. Запя-

---

[1]) Въ числѣ ихъ было 4 богослова, 4 медика, 2 юриста.

тый тогда важными дѣлами на востокѣ, царь не могъ отмстить Ливоніи за это недоброжелательство не не забылъ его.

Въ виду слабости Ливонскаго ордена съ одной стороны, а съ другой въ виду настоятельной необходимости войти въ прямыя торговыя сношенія съ Западомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпить и охранить свои границы, московское государство должно было начать ливонскую войну. Въ поводахъ къ ней недостатка не было: самымъ лучшимъ поводомъ служили очевидная враждебность ордена и нарушеніе существующихъ договоровъ. Такъ въ договорѣ 1463 года между Псковомъ и дерптскимъ епископомъ встрѣчается упоминаніе о дани, которую, по старому обычаю, епископъ долженъ былъ платить великому князю; тамъ же постановлено, что епископъ и горожане должны оберегать русскій конецъ и святыя церкви. Въ договорѣ съ гроссмейстеромъ ордена Плеттенбергомъ (1503 года) условіе о дани было подтверждено, но не исполнялось въ теченіе 50 лѣтъ. Вопросъ объ этой дани не поднимался до 1554 года, когда въ Москву прибыли ливонскіе послы ходатайствовать о продолженіи перемирія. По перемирной грамотѣ, подписанной ливонскими послами, дерптскій епископъ обязался заплатить въ три года недоимку Юрьевской (Дерптской) дани за 50 лѣтъ, очистить русскія церкви, разграбленныя протестантами, и не стѣснять русской торговли [1]). Срочные три года прошли, а дань не была

---

[1]) Ливонскій лѣтописецъ приводитъ по этому случаю письмо московскаго государя къ правительству ордена: «Необузданные

выплачена. Въ февралѣ 1557 года явились въ Москву ливонскіе послы безъ денегъ, съ просьбою о сложеніи дани. Отъ имени царя, не пустившаго ихъ къ себѣ и на глаза, имъ было объявлено, что если дань не будетъ заплачена, то государь будетъ, «се положа упованіе на Бога, самъ искать на магистрѣ и на всей ливонской землѣ». Царь запретилъ русскимъ ѣздить въ Ливонію и послалъ князя Шестунова строить городъ и гавань (корабельное пристанище) при устьѣ рѣки Нарвы, ниже Ивангорода. Испуганные ливонцы снарядили новое посольство—просить хоть объ уменьшеніи дани. Но переговоры не привели ни къ чему: царь требовалъ, чтобы деньги были выплачены, а послы пріѣхали безъ денегъ. На этомъ и прервались переговоры. Одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ разсказываетъ, что пословъ ливонскихъ предъ ихъ отъѣздомъ пригласили къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Въ то время какъ велись еще переговоры, Русская сорокатысячная рать стояла уже на границахъ Ливоніи, подъ начальствомъ царя Шигъ-Алея и воеводъ—князя Михаила Васильевича Глинскаго и царицына брата Даніила Романовича. Въ январѣ 1558 года эта

ливонцы, противящіеся Богу и законному правительству! Вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы Римскаго. Если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу, Богъ посылаетъ вамъ во мнѣ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе». Лѣтописецъ прибавляетъ, что царь вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послалъ правителямъ Ливоніи бичъ, какъ символъ исправленія.

рать вторглась въ Ливонію и страшно опустошила ее на пространствѣ 200 верстъ [1]). Оставляя Ливонію начальники русской рати послали къ магистру грамоту, въ которой писали: «За ваше неисправленіе и клятвопреступленіе государь послалъ на васъ войну: кровь пролилась отъ васъ. Если же хотите предъ государемъ исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ, и мы всѣ станемъ за васъ просить». Положеніе Ливоніи было плачевное. Созванъ былъ въ Вольмарѣ сеймъ, на которомъ было рѣшено, что слѣдуетъ снова попробовать склонить царя на миръ. Собрали кое-какъ деньги для уплаты дани и отправили пословъ въ Москву. Царь согласился на перемиріе и велѣлъ прекратить войну. Но жители города Нарвы, несмотря на остановку съ русской стороны военныхъ дѣйствій, продолжали обстрѣливать сосѣднюю русскую крѣпость Ивангородъ (только рѣкою Наровою отдѣляемую отъ города Нарвы). Этимъ война возобновилась. Жители Нарвы, сознавая, что не могутъ держаться, послали въ Москву съ предложеніемъ подданства. Въ Москвѣ послы приняты были благосклонно. Но, получивъ подкрѣпленіе, Нарва снова отказала въ покорности и 11-го мая взята была окончательно. Царь велѣлъ освятить городъ и построить въ немъ церкви. Посламъ ливонскимъ, пріѣхавшимъ въ Москву во время

---

[1]) Русскихъ любятъ обвинять въ варварскомъ способѣ веденія войны. Охотникамъ обличать нашихъ предковъ въ жестокости можно напомнить ужасы Варѳоломеевской ночи и тридцатилѣтней войны.

Нарвскаго дѣла, царь велѣлъ объявить, что если ливонцы хотятъ мира, то магистръ, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій должны сдѣлать тоже, что сдѣлали цари Казанскій, Астраханскій и Шигъ-Алей— должны сами явиться предъ государемъ съ данью со всей земли Ливонской, ударить ему челомъ и впредь во всемъ исполнять его волю, а завоеванные города останутся за Москвою. Требовалась, стало быть, полная покорность Ливоніи. Послы уѣхали, и война продолжалась. Нѣкоторые города ливонскіе сдавались безъ сопротивленія. Въ нихъ оставлялись русскіе воеводы и строились церкви. Сильное сопротивленіе оказалъ Нейгаузенъ (Сыренскъ), обороняемый Георгіемъ Икскулемъ, который сдался только тогда, когда его собственные солдаты грозили его повѣсить. Епископъ Дерптскій былъ разбитъ Шейномъ и Адашевымъ.

У Ливоніи не было силъ обороняться отъ русскихъ. Ливонскіе чины собрались въ Дерптѣ и вели между собою переговоры о томъ, у кого просить помощи. Выслушивались разныя мнѣнія. Посреди этихъ преній дерптскій бургомистръ Тилэ высказалъ самое разумное мнѣніе: онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорилъ о необходимости единенія, указывая на то, что откуда бы Ливонія ни призвала себѣ защитника, защитникъ этотъ поработитъ ее. Но Тилэ «проповѣдывалъ глухимъ». Результатомъ дерптскихъ переговоровъ было начало разложенія Ливоніи: Эстляндія и островъ Эзель обратились съ просьбою о принятіи ихъ подъ защиту къ королю датскому, архіепископъ рижскій желалъ покровительства Польши,

а магистръ — Швеціи. Сосѣднія государства обѣщали свое посредничество, что въ слѣдующемъ 1559 году и было исполнено со стороны Польши, Швеціи и Даніи, хотя это ни къ чему не повело.

Магистръ Кеттлеръ послалъ отъ себя посла къ царю, прося его унять войну. Іоаннъ отвѣчалъ ему: «Похощетъ магистръ государева жалованья, и онъ бы самъ былъ бити челомъ, а по его челобитью посмотря государь его пожалуетъ». Между тѣмъ русское войско, подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, подходило къ Дерпту, гдѣ заперся епископъ съ гражданами и наемнымъ войскомъ. Осада Дерпта началась 8-го и продолжалась до 18-го іюля. Осажденные сначала защищались мужественно; но когда магистръ отказалъ имъ въ помощи, они принуждены были сдаться. Московскій воевода объявилъ царскую милость, если осажденные сдадутся; въ противномъ случаѣ грозилъ, что не оставитъ въ живыхъ и малаго ребенка. Дерптцы, составивъ очень выгодныя для себя условія, предложили ихъ Шуйскому. Шуйскій, образъ дѣйствій котораго вообще чрезвычайно хвалитъ ливонскій лѣтописецъ, принялъ эти условія и занялъ городъ. Льготы, данныя царемъ покорившемуся городу, показывали ясно намѣреніе его завоевать Ливонію и удержать за собою навсегда это завоеваніе. Скоро началось поселеніе въ юрьевской землѣ дѣтей боярскихъ; а епископъ и нѣкоторые граждане дерптскіе были перевезены въ Москву. Взятіе Дерпта, «лучшаго и пріятнѣйшаго города въ странѣ послѣ Риги и Ревеля», распространило ужасъ по всей Ливоніи. Города начали сдаваться: къ осени

было завоевано до 20 значительныхъ городовъ. Шуйскій обратился съ требованіемъ покорности къ Ревелю, обѣщая, что въ такомъ случаѣ государь дастъ ему еще большія льготы, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользовался прежде. Но Ревель не покорился.

Совершивъ такой блистательный походъ московскіе воеводы, по тогдашному обычаю, отправились въ Москву въ сентябрѣ, оставивъ горнизоны въ завоеванныхъ городахъ. Пользуясь уходомъ главныхъ силъ магистръ Кеттлеръ собралъ болѣе 10,000 войска, осадилъ Рингенъ (замокъ близъ Дерпта) и взялъ его приступомъ. Взятіемъ Рингена магистръ впрочемъ и долженъ былъ удовольствоваться. Въ январѣ 1559 года большое московское войско (130,000 по нѣмецкимъ извѣстіямъ), подъ предводительствомъ царевича Тохтамыша и князя Микулинскаго, снова вступило въ Ливонію, разбило нѣмцевъ при Тирзенѣ и безъ сопротивленія уже цѣлый мѣсяцъ пустошило всю землю съ одной стороны до моря, съ другой до границъ Прусскихъ и Литовскихъ, не щадя младенцевъ во чревѣ матерей [1]). Посредничество короля датскаго, но еще болѣе необходимость пригрозить Крыму заставили Іоанна дать Ливоніи шестимѣсячное перемиріе. Ливонія возобновила переговоры съ сосѣдними державами, въ особенности съ Польшею и германскимъ императоромъ. Послано было посольство къ Густаву Вазѣ

---

[1]) Одинъ плѣнный нѣмецъ извѣщалъ изъ Москвы о намѣреніи русскихъ идти къ Ригѣ и Ревелю на судахъ, которые предполагалось построить съ помощью англійскихъ плотниковъ. У Іоанна постоянно была мысль завести флотъ.

съ просьбою о ссудѣ, при чемъ въ обезпеченіе предлагались области. Въ Германіи все дѣло ограничилось заступничествомъ предъ царемъ и ссудою во 100,000 гульденовъ. Переговоры съ Польшею шли медленно: только 31-го августа Кеттлеръ заключилъ договоръ, которымъ Ливонія отдавалась въ покровительство короля польскаго, за что ему отдается въ видѣ залога полоса земли отъ Друи до Ашерадена и еще нѣсколько округовъ 15-го сентября архіепископъ рижскій также отдался подъ защиту польскаго короля. 26-го сентября епископы эзельскій и курляндскій отдали свои владѣнія подъ покровительство Даніи.

Ливонія начала готовиться къ войнѣ. Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ царь рѣшился возобновить войну. Магистръ, разбивъ Плещеева, не успѣлъ однако взять ни Дерпта, ни Лаиса. Между тѣмъ въ Москву прибыли посольства отъ императора и отъ Польши, но не могли добиться никакой уступки относительно Ливоніи: «Ливонцы (говорилъ царь), извѣчные наши даньщики, церкви Божіи разорили, образамъ Божіимъ поругались и намъ въ нашихъ даняхъ не исправились: за такія свои дѣла отъ насъ наказанье и приняли. Съумѣютъ къ Богу исправиться и своимъ челобитьемъ нашъ гнѣвъ утолить, тогда мы ихъ пожалуемъ».

Новая русская рать, подъ начальствомъ князей Мстиславскаго, Серебрянаго и Шуйскаго, вошла въ Ливонію, взяла Маріенбургъ и проникла въ Курляндію, нигдѣ не встрѣчая препятствій. Весною 1560 года снова большое русское войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Андрея Михайловича Курбскаго, вступило въ

Ливонію, опустошило мѣста около Вейсенштейна, ходило подъ Феллинъ и имѣло нѣсколько счастливыхъ стычекъ. Съ прибытіемъ главнаго войска (30 тысячъ пѣхоты и конницы, 10 тысячъ стрѣльцовъ и казаковъ и 90 большихъ и малыхъ орудій), предводимаго княземъ Мстиславскимъ, военныя дѣйствія стали еще значительнѣе: около Феллина былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ландмаршалъ Ливонскаго ордена Филиппъ Бель, славный своею храбростью; затѣмъ палъ самый Феллинъ, гдѣ взятъ въ плѣнъ магистръ Фюрстенбергъ. Русскія войска пошли по разнымъ сторонамъ ливонской земли, въ которой ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось возстаніе крестьянъ, принимавшихъ сторону русскихъ [1]). Курбскій разбилъ у Кеси (Вендена) въ нѣсколькихъ бояхъ ливонцевъ и литовцевъ. Яковлевъ подходилъ къ Ревелю. Послѣ неудачной осады Вейсенштейна Мстиславскій ушелъ назадъ.

Между тѣмъ епископъ Эзельскій выбралъ себѣ въ преемники голштинскаго герцога Магнуса, брата датскаго короля, который и прибылъ въ Аренсбургъ съ 5-ью кораблями. Ревель поддался окончательно Швеціи. Кеттлеръ уступилъ Ливонію Польшѣ, а самъ взялъ себѣ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такъ Ливо-

---

[1]) Туземцы прибалтійскаго края никогда не любили своихъ поработителей и угнетателей — нѣмцевъ «угнетенный эстъ скорѣе покорится русскому, чѣмъ нѣмцу» — таково свидѣтельство изъ описываемаго нами времени.

нія окончательно разорвалась между Польшею, Швеціею, Даніею, Россіею и вассаломъ (подручникомъ) Польши—курляндскимъ герцогомъ.

VI.

Разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ.

Во то время, какъ въ Ливоніи шла весьма важная для московскаго государства война, въ Москвѣ, при дворѣ московскаго царя, произошла большая перемѣна: произошелъ разрывъ царя съ его ближайшими совѣтниками Сильвестромъ и Адашевымъ.

Охлажденіе царя къ Сильвестру и Адашеву началось съ 1553 года, когда во время его болѣзни Сильвестръ принялъ сторону князя Владиміра Андреевича, а Адашевъ выказалъ очень мало усердія къ царю и его семейству. Хотя послѣ своего выздоровленія Іоаннъ сталъ смотрѣть уже другими глазами на своихъ любимцевъ, однако нѣсколько лѣтъ оказывалъ имъ прежнюю довѣрчивость. Но опека ихъ начала тяготить Іоанна; притомъ были, конечно, и люди, возбуждавшіе его противъ Сильвестра и Адашева, наговаривавшіе на нихъ.

Привыкнувъ совѣтоваться съ Сильвестромъ въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему неограниченную довѣрчивость, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ. Но здѣсь-то необходимо было непріязненное столкновеніе

между ними. Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ: вмѣсто покоренія Ливоніи они совѣтовали царю покорить Крымъ. Однако, вопреки этому совѣту, Іоаннъ продолжалъ войну ливонскую. Какъ же поступилъ въ этомъ случаѣ Сильвестръ? Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, постигавшія его послѣ того—болѣзни его самого, жены, дѣтей, суть наказанія Божіи за то, что онъ разорялъ Ливонію, которую Сильвестръ называлъ *сирою вдовицею*. Безспорно, Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ. И противъ ливонской войны онъ выставлялъ съ своей стороны благовидныя причины: вмѣсто того, чтобы воевать съ христіанами, слабыми, безвредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошавшими границы русской земли. Но, стараясь дѣйствовать на Іоанна, Сильвестръ переступалъ мѣру осторожности и тѣмъ раздражалъ его.

Вліяніе Сильвестра и друзей его тяготило Іоанна. Въ характерѣ его была слѣдующая черта: «увлекаясь мыслью онъ, не привыкшій къ труду, охотно отдавалъ подробности другимъ, вполнѣ довѣрялся этимъ другимъ и потомъ замѣчалъ, что они забрали слишкомъ много власти. Тогда онъ вооружался противъ тѣхъ, кому вѣрилъ: довѣріе смѣнялось подозрительностію. Къ тому-же недовольство на совѣтниковъ у него всегда соединялось съ недовольствомъ на себя—черта очень понятная у человѣка нервнаго и не умѣющаго энерги-

чески вести дѣло. Вотъ почему Іоаннъ отъ довѣрія перешелъ къ подозрительности, старался окружить себя людьми, которые не выходили бы изъ повиновенія ему, и научившись презирать этихъ людей простеръ свое презрѣніе на всѣхъ, пересталъ вѣрить въ свой народъ» [1].

Въ описываемое время Іоанномъ овладѣли люди, непріязненные Сильвестру и Адашеву. Сильвестръ и его сторонники раздражили шурьевъ царя и самою царицу Анастасію: послѣднее было для нихъ всего пагубнѣе. Мы не знаемъ, за что именно не ладила она съ ними, но царь, въ письмѣ своемъ къ Курбскому, напоминаетъ, что Анастасію уподобляли нечестивымъ царицамъ, и между прочимъ Евдоксіи, женѣ византійскаго императора Аркадія, преслѣдовавшей Іоанна Златоуста. Это указываетъ, что царица не любила Сильвестра, котораго его сторонники сравнивали съ св. Златоустомъ. Съ нею и съ ея шурьями дѣйствовали на царя другіе, которые, по правдоподобному объясненію Курбскаго, хотѣли удалить Сильвестра и его сторонниковъ для того, чтобы имъ невозбранно было всѣмъ владѣть, брать посулы, извращать правосудіе и умножать злыми способами свои пожитки. Хотя до насъ не дошли непосредственно ихъ доводы, какими они вооружали царя противъ Сильвестра и Адашева, но, вѣроятно, они были именно тѣ, какіе самъ царь впослѣдствіи приводилъ для оправданія своихъ послѣдующихъ поступковъ.

---

[1]) Руссая Исторія. *К. Бестужева-Рюмина*. Томъ второй, выпускъ первый. Спб. 1885. Стр. 256.

Вотъ эти доводы: священникамъ совсѣмъ не слѣдуетъ властвовать и управлять; царство, управляемое попами, разоряется: такъ было въ Греціи; и Богъ, изводя Израиля изъ работы, не священника надъ ними поставилъ и не многихъ правителей, а единаго Моисея, какъ царя; Аарону же, его брату, повелѣлъ священствовать, а не творить людскаго строенія. А какъ Ааронъ началъ заниматься людскимъ строеніемъ, такъ и отвелъ отъ Бога людей. Царь долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать и никого не слушаться; а если онъ будетъ дѣлать то, что другіе постановятъ, тогда только честію царскою предсѣданія будетъ почтенъ, а на дѣлѣ не лучше раба. И пророкъ сказалъ: «горе граду, имже мнози обладаютъ». Русскіе владѣтели и прежде никому не повиновались, а вольны были подвластныхъ своихъ миловать и казнить. Такъ говорилъ царь: такъ, вѣроятно, и ему говорили враги Сильвестра и его партіи. Но въ довершеніе всего они заронили царю мысль, что Сильвестръ—чародѣй и силою волшебства опуталъ его и держитъ въ неволѣ.

Зимою 1559 года произошло крупное столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ царицею, рѣшившее судьбу бывшихъ царскихъ любимцевъ. Подробности этого событія намъ непзвѣстны. Знаемъ только, что во время богомольнаго путешествія царица захворала въ Можайскѣ. Іоаннъ поспѣшилъ съ нею въ Москву; наступила страшная безпутица: ни верхомъ, ни въ саняхъ нельзя было проѣхать. Тутъ изъ-за какого-то обиднаго для бояръ слова Анастасіи,—произошла ссора. «За одно малое слово съ ея стороны явилась

она имъ неугодна; за одно малое слово ея они разсердились».

Весною слѣдующаго года Алексѣй Адашевъ посланъ былъ воеводою въ Ливонію. Такая почетная должность служила для прежняго любимца уже знакомъ немилости: онъ долженъ былъ лично участвовать въ войнѣ, которую несовсѣмъ одобрялъ. Въ это же время и Сильвестръ, видя совершенную холодность къ себѣ государя, добровольно удалился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (вѣроятно, онъ уже овдовѣлъ къ этому времени). Знаменательно въ этомъ случаѣ то, что и здѣсь мы видимъ остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ Сильвестръ пользовался надъ царемъ. Іоаннъ выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: «сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники». О Сильвестрѣ же Іоаннъ говоритъ, что не сдѣлалъ ему никакого зла и не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ передъ судомъ Христовымъ. Невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе насчетъ Сильвестра: припоминая свои столкновенія съ нимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ позволяетъ себѣ называть его *невѣждою*.

Итакъ Сильвестръ и Адашевъ сошли со сцены, но у нихъ осталось немало приверженцевъ и сторонниковъ. Послѣдніе нашли бы, можетъ быть, средства примирить съ ними царя. Но тутъ случилось обстоятельство, сдѣлавшее невозможнымъ это примиреніе и возвратъ къ прежнимъ отношеніямъ.

VII.

Смерть Анастасіи Романовны.

1560 г.

Тринадцать лѣтъ Іоаннъ наслаждался полнымъ семейнымъ счастіемъ съ *предоброю* Анастасіею, которую горячо любилъ; тринадцать лѣтъ Анастасія была ангеломъ-хранителемъ своего державнаго супруга, укрощая и сдерживая его пылкія страсти. Она цвѣла здоровьемъ и молодостью. Но въ іюлѣ 1560 года она занемогла тяжкою болѣзнію, усилившеюся вслѣдствіе испуга. Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслись къ Кремлю. Іоаннъ «съ великою нужею» вывезъ больную царицу въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности. Этотъ пожаръ возобновлялся нѣсколько разъ; многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными. Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже: къ отчаянію супруга и великой скорби всѣхъ русскихъ, она скончалась 7-го августа, въ 5-мъ часу дня. Когда тѣло *первой* царицы московскаго государства несли для погребенія въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не далъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь къ гробу. Всѣ плакали—и всѣхъ неутѣшнѣе, бѣдные нищіе, называя почившую своею *матерью*. Когда имъ хотѣли раздавать обычную въ такихъ случаяхъ милостыню, они отказывались отъ нея,

чуждаясь всякой отрады въ этотъ день великой всеобщей печали. Іоаннъ шелъ за гробомъ, ведомый подъ руки братьями Юріемъ и Владиміромъ Андреевичемъ и молодымъ царемъ казанскимъ Александромъ. Онъ стенялъ и рвался отъ сильной горести. Одинъ первосвятитель, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости христіанина.

По народной пѣсни, благовѣрная царица Анастасія, умирая, завѣщала своему супругу быть царемъ добрымъ, милостивымъ:

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ:
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья (Анастасія) дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
Ужъ ты слушай, царь, послушай-ка,
Что я тебѣ, царица, повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до молодыхъ двухъ царевичей [1]):

[1]) Разумѣется сыновья Анастасіи—Іоаннъ и Ѳеодоръ.

Когда будутъ они въ полномъ умѣ,
И во твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ замужъ.
Еще слушай, царь, ты послушай-ка,
Что я тебѣ, царица, повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
И до того ты до дядюшки любимаго,
И до своего ты до крестнаго батюшки,
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая.
Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до ратниковъ служащихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная.
Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своего народу православнаго.

Со смертію Анастасіи Іоаннъ, по выраженію Карамзина, «липился не только супруги, но и добродѣтели». По смерти ея, говоритъ лѣтописецъ, «какъ будто великая буря поднялась въ сердцѣ царя, прежде тихомъ и благостномъ, и многомудрый умъ его измѣнился на яростный нравъ». Понятно, что съ потерею любимой супруги царю стали ненавистнѣе тѣ, которые не любили ее при жизни. Этимъ воспользовались «презлые ласкатели», особенно братья царицы, и стали шептать царю, что Анастасію извели своими чарами лихіе люди, Сильвестръ и Адашевъ. Іоаннъ, уже предубѣжденный противъ своихъ бывшихъ любимцевъ, легко поддался внушеніямъ ихъ враговъ. Узнавъ отъ своихъ друзей о взводимомъ на нихъ обвиненіи, Сильвестръ и Адашевъ

посылали письма къ Іоанну, просили и чрезъ митрополита, чтобы ихъ лично призвали на судъ. Но враги не допустили до этого. «Если ты, царь (говорили ему), допустишь ихъ къ себѣ на глаза, они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того народъ и войско любятъ ихъ, взбунтуются противъ тебя и насъ перебьютъ каменьями. Хотя бы этого и не случилось,—они опять обойдутъ тебя и возьмутъ въ неволю. Эти негодные чародѣи уже держали тебя какъ будто въ оковахъ, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли—ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ. Не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Если бы не было ихъ при тебѣ—такомъ славномъ, храбромъ и мудромъ государѣ, еслибы они не держали тебя какъ на уздѣ, то ты бы почти всею вселенною обладалъ. А то они своимъ чародѣйствомъ отводили тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, сами желали царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ, тотчасъ тебя ослѣпятъ! Вотъ теперь, отогнавъ ихъ отъ себя, ты истинно пришелъ въ свой разумъ, открылись у тебя глаза; теперь ты—настоящій помазанникъ Божій; никто иной—ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь».

Собраны были духовные и свѣтскіе сановники судить Сильвестра и Адашева. Всего болѣе ярились противъ Сильвестра Вассіанъ, Чудовскій архимандритъ Левкій и Мисаилъ Сукинъ. Епископы, завидовавшіе возвышенію Сильвестра, пристали къ врагамъ его, когда увидѣли, что и царю угодно, чтобы всѣ выказали себя противниками павшаго любимца. Одинъ ми-

трополитъ Макарій съ благородною смѣлостію заявилъ, что нельзя судить людей заочно и что слѣдуетъ выслушать ихъ оправданіе. Но угодники царя завопили противъ него: «нельзя допускать вѣдомыхъ злодѣевъ и чародѣевъ: они царя околдуютъ и насъ погубятъ». Соборъ осудилъ Сильвестра на заточеніе въ Соловки: его взяли изъ Бѣлозерской пустыни и отвезли туда на тяжелое заключеніе. Впрочемъ, положеніе его не могло быть очень тяжелымъ въ Соловецкой обители, игуменомъ которой былъ Филиппъ (впослѣдствіи митрополитъ), человѣкъ, сходившійся въ убѣжденіяхъ съ бывшимъ главою правительства. Съ этихъ поръ имя Сильвестра уже не встрѣчается въ памятникахъ того времени.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Сильвестра постигъ конецъ и Адашева. Сначала ему велѣно было оставаться въ недавно завоеванномъ городѣ Феллинѣ; но вскорѣ царь приказалъ привести его въ Дерптъ и посадить подъ стражу. Черезъ два мѣсяца послѣ своего заключенія онъ заболѣлъ горячкою и скончался. Естественная смерть избавила его отъ дальнѣйшаго мщенія царя; но клеветники распустили слухъ, будто онъ отъ страха отравилъ себя ядомъ: «измѣнникъ твой отравился», говорили они царю. Долговременная близость его къ царю и управленіе государственными дѣлами давали ему возможность пріобрѣсть большія богатства; но онъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія: все, что пріобрѣталъ, онъ раздавалъ нуждающимся.

VIII.

Опалы и казни.

Съ удаленіемъ строгихъ и докучныхъ порицателей Іоаннъ измѣнилъ прежній образъ жизни: онъ какъ будто вырвался изъ тѣснаго заключенія на свободу. Опека Сильвестра давно уже была ему не по душѣ, но его сдерживала пугливая совѣсть. Поначалу онъ, сколько могъ, сдерживалъ и свою страстную природу, и порывы властолюбія. Чѣмъ сильнѣе было это принужденіе, тѣмъ неукротимѣе высказался теперь его страстный характеръ. Смерть любимой жены также давала случай разыграться подавленнымъ страстямъ. При ея жизни онъ налагалъ на себя обѣтъ воздержанія, трудный для его характера, испорченнаго съ малолѣтства. Курбскій такъ описываетъ разгульную жизнь царя по смерти Анастасіи: «начались частые пиры со многимъ распутствомъ; наливали великія чаши зѣло пьянаго питья и давали первую выпить царю, а потомъ и всѣмъ съ нимъ пирующимъ. Пиръ продолжался, пока не упьются до безпамятства или до неистовства. Про тѣхъ же, которые не хотѣли пить, кричали царю: «вотъ какой онъ! не хочетъ веселиться на твоемъ пиру... вотъ нашелся праведникъ! Навѣрно, онъ осуждаетъ насъ и надъ нами смѣется: онъ твой недоброхотъ, несогласный съ тобою; изъ него еще не вышелъ духъ Сильвестровъ и Алексѣевъ»! Такъ тѣшились они надъ трезвыми людьми и выливали имъ на головы чаши или подвергали мукамъ...

Вмѣсто поста, цѣломудренной жизни и кроткихъ молитвъ, появились тогда лѣнь и долгое спанье, а по снѣ зѣвота и головная боль съ похмѣлья».

Кагда удалены были Сильвестръ и Адашевъ, около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и уважалъ, исчезли; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Въ это время новый ударъ—Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ съ своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія. А Іоаннъ былъ человѣкъ крайностей: переходы отъ зла къ добру и отъ добра къ злу, были въ немъ очень скоры. И вотъ онъ окружилъ себя любимцами, которые расшевеливали его дикія страсти, напѣвали ему о его самодержавномъ достоинствѣ и возбуждали противъ людей Сильвестровой партіи. Главными изъ этихъ любимцевъ были: бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его Ѳеодоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Бѣльскій, Грязной и Чудовской архимандритъ Левкій. Они теперь заняли мѣсто прежней «избранной рады» и стали царскими совѣтниками въ дѣлахъ разврата и злодѣяній. Подъ ихъ вліяніемъ царь началъ съ 1561 года свирѣпствовать надъ друзьями и сторонниками Сильвестра и Адашева.

Сначала не было казней: со сторонниковъ Сильвестра взяты были записи. Но скоро, замѣтивъ, что низложенная партія хлопочетъ о возвращеніи власти, царь ожесточился. Тогда начались казни. На первыхъ порахъ Іоаннъ впрочемъ часто довольствовался заключеніемъ въ монастырь или ссылкою.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Сильвестру и Адашеву изъ бояръ былъ князь Дмитрій Курлятевъ: его съ женою и дочерьми сослали въ монастырь. Курбскій говоритъ, что ихъ всѣхъ постригли насильно, дочерей—младенцевъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ удавили. Князь Михайла Воротынскій съ семействомъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро и получалъ содержаніе на себя, семью и холопей. Въ 1561 году взято письменное обѣщаніе не отъѣзжать, съ князя Василія Михайловича Глинскаго. Въ 1562 году 29 человѣкъ поручились по князѣ Иванѣ Дмитріевичѣ Бѣльскомъ, что ему не отъѣхать ни въ какія государства, ни въ удѣлы, и за этихъ поручниковъ поручилось еще 120 человѣкъ. Но въ томъ же году Бѣльскій уже снова билъ челомъ за свою вину, что преступилъ крестное цѣлованіе и хотѣлъ бѣжать отъ государя своего. Несмотря на это, государь «холопа своего пожаловалъ, вины ему отдалъ». Въ слѣдующемъ 1563 году Бѣльскій съ шестью другими боярами выручалъ другаго отъѣзжика, князя Александра Ивановича Воротынскаго. Въ 1564 году вырученъ былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ двойнымъ ручательствомъ. Курбскій пишетъ, что Іоаннъ мучилъ Шереметева, допытываясь, гдѣ его богатство. Шереметевъ отвѣчалъ, что «оно руками нищихъ перенесено въ небесное сокровище, ко Христу». Іоаннъ умилился, велѣлъ снять съ него тяжелыя оковы и перевести въ тюрьму болѣе сносную; но въ тотъ же день велѣлъ удавить брата его Никиту (послѣднее извѣстіе сомнительно). Иванъ Шереметевъ постригся потомъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Но царь не оставлялъ

его въ покоѣ и здѣсь ставилъ на видъ игумену, что Шереметеву дѣлаютъ противныя монастырскимъ правиламъ послабленія [1]).

Постепенно начались и казни. Сначала онѣ были вызываемы обстоятельствами, а потомъ обратились для Іоанна въ привычку и даже въ потѣху и дикое наслажденіе. «Сперва (говоритъ Іоаннъ) мы никого не казнили, а велѣли всѣмъ отстать отъ нашихъ измѣнниковъ (то есть отъ Сильвестра и Адашева) и не держать ихъ сторону: въ этомъ мы утвердили бояръ крестнымъ цѣлованіемъ. Но приверженцы Сильвестра и Адашева ни во что поставили нашу заповѣдь и свою клятву: они стали строить противъ насъ ковы, являя неутомимую злобу и непреклонный разумъ». Прежде всего по словамъ Курбскаго, казнена была вдова, Марія Магдалина, съ пятью сыновьями. Она была родомъ полька, приняла православную вѣру и вела строгую жизнь. Ее обвинили какъ чародѣйку и согласницу Алексѣя Адашева. Тогда же казнены были родственники Адашева: братъ Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ, Туровымъ, трое братьевъ Сатиныхъ, которыхъ сестра была за Алексѣемъ Адашевымъ, наконецъ родственники Адашевыхъ—Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Пострадали по словамъ Курбскаго, и такія лица, которыя не имѣли сношеній съ обвиненными, понесши казнь только за свое богатство, которымъ хотѣли воспользоваться новые любимцы Іоанна.

Молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, пле-

---

[1]) См. Посланіе Іоанна въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

мянникъ любимца великой княгини Елены, былъ казненъ по одному извѣстію за то, что поссорившись съ молодымъ Ѳедоромъ Басмановымъ, любимцемъ Іоанна, сказалъ ему: «Я и предки мои служили всегда съ пользою государю, а ты служилъ гнусною содоміею». Басмановъ пожаловался царю. Іоаннъ задумалъ отмстить Оболенскому, скрывши—за что. Онъ ласково пригласилъ Оболенскаго къ столу и велѣлъ подать ему большую чашу вина, съ приказомъ выпить однимъ духомъ. Оболенскій не могъ выпить и половины. «Такъ-то, сказалъ Іоаннъ—ты желаешь доброе своему государю! Не захотѣлъ пить, такъ ступай же въ погребъ: тамъ есть разное питье, тамъ напьешься за мое здоровье». Оболенскаго увели въ погребъ и задушили; а царь, какъ-будто ничего не зная, послалъ на другой день въ домъ Оболенскаго приглашать его къ себѣ и потѣшался отвѣтомъ его жены, которая не вѣдая, что сталось съ ея мужемъ, отвѣчала, что онъ еще вчера ушелъ къ государю.

IX.

Князь Репнинъ.

Однажды Іоаннъ пригласилъ къ себѣ на пиръ князя Михаила Репнина, человѣка очень степеннаго, желая привязать его къ себѣ. Когда все общество, развеселившись, надѣло маски и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Іоанну, что христіанскому царю

неприлично это дѣлать. Іоаннъ въ отвѣтъ надѣлъ на него маску, говоря: «Веселись, играй съ нами!» Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: «Чтобъ я, бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать»! Іоаннъ разсердился и прогналъ его, а чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить его въ церкви подлѣ алтаря, во время чтенія Евангелія. (Въ ту-же ночь царь велѣлъ убить князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени: убили его на самой церковной паперти).

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры;
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ—
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,—
Подать себѣ личину [1]) онъ кравчему велитъ:
«Да здравствуютъ тіуны—опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ;
„Я первый открываю веселый хороводъ.
„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“
И всѣ подъяли кубки: не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка—Михайла князь Репнинъ:
— О царь! забылъ ты Бога, свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ.
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ [2]) плясать!—
«Но царь, нахмуря брови: Въ умѣ ты, знать, ослабъ
„Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь,—

---

[1]) *Личина*—маска.
[2]) *Машкера*—маска.

„Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
— Опричнина да сгинетъ!—онъ рекъ перекрестясь,—
Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ.—
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ;
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ.
„Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ разъярясь,—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.—
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ;
За длинными столами опричники шумятъ;
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ.
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ—
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ [1]).

X.

Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ.

Мы видѣли что нѣкоторые изъ московскихъ бояръ, видя возрастающую подозрительность Іоанна, имѣли намѣреніе отъѣхать въ Литву. Если это намѣреніе не всѣмъ удалось, то нѣкоторымъ оно и удалось. Такъ, отъѣхали двое черкасскихъ, Владиміръ Заболоцкій-Шашковичъ и съ нимъ много дѣтей боярскихъ. Отъѣхалъ также и князь Димитрій Вишневецкій, прибывшій въ московское государство съ цѣлію громить

[1]) Стихотвореніе графа А. К. Толстаго.

Крымъ. Видя, что цѣль его не достигается, онъ ушелъ обратно въ Литву, къ Сигизмунду-Августу, и примирился съ нимъ [1]). Іоаннъ притворился, будто бѣгство его нимало не тревожило, и въ наказѣ своему гонцу велѣлъ говорить въ Литвѣ, когда спросятъ про князя Вишневецкаго: «Притекъ онъ къ нашему государю какъ собака—и утекъ какъ собака, и нашему государю и землѣ не причинилъ онъ никакого убытка». Но болѣе всего подѣйствовало на Іоанна бѣгство князя Курбскаго.

Вельможамъ, находившимся въ Москвѣ, трудно было отъѣхать; легче было сдѣлать это воеводамъ, находившимся на границахъ, въ Ливоніи. Этимъ удобствомъ воспользовался одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и отъѣхалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ честію. Курбскій былъ въ числѣ самыхъ близкихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, но до конца 1559 года пользовался особеннымъ расположеніемъ Іоанна. Когда въ ливонской войнѣ дѣла русскихъ приняли-было худой оборотъ и русскія войска пріуныли, царь призвалъ князя Курбскаго и сказалъ ему: «Принужденъ я или самъ идти противъ ливонцевъ или тебя, любимаго моего, послать, да охрабрится снова мое войско: иди и послужи мнѣ вѣрно». И Курбскій не измѣнилъ ни мужеству, ни искусству: въ два мѣсяца онъ

---

[1]) Черезъ два года онъ съ своими казаками пустился на турокъ, овладѣлъ Молдавіею, но былъ затѣмъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и умеръ мученическою смертію въ Константинополѣ.

одержалъ восемь побѣдъ надъ рыцарями и разгромилъ Ливонію.

Доселѣ Курбскій служилъ Іоанну вѣрно; ни одно пятно не затмѣвало его славы: бился ли онъ подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ ли Башкирскихъ или на поляхъ Ливоніи—вездѣ побѣда украшала его чело своими лаврами, вездѣ удары меча его рѣшали битвы къ славѣ и чести Россіи. Въ 1563 году онъ измѣнилъ своему государю, покинулъ отечество и сталъ служить главному врагу Іоаннову, королю польскому. Что же заставило его рѣшиться на это? Онъ проигралъ битву подъ Невлемъ, хотя у него было войска гораздо болѣе, чѣмъ у непріятеля. Неудача эта разсердила царя, и онъ обмолвился гнѣвнымъ словомъ... Друзья Курбскаго извѣстили его объ этомъ. Зналъ онъ и раньше о перемѣнѣ, происшедшей съ царемъ, о лютыхъ казняхъ, о ненависти царя къ боярамъ и глубоко скорбѣлъ. Одинъ за другимъ гибли въ Москвѣ люди, близкіе Курбскому, бояре именитые, оказавшіе большія услуги царю,—и вотъ очередь за нимъ... Ему ли на 35-мъ году жизни, полному жизни и надеждъ, уже знаменитому побѣдами, образованнѣйшему изъ русскихъ бояръ погибнуть безславной смертью на плахѣ? Ему ли, потомку Владиміра Мономаха, не знающему за собою никакого проступка, пострадать отъ гнѣва царя, окруженнаго презрѣнными наушниками, готовыми чернить всѣхъ честныхъ людей? Припомнилось ему и старинное право не только именитыхъ людей, но даже и простыхъ дружинниковъ переходить по своему желанію на службу отъ одного русскаго князя къ другому. А польскій король,

онъ же и великій князь литовскій и *русскій* (по юго-западнымъ русскимъ областямъ) уже разсылалъ московскимъ боярамъ зазывные листы, обѣщая имъ свою милость и привольное житье въ своемъ государствѣ. Самъ Курбскій получилъ два письма еще раньше невльской битвы—одно отъ короля, другое отъ сенаторовъ—Николая Радзивилла, гетмана литовскаго, и Евстаѳія Воловича, подканцлера литовскаго. Въ этихъ письмахъ король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить московское государство и пріѣхать въ Литву. Потомъ Курбскій получилъ еще грамоты отъ короля и Радзивилла: король обѣщалъ ему свои милости; Радзивиллъ увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе. Курбскій отправился въ Литву послѣ того, какъ получилъ отъ короля опасную грамоту и сенаторы присягнули, что король исполнитъ данныя ему обѣщанія. Значитъ, измѣнить государю и отечеству Курбскій задумалъ гораздо прежде неудачи подъ Невлемъ. Гнѣвное слово царя за невльскую битву послужило для него рѣшительнымъ побужденіемъ къ бѣгству.

Мысль о позорной казни, послѣ столькихъ заслугъ, ожесточила его. «Чего хочешь ты—спросилъ онъ свою жену:—мертвымъ ли меня видѣть предъ собою или съ живымъ разстаться навѣки?» Выборъ не могъ быть сомнителенъ. «Не только видѣть тебя мертвымъ, но и слышать о смерти твоей не желаю», отвѣчала жена. Съ горькими слезами облобызавъ супругу и девятилѣтняго сына, Курбскій тайно перелѣзъ черезъ крѣпостную стѣну (города Юрьева ливонскаго, или Дерпта, гдѣ онъ былъ воеводою), бросилъ городскіе ключи въ

колодезь, нашелъ двухъ коней, приготовленныхъ его слугою Шибановымъ, и ускакалъ съ нимъ въ городъ Вольмаръ, занятый литовцами (отъ Дерпта до Вольмара 130 верстъ), жена и сынъ его остались жертвами вѣрной смерти [1])...

«Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени, не уступалъ въ этомъ отношеніи Іоанну: быть можетъ, одинаковая начитанность, одинаковая страсть къ книгамъ и служила прежде самою сильною связью между ними. Курбскій не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ: онъ вызвалъ его на словесный поединокъ. Іоаннъ, по природѣ своей, не могъ удержаться и отвѣчалъ. Началась драгоцѣнная для исторіи переписка, ибо въ ней высказались не одни только личныя, современныя отношенія противниковъ: въ ней высказались родовыя преданія, въ ней вскрылась историческая связь явленій» [2]).

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой переписки.

---

[1]) Что сталось съ его женою и сыномъ, неизвѣстно; но въ Литвѣ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ снова женился на одной богатой вдовѣ.

[2]) Исторія Россіи *Соловьева*. Томъ шестой, стр. 184.

ЭПИСТОЛІЯ ПЕРВАЯ

князя Андрея Курбскаго, писана къ царю и великому князю московскому, прелютаго ради гоненія его.

Въ первомъ посланіи своемъ Курбскій укоряетъ Іоанна въ побіеніи бояръ и воеводъ, въ оклеветаніи вѣрныхъ подданныхъ; спрашиваетъ, чѣмъ провинились они; говоритъ о своемъ собственномъ гоненіи, о необходимости покинуть отечество; упоминаетъ о своихъ побѣдахъ и ранахъ: грозитъ никогда но возвращаться въ Россію; намѣкаетъ на распутную жизнь царскихъ любимцевъ и совѣтуетъ удалить главнаго наушника.

«Царю, отъ Бога препрославленному, пресвѣтлому прежде въ православіи, а теперь за наши грѣхи во всемъ измѣнившемуся: разумѣй тотъ, у кого прокаженная совѣсть, какой не найдти даже и среди безбожныхъ народовъ»! Такъ начинается посланіе Курбскаго.

«За что, о царь!—спрашиваетъ онъ далѣе—сильныхъ во Израили ты побилъ и воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ, разнымъ казнямъ предалъ и побѣдоносную и святую кровь ихъ пролилъ и мученическою ихъ кровію церковные пороги обагрилъ? За что на доброхотовъ твоихъ, душу свою за тебя полагающихъ, умыслилъ ты не слыханныя мученія и гоненія, ложно обвиняя ихъ въ измѣнахъ и чародѣйствахъ? Чѣмъ провинились они передъ тобою, о царь? Чѣмъ прогнѣвили тебя? Не они ли прегордыя царства разорили и своимъ мужествомъ и храбростью покорили тебѣ тѣхъ, у кото-

рыхъ прежде наши предки были въ рабствѣ? Не ихъ ли разумомъ достались тебѣ претвердые города Ливонскіе? Это ли намъ бѣднымъ воздаяніе твое, что ты губишь насъ цѣлыми родами? Ужъ не безсмертнымъ ли себя, царь, считаешь? Ужъ не прельщенъ ли ты небывалой ересью, не думаешь ли, что тебѣ не придется и предстать предъ Неподкупнымъ Судіею, Іисусомъ Христомъ? Онъ, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ, будетъ Судіею между тобою и мною! Какого только зла не потерпѣлъ я! За благія дѣла мои ты воздалъ мнѣ зломъ, за любовь мою—ненавистью! Кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіетъ на тебя къ Господу моему! Богъ свидѣтель: прилежно я размышлялъ, искалъ въ умѣ своемъ—и не нашелъ своей вины и не знаю, чѣмъ согрѣшилъ я предъ тобою. Ходилъ я предъ войскомъ твоимъ и не причинилъ тебѣ никакого безчестія; только славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одерживалъ во славу тебѣ. И такъ не одинъ годъ и не два, но много лѣтъ трудился я въ потѣ лица, съ терпѣніемъ; трудился вдали отъ отечества, мало видѣлъ и моихъ родителей, и жену мою. Въ далекихъ городахъ противъ враговъ моихъ боролся, терпѣлъ многія нужды и болѣзни. Много разъ былъ раненъ въ битвахъ, и тѣло мое уже все сокрушено язвами. Но для тебя, царь, все это ни чего не значитъ, и ты нестерпимую ярость и горчайшую, паче разженныя печи, ненависть являешь къ намъ».

«Хотѣлъ-было я разсказать по порядку всѣ мои

ратныя дѣла, которыя совершилъ на славу твою, съ помощію Христа, но не разсказалъ потому, что Богъ лучше знаетъ, нежели человѣкъ. Богъ за все мздовоздаятель... Да будетъ вѣдомо тебѣ, царь: уже не увидишь ты въ этомъ мірѣ лица моего. Но не думай, что я буду молчать: до смерти моей буду непрестанно вопіять со слезами на тебя Безначальной Троицѣ... Не думай, царь, что избіенные тобою неповинно, заточенные и изгнанные безъ правды уже погибли окончательно: не хвались этимъ, какъ побѣдой. Избіенные тобою у престола Господня стоятъ, отмщенія просятъ; заключенные же и изгнанные тобою безъ правды на землѣ вопіютъ на тебя къ Богу и день, и ночь»...

«Это письмо, омоченное слезами, я повелю положить во гробъ съ собою».

Отвѣтомъ на это письмо Курбскаго было огромное.

ПОСЛАНІЕ

царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи ко князю Андрею Курбскому, противъ его князя Андреева письма, что онъ писалъ изъ града Вольмара.

Въ этомъ посланіи Іоаннъ подробно разбираетъ чуть не каждое слово Курбскаго. Онъ выказываетъ тутъ много начитанности: подтверждаетъ свои слова и примѣрами изъ исторіи Рима и Византіи, изъ исторіи Іудеи, и также изъ русской исторіи, и частыми ссылками на апостольскія посланія и пророческія книги.

Видно, что Іоаннъ былъ хорошо знакомъ съ греческими (въ переводѣ) и русскими лѣтописями и много бесѣдовалъ съ книжными людьми; но у него недостаетъ той обдуманности и связи въ передачѣ мыслей и той отдѣлки въ рѣчи, какъ у Курбскаго: онъ часто повторяетъ уже высказанную мысль; не договоривъ объ одномъ предметѣ переходитъ къ другому и пишетъ иногда растянутою, запутанною рѣчью.

«Богъ нашъ Троица (такъ начинается посланіе), иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о Немъ же живемъ и движемся и есмы, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду... Побѣдоносная хоругвь и крестъ честный даны первому въ благочестіи царю Константину Великому и его преемникамъ, всѣмъ православнымъ царямъ и блюстителямъ православія. Слова Божіи всю вселенную, какъ орлы, облетѣли. Искра благочестія дошла и до русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ получило начало отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго князя Владиміра Мономаха, который отъ грековъ высокодостойнѣйшую честь принялъ, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, побѣдившаго безбожныхъ нѣмцевъ, и достохвальнаго великаго государя Димитрія, одержавшаго за Дономъ великую побѣду надъ безбожными агарянами. Дошло самодержавство до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, до блаженной памяти отца нашего, великаго государя Василія, старыхъ прародительскихъ земель обрѣтателя, дошло

и до насъ смиренныхъ скиптродержавіе русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость къ намъ Бога, не попустившаго доселѣ рукѣ нашей обагриться единоплеменной кровью, потому что мы ни у кого не отнимали царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ какъ родились въ царскомъ достоинствѣ, такъ и выросли и воцарились, свое взяли, а не чужое отняли.

«Нашъ христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде истиннаго христіанскаго самодержавства и нашего государства боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же клятвопреступнику и губителю христіанства и врагамъ его служителю, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

«Зачѣмъ, князь, думая соблюсти благочестіе, ты душу свою отвергъ? Что дашь взамѣнъ ея въ день страшнаго суда? Если и весь міръ пріобрѣтешь, все же наконецъ смерть постигнетъ тебя! Зачѣмъ ради тѣла погубилъ ты душу свою? Убоялся ты смерти по ложному слову своихъ друзей; а всѣ они, какъ бѣсы, преступивши крестное цѣлованіе, всюду намъ сѣти разставляли, надзирая за нашими словами и движеніями, думая, что мы должны быть безгрѣшны какъ безплотные, и потому сплетали на насъ поношенія и укоризны. Отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнились вы на меня ярости, какъ смертоноснаго змѣинаго яда, и душу свою погубили и на разореніе церкви стали. Или думаешь, окаянный, что убережешься отъ этого? Ни какъ! Если придется тебѣ за одно съ ними (литовцами) воевать, то долженъ будешь ты и церкви (православныя) разо-

рять, и иконы попирать, и христіанъ губить. Гдѣ руками своими не дерзнешь творить этого, то мыслью своею смертоносною (совѣтомъ) много злобы сотворишь. Подумай же, какъ, при вражескомъ нашествіи, конскими копытами будутъ растерзаны и растоптаны нѣжные члены младенцевъ... И вотъ твое злобѣсное умышленіе уподобиться Иродову неистовству въ избіеніи младенцевъ.

«Ты ради тѣла душу погубилъ. Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты и въ какую пропасть низвергся ты! Это ли твое благочестіе, что погубилъ ты душу свою ради своего самолюбія? Разумные люди и тамъ (въ Литвѣ) поймутъ, что ты, желая славы мимолетной и богатства, это сдѣлалъ, а не отъ смерти бѣжалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, какъ говоришь, почему же убоялся *неповинной* смерти?—вѣдь это не смерть, а пріобрѣтеніе. Придется же во всякомъ случаѣ умереть. Презрѣлъ ты и слова апостола Павла: «Всякая душа владыкамъ властвующимъ да повинуется: нѣтъ такого начальства, которое не отъ Бога учинено. И потому противящійся власти, Божію повелѣнію противится». Смотри же и пойми: кто противится власти, тотъ Богу противится. А кто Богу противится, тотъ зовется отступникомъ: а это—горчайшее согрѣшеніе. Сказано же апостоломъ о всякой власти, которая даже добыта кровью и войною. Припомни же сказанное выше что мы не насиліемъ пріобрѣли царство. Презрѣлъ ты также слова апостола Павла, сказанныя въ другомъ мѣстѣ: «Рабы, слушайтесь господъ своихъ, не только предъ очами ихъ повинуясь, какъ человѣкоугодники,

но какъ Богу, и не только благимъ (господамъ), но и строптивымъ, не только за гнѣвъ, но и за совѣсть. Это воля Божія—творя благос пострадать». Почему же не захотѣлъ ты отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни (петлѣнный мученическій вѣнецъ) наслѣдовать? Ради временной славы, сребролюбія и сладостей міра сего ты все свое душевное благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ.

«Какъ не устыдился ты раба своего Васьки Шибанова? Онъ благочестіе свое соблюлъ. Предъ царемъ и предъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, онъ не измѣнилъ крестному цѣлованію, но, восхваляя тебя, готовъ былъ всякую смерть принять за тебя. А ты изъ за одного гнѣвнаго слова моего не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей погубилъ, потому что Богъ дѣду нашему поручилъ ихъ въ работу; и они, давъ свои души (присягу), до смерти своей служили и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ. И это все ты забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, соединился съ врагами христіанъ, да къ тому же еще скудоумными словами нелѣпости говоришь противъ насъ, словно камни на небо бросая.

«Писаніе твое я хорошо уразумѣлъ. Оно кажется снаружи наполненнымъ меда и сота, но ядъ аспида ты скрылъ подъ устами своими. Отъ слѣпотствующей злобы твоей не можешь видѣть истины. Развѣ это «совѣсть прокаженная»—свое царство держать въ своей рукѣ и власти своимъ рабамъ не давать? Развѣ тотъ—«супротивникъ разуму, кто не хочетъ быть во власти своихъ

рабовъ? И въ томъ ли «православіе пресвѣтлое», чтобы рабы владѣли и повелѣвали? «Если и есть на мнѣ малое согрѣшеніе, то отъ вашего же соблазна и измѣны. Я — человѣкъ. Нѣтъ человѣка безъ грѣха: безгрѣшенъ только одинъ Богъ. Я не считаю себя, какъ ты, выше человѣка, равнымъ ангеламъ. А о безбожныхъ государяхъ что и говорить! Они своими царствами не владѣютъ: какъ велятъ имъ ихъ рабы, такъ они и властвуютъ. А россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ, а не бояре и вельможи. И ты этого не могъ въ своей злобѣ разсудить: по-твоему благочестіе—самодержавству быть подъ владычествомъ попа и подъ вашей властью; а это по твоему разуму — нечестіе, что мы сами захотѣли имѣть власть, данную намъ отъ Бога, и не пожелали быть подъ властію попа».

«Потому ли я противникомъ вашимъ явился, что не далъ вамъ погубить меня? А ты самъ поступилъ и противъ разума, и противъ клятвы изъ-за ложнаго страха смерти. Чего самъ не творишь, то намъ совѣтуешь. Какъ начали вы поношенія и укоризны намъ, такъ и нынѣ не перестаете, звѣриной яростью распалясь, совершаете вы свою измѣну. Это ли ваша доброхотная, прямая служба — поносить и укорять? Что же ты, собака, и пишешь, и соболѣзнуешь, совершивъ такую злобу?»

Затѣмъ въ письмѣ приводятся примѣры изъ священной исторіи и изъ исторіи Греціи, показывающіе, что подданнымъ слѣдуетъ покоряться власти, а властителямъ слѣдуетъ быть въ иныхъ случаяхъ и очень строгими, по словамъ апостола: «Иныхъ милуйте, иныхъ же

страхомъ спасайте». Злодѣевъ нельзя называть мучениками: Константинъ Великій убилъ сына своего для блага царства; князь Ѳедоръ Ростиславичъ, прародитель твой, много крови пролилъ въ Смоленскѣ на Пасху, а все же причтенъ къ лику святыхъ; Давидъ оказался угоднымъ Богу, хотя и приказалъ избить въ Іерусалимѣ своихъ враговъ и ненавистниковъ.

«И во всякое время царямъ слѣдуетъ быть осмотрительными—иногда кротчайшими, иногда же ярыми; добрымъ людямъ оказывать милость и кротость, злымъ же ярость и мученіе. Не могущій такъ поступать—не царь. Хочешь не бояться власти?—дѣлай добро. Если же злое творишь,—бойся: не напрасно царь носитъ мечъ, а на месть злодѣямъ и въ защиту добродѣямъ».

«Ты же уподобился Іудѣ предателю. Какъ онъ на Владыку всѣхъ возбѣсился и на смерть предалъ Его, такъ и ты, пребывая съ нами и хлѣбъ нашъ вкушая, собиралъ злобу на насъ въ своемъ сердцѣ. Почему ты являешься учителемъ моимъ? Кто тебя поставилъ судьей или начальникомъ надъ нами? Отъ кого ты посланъ проповѣдывать? Кто рукополагалъ тебя»?

«Нигдѣ ты не найдешь того, чтобы не разрушилось царство, обладаемое попами. Они въ Греціи царство погубили и туркамъ подчинили. Эту погибель и намъ совѣтуешь? Пусть она на твою голову падетъ. Развѣ это хорошо—попу и пригордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только царскимъ почетомъ пользоваться, а властью быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же онъ и самодержцемъ будетъ называться, если не самъ все устрояетъ».

«Когда Богъ избавилъ израильтянъ отъ рабства египетскаго, то вспомни, кого поставилъ властвовать—священника или многихъ правителей? Одного Моисея поставилъ властителемъ, а священствовать велѣлъ Аарону, въ мірскія же дѣла не вмѣшиваться. Когда же Ааронъ сталъ вмѣшиваться, тогда люди отпали даже отъ Бога. Когда Илій жрецъ взялъ на себя и священство, и царство, то и самъ, и сыновья его погибли злою смертью, и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида».

«Далѣе приводятся примѣры изъ исторіи Рима, Византіи, Италіи—въ доказательство того, что и могучія царства гибли отъ раздѣленія власти и подчиненія царей вельможамъ. «Иное дѣло—душу свою спасать (быть инокомъ), иное — заботиться о душѣ и тѣлѣ многихъ; иное дѣло—святительская власть, иное—царское правленіе. Въ монашествѣ можно быть смиренному подобно агнцу или подобнымъ птицѣ, которая ни сѣетъ, ни жнетъ и не собираетъ въ житницы: царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія. Горе—говоритъ пророкъ — дому тому, которымъ многіе обладаютъ. Видишь ли, что владѣніе многихъ подобно женскому безумію».

«А что ты писалъ: за что я сильныхъ во Израили побилъ и воеводъ, данныхъ намъ отъ Бога, погубилъ разными смертями?—такъ это ты писалъ ложно, лгалъ, какъ отецъ твой дьяволъ,—научилъ. Кто сильнѣйшій въ Израили, не знаю: земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пречистой Богородицы милостію, всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и на-

конецъ нами, государями, а не судьями и воеводами. Если я и казнилъ разными смертями воеводъ своихъ, такъ ихъ у насъ множество и кромѣ васъ измѣнниковъ. Своихъ холоповъ вольны мы жаловать, вольны и казнить. Въ иныхъ земляхъ самъ увидишь, сколько зла творится злымъ: тамъ не по-здѣшнему! Это вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили, чтобъ измѣнниковъ любить: въ иныхъ земляхъ ихъ казнятъ,—тѣмъ и власть утверждается. А мукъ, гоненія и смертей различныхъ ни на кого я не умышлялъ; а что упомянулъ ты объ измѣнахъ и чародѣйствѣ, такъ собакъ такихъ всюду казнятъ».

Послѣ этого Іоаннъ подробно припоминаетъ о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ бояръ въ дѣтствѣ, и затѣмъ о стѣснительной опекѣ, наложенной на него Сильвестромъ и Адашевымъ послѣ большаго московскаго пожара и народнаго мятежа. Выдержки сюда относящіяся приведены уже нами выше въ своихъ мѣстахъ. Потомъ онъ продолжаетъ:

«Ты ихъ (бояръ и воеводъ), тлѣнныхъ людей, называешь предстателями у Бога. Ты еллинамъ (язычникамъ) уподобляешься, осмѣливаясь тлѣнныхъ людей называть предстателями. Мы же, христіане, знаемъ Заступницу христіанскую, Пречистую Владычицу Богородицу; затѣмъ предстатели—всѣ небесныя силы, архангелы и ангелы, затѣмъ молитвенники наши—пророки, апостолы, святые мученики. Вотъ предстатели христіанскіе! И намъ царямъ, носящимъ порфиру, неприлично называться предстателями. Ты же не стыдишься тлѣнныхъ людей, притомъ измѣнниковъ, называть предста-

телями! А что писалъ ты, будто тѣ предстатели прегордыя царства разорили и проч., то это разумно сказать только о казанскомъ царствѣ, а около Астрахани и близко вашей милости не было. Въ томъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу считать опалою? Когда вы ходили, въ походъ на Казань безъ понужденія, охотно? Вы всегда ходили, какъ на бѣдное хожденіе. Когда истощились запасы подъ Казанью, вы, постоявъ три дня, уже хотѣли вернуться, если бы я не удержалъ васъ. Еслибы при взятіи города я не удержалъ васъ, сколько бы вы погубили православнаго воинства, начавши бой не во время! А потомъ, когда милостію Божію городъ былъ взятъ, вмѣсто того, чтобы порядокъ водворять, вы кинулись грабить. Это значитъ прегордыя царства разорять, какъ ты безумно и надменно хвалишься»!

Исчисливъ всѣ недостатки бояръ, дѣйствительные и мнимые, Іоаннъ говоритъ: «А за такія ваши заслуги, какъ сказано выше, вы достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказывали. Еслибы я по твоему достоинству поступилъ, ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы».

«Кровь твоя (говоришь ты), пролитая иноплеменниками за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу. Это смѣха достойно! Не нами, а другими пролитая, на другихъ и вопіетъ. Если и пролилъ ты кровь въ борьбѣ съ супостатами, такъ сдѣлалъ ты это для отечества. Не сдѣлай ты этого, то не былъ бы христіанинъ, а варваръ. Во сколько разъ больше наша кровь вопіетъ на васъ къ Богу, нами самими пролитая не ранами, не каплями, но многимъ потомъ и многимъ трудомъ, какимъ вы отяго-

щали меня сверхъ силы! И отъ вашей злобы вмѣсто крови много слезъ нашихъ пзлилось, еще больше воздыханій и стенаній сердечныхъ; отъ того получилъ я и боль въ поясницѣ»...

Затѣмъ царь презрительно отзывается о заслугахъ Курбскаго, коритъ его за неудачу подъ городомъ Невлемъ и прибавляетъ: «Военныя твои дѣла намъ хорошо вѣдомы. Не считай меня неразумнымъ или младенцемъ по уму. Не думайте также меня дѣтскими страшилами напугать, какъ прежде дѣлали съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ».

«Убіенные, говоришь, предстоятъ у престола Божія, и это помышленіе твое суемудренно: по словамъ апостола, «Бога никто же нигдѣ же видѣ». Вы, измѣнники, если и вопіете безъ правды, ничего не получите. Я же ничѣмъ не хвалюсь въ гордости: дѣлаю свое царское дѣло и выше себя ничего не творю. Подвластнымъ людямъ благимъ воздаю благое, злымъ—злое. Не по желанію казню ихъ, а по нуждѣ.

«А что свое писаніе съ собою въ гробъ хочешь положить, этимъ ты послѣднее свое христіанство отвергъ отъ себя. Господь велѣлъ не противиться злу,—ты же даже обычное, что и невѣжды понимаютъ, прощеніе предъ кончиною отвергъ, а потому ты недостоинъ и отпѣванія».

Курбскій кратко отвѣчаетъ на «широковѣщательное и многошумящее» посланіе Іоанна, что онъ долженъ былъ постыдиться писать такъ нескладно, подобно *нестовой бабѣ*, въ чужую, просвѣщенную страну, гдѣ есть люди, искусные не только въ грамматикѣ и рито-

рикѣ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ. «Въ немъ (посланіи царя) со многою яростію нахватано выписокъ изъ Священнаго Писанія не стихами и строками, какъ прилично людямъ ученымъ, а цѣлыми посланіями и книгами; рядомъ съ этимъ говорится о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя бабьи басни [1]). Да и хорошо-ли (продолжаетъ онъ) такъ грозить человѣку оскорбленному, изгнанному; вмѣсто утѣшенія такъ кусательно грызть своего бывшаго вѣрнаго слугу отъ юности! Чего ты отъ насъ еще хочешь? Ужъ не только поморилъ ты всѣхъ князей изъ роду великаго Владиміра,—такъ сказать, и послѣднюю рубашку мы отдали твоему прегордому и царскому величеству». Въ заключеніе онъ говоритъ: «Могъ бы я дѣльно отвѣтить на каждое твое слово, да удержалъ руку съ тростью и отдалъ все на судъ Божій: рыцарскимъ людямъ неприлично браниться, какъ рабамъ».

Въ 1577 году Іоанну удалось вновь одержать нѣсколько побѣдъ въ Ливоніи и взять городъ Вольмаръ (Володиміръ Ливонскій). Тутъ онъ вспомнилъ о Курбскомъ и, вымещая свою старую досаду, написалъ къ нему краткое письмо, въ которомъ колко намекаетъ на то, что городъ, гдѣ онъ когда-то спасался, теперь ужъ не спасетъ его. По обычаю, Іоаннъ начинаетъ торжественно, и прописываетъ весь свой царскій титулъ, причемъ называетъ себя и государемъ Ливоніи. «Вспо-

---

[1]) Курбскій намекаетъ здѣсь, очевидно, на то мѣсто въ посланіи Іоанна, гдѣ послѣдній описываетъ дѣла бояръ во время его дѣтства, грубое обхожденіе Шуйскаго, расхищеніе казны и проч.

минаю, тебя князь, со смиреніемъ», говоритъ онъ далѣе; «хоть и больше песка морскаго мои грѣхи, но надѣюсь на милость Божію: мнѣ, мучителю, дарована побѣда надъ врагами». Послѣ этого онъ опять исчисляетъ свои старыя обиды; но, довольный побѣдою, упоминаетъ объ нихъ спокойно, безъ гнѣвнаго раздраженія. Іоаннъ упрекаетъ совѣтниковъ Сильвестра за то, что они сняли съ него всю власть, призвали его на судъ съ боярами, ободряли его, когда онъ покупалъ наряды дочерямъ Курлятева, и осуждали, когда онъ паряжалъ своихъ и т. д. Но самыя ѣдкія, *кусательныя* слова, которыми онъ хочетъ уязвить Курбскаго, припасены къ концу. «Вы, говоритъ онъ—думали, что нѣтъ людей на Руси, кромѣ васъ: а кто же теперь беретъ претвердые Ливонскіе города? Ты себѣ на зло писалъ, будто мы посылали тебя въ дальніе города, какъ въ опалѣ: а вотъ мы теперь прошли и далѣе твоихъ дальнихъ мѣстъ, наши кони переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили, и воду во всѣхъ этихъ мѣстахъ пили,—такъ ужъ нельзя сказать, что не вездѣ были ноги коней нашихъ. Гдѣ ты думалъ найдти покой отъ своихъ трудовъ—въ Вольмарѣ, и туда принесъ насъ Богъ для твоего покоя; и гдѣ ты надѣялся укрыться, мы и тутъ съ помощью Божіей, тебя нагнали. Такъ ты и поѣхалъ еще подальше твоихъ дальнихъ мѣстъ».

Курбскій не остался въ долгу у Іоанна. Года два спустя, царь потерпѣлъ большія неудачи въ войнѣ съ Польшею: Полоцкъ, передъ тѣмъ завоеванный имъ, снова взятъ былъ польскимъ войскомъ подъ началь-

ствомъ Стефана Баторія, и изъ этого самаго города, подобно тому, какъ Іоаннъ изъ Вольмара, Курбскій посылаетъ къ царю, одно за другимъ, два новыхъ обличительныхъ письма.

Въ первомъ изъ этихъ писемъ Курбскій говоритъ: «Не буду выписывать твой величайшій и должайшій титулъ,—отъ такого убогаго изгнанника, какъ я, онъ тебѣ не нуженъ. Какъ простой человѣкъ, я недостоинъ и исповѣди, какую ты мнѣ дѣлаешь; а всетаки очень обрадовались бы не только я, но и всѣ христіанскіе цари и народы, еслибы ты на самомъ дѣлѣ покаялся. Ты въ своихъ письмахъ то излишне унижаешься, то безъ мѣры превозносишься; но, что всего хуже, ты возводишь клеветы на своего исповѣдника (Сильвестра), который избавилъ отъ скверны твою душу. Пусть онъ обманывалъ тебя видѣніями; но то былъ добрый льстецъ, который, подобно тому, какъ врачи обрѣзываютъ дикое мясо и язвы на тѣлѣ, хотѣлъ исцѣлить твою душу: онъ ѣдкимъ словомъ порицалъ тебя, крѣпкою уздою сдерживалъ твою излишнюю похоть и ярость. Ты могъ бы вспомнить, какъ было во время твоихъ благочестивыхъ дней и какъ стало нынѣ, когда голодъ и мечъ варварскій опустошилъ твою землю. Москва сожжена; ты самъ бѣжалъ отъ татаръ и, какъ былъ здѣсь слухъ, хоронясь по лѣсамъ со своими кромѣшниками, чуть не погибъ отъ голоду. Вмѣсто нынѣшнихъ твоихъ даней, мы, бывало, платили саблями по головамъ бусурмановъ. Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловать,

какъ тамъ есть у васъ обычаи; а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ поневолѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было. Если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: *аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другой.* Образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ. Такъ и Давидъ, гонимый Сауломъ, воевалъ противъ земли Израилевой. Прежде по твоему приказанію, я сжегъ Витебскъ и въ немъ 24 христіанскихъ церкви; послѣ и король Сигизмундъ принудилъ меня воевать Луцкую волость. Мы, сколько могли, заботились, чтобы невѣрные не раззоряли церквей Божіихъ; но съ нами было до 15 тысячъ войска и между ними не мало еретиковъ: безъ нашего вѣдома они сожгли одинъ монастырь съ церковью. Объ этомъ разскажутъ тебѣ монахи, выпущенные нами изъ плѣна. Потомъ, когда твой непріятель, крымскій ханъ, просилъ помощи, чтобы воевать русскую землю, и мнѣ приказали идти, я отказался, и самъ король похвалилъ меня за это.

«Ты пишешь еще, будто мы очаровали твою царицу. Хотя я много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя Смоленскаго Ѳеодора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братій своихъ пить, какъ у *нѣкоторыхъ* издавна

ведется обычай: пе́рвый дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михаила Тверскаго, а за нимъ и прочіе; еще у всѣхъ на свѣжей памяти, что сдѣлано съ углицкими и съ ярославскими и другими единокровными, какъ они всеродно были истреблены—слышать тяжко, ужасно! отъ груди материнской оторвавши, въ мрачныхъ темницахъ затворили и поморили. А внуку твоему, блаженному и *присновъпчанному* (Димитрію) что сдѣлано? А твоя царица мнѣ убогому ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимірѣ братѣ, будто мы хотѣли его на царство: я объ этомъ и не думалъ, потому что онъ былъ недостоинъ. Но я еще тогда угадалъ грядущее твое мнѣніе на меня, когда ты насильно взялъ сестру мою за этого своего брата, въ этотъ вашъ давно издавна кровопійственный родъ.

«Ты хвалишься, что поработилъ ливонцевъ силою Животворящаго Креста. Но это, видно, не Христовъ крестъ, а погибшаго разбойника. Польскіе и литовскіе гетманы еще не готовились въ походъ, а вотъ уже твоихъ воеводишекъ, настоящихъ каликъ, изъ-подъ твоихъ крестовъ влачатъ въ кандалахъ, показываютъ всему народу, какъ плѣнниковъ, на посрамленіе Святорусской земли и сыновъ русскихъ. О Курлятевѣ, Сицкомъ и другихъ зачѣмъ вспоминать? Они всѣ погибли отъ лютости мучителя, а на мѣсто ихъ остались калики, которые боятся и листа, сорваннаго вѣтромъ съ дерева. А теперь что ты сдѣлалъ? Отдалъ Полоцкъ со всѣмъ народомъ и самъ хоронишься за лѣсами и

бѣжишь, когда тебя ни кто не гонитъ. Время укротиться твоему величеству и войдти въ чувства: мы оба съ тобой уже близки къ гробу [1])».

Второе письмо Курбскаго изъ Полоцка написано уже безъ гнѣва: онъ говоритъ съ глубокою горестію объ осквернении души царя, которая когда-то «какъ чистая голубица блистала серебристыми крылами», сокрушается о перемѣнѣ Іоанна и о бѣдствіяхъ Россіи и сравниваетъ Сильвестрово время съ временемъ наушниковъ: прежде побѣды, покореніе царствъ, трепетъ враговъ; теперь—вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ тунеядцы, шуты и скоморохи, вмѣсто доблестныхъ военачальниковъ—гнусные Бѣльскіе, вмѣсто храбраго воинства—опричники, вмѣсто чтенія священныхъ книгъ—пляски и скверныя пѣсни, вмѣсто Сильвестра—колдуны и чародѣи, вмѣсто прежней чистоты—растлѣніе дѣвъ. Курбскій отъ горести кладетъ перстъ на уста и плачетъ. «Очнись»! восклицаетъ онъ въ заключеніе, «встань послѣ долгаго и тяжелаго сна! Вспомни твои первые дни, когда ты блаженно царствовалъ. Не губи себя и твоего дому»!

Этимъ и закончилась переписка Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ.

Кромѣ четырехъ писемъ къ Грозному, Курбскій на-

---

[1]) Въ оправданіе своего бѣгства Курбскій прилагаетъ къ этому письму два отрывка, переведенные имъ съ латинскаго изъ Цицерона, гдѣ говорится объ изгнаніи, приводитъ также примѣры изъ священной и изъ греческой исторіи, чтобы показать, какъ отъ несправедливости владыкъ гибли царства.

писалъ еще а) исторію царя Іоанна Грознаго, б) 15 писемъ къ князю Константину Острожскому, княгинѣ Черторижской, пану Троцкому и другимъ лицамъ, в) исторію Флорентійскаго собора, г) предисловіе къ Новому Маргариту, д) перевелъ 6 бесѣдъ Іоанна Златоуста и нѣсколько отрывковъ изъ церковной исторіи Евсевія.

Въ 1579 году Курбскій развелся со второю женою и вступилъ въ третій бракъ. Кромѣ непріятностей семейныхъ онъ испытывалъ въ своемъ новомъ отечествѣ и другія непріятности, особенно вслѣдствіе споровъ и тяжбъ съ сосѣдями о порубежныхъ владѣніяхъ и взаимныхъ обидахъ. Но едва ли не болѣе всего тревожили Курбскаго опасности, угрожавшія въ Литвѣ православной церкви. Унія еще не возникла; но іезуиты уже приготовили ее, овладѣвъ воспитаніемъ благороднаго литовско-русскаго юношества. Умы колебались; завелись богословскіе споры; появилось множество полемическихъ сочиненій; нашлись и отступники отъ вѣры прародительской. Курбскій проникъ замыселъ враговъ русской церкви и, изъ ревности къ православію, старался укрѣпить своихъ единовѣрцевъ въ законѣ предковъ. Для этой цѣли онъ усердно заботился о переводѣ на русскій языкъ твореній великихъ учителей церкви—Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Григорія Богослова; бесѣдовалъ, переписывался съ вельможами и панами литовскими, предостерегая ихъ отъ козней іезуитовъ; выучился даже латинскому языку, чтобы тѣмъ легче обличать лжеумствованія папистовъ. Письма его къ князю Острожскому, къ княгинѣ Чер-

торижской, къ братьямъ Мамонычамъ и другимъ лицамъ свидѣтельствуютъ, съ какимъ рвеніемъ онъ старался поддержать въ Литвѣ православіе и какъ боялся, чтобы враги русской церкви не развратили ея послѣдователей. Опасенія его сбылись: чрезъ 12 лѣтъ послѣ его смерти возникла унія, служившая переходомъ къ Римской церкви. Собственный сынъ его былъ уже католикъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій скончался въ маѣ 1583 года въ Ковнѣ, 55 лѣтъ, и погребенъ въ монастырѣ Св. Троицы, менѣе, нежели однимъ годомъ, предупредивъ смерть Іоанна Грознаго.

XI.

Василій Шибановъ.

Первое свое письмо къ царю Іоанну изъ Вольмара, Курбскій прислалъ съ вѣрнымъ своимъ слугою Василіемъ Шибановымъ. Шибановъ подалъ письмо самому Іоанну на Красномъ крыльцѣ съ словами: «отъ господина моего, твоего измѣнника, князя Курбскаго»! Пылая гнѣвомъ царь подозвалъ Шибанова, ударилъ его въ ногу своимъ остроконечнымъ посохомъ и пробилъ ее: кровь полилась изъ язвы. Шибановъ не измѣнялся въ лицѣ, молчалъ. Царь же налегъ на посохъ и приказалъ читать письмо.

Затѣмъ Іоаннъ приказалъ пытать Шибанова, чтобы вывѣдать отъ него всѣ подробности побѣга Курбскаго,

узнать его доброхотовъ и единомышленниковъ въ Москвѣ. Шибановъ подвергся страшнымъ пыткамъ, но и среди мученій хвалилъ своего господина и не открылъ ничего. Такая твердость и вѣрность слуги своему господину изумила всѣхъ, даже и самого царя.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянный.
Дороденъ былъ князь: конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,—
Авось я пѣшой не отстану“.
И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ
Безъ шапокъ, толпятся у входа.
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ.
Не даромъ дивится литовскій народъ
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ“.
Но князя не радуетъ новая честь;
Исполненъ онъ желчи и злобы:
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы.
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно царю напишу:
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо“.
И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется и снова прочтетъ—
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя;
И вотъ, ужъ когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.
Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?

Невольно на князя сомнѣнья нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
„Князь! служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали“!
И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, а душа не слаба,—
А вотъ и рубли въ награженье“!
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро;
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки».
Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой:
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ все опрични кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта;
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ;
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ поспѣшно съ коня онъ долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго князя Андрея“!
И очи царя загорѣлися вдругъ:
Ко мнѣ? отъ злодѣя лихова?—
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье—отъ слова до слова!—
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ:

„Царю православному древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй: не ими ль, средь тяжкой войны,
Безъ счету твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть мужествомъ равенъ?
Безумный! иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же: пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный!
И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану“!
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали:
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной:
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостоиный и смрадный.
Гонецъ! ты не рабъ а товарищъ и другъ:
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ.
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ [1])».

---

[1]) Стихотвореніе графа А. К. Толстаго.

XII.

Посланіе Іоанна въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь.

Познакомившись съ перепиской Іоанна съ княземъ Курбскимъ считаемъ неизлишнимъ познакомиться теперь и съ знаменитымъ посланіемъ его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, которое съ одной стороны ярко выставляетъ намъ самого Іоанна съ его неизмѣнною привычкою поучать, сказать кстати, красное слово, выказать свой умъ, а съ другой—живо рисуетъ намъ нравы того времени.

Игуменъ и братія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подали царю челобитную на старца Александра. Изъ этой челобитной мы видимъ, что могъ позволять себѣ тогда дерзкій человѣкъ даже въ монастырѣ: «Живетъ, государь, тотъ Александръ не по чину монастырскому: въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню, гдѣ и живетъ больше, чѣмъ въ монастырѣ; монастырь опустошаетъ, изъ казны, погребовъ, съ сушила всякіе запасы, изъ мельницъ муку и солодъ, изъ селъ всякій хлѣбъ беретъ и отсылаетъ къ себѣ въ пустыню; пріѣхавши въ монастырь игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ..., а другихъ старцевъ изъ собору выметалъ и къ морю разослалъ; прочую братію, служебниковъ и клирошанъ, колетъ осткомъ и бьетъ плетьми, безъ игуменскаго и старческаго совѣта, и на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Строителемъ онъ былъ въ Москвѣ безъ

малаго семь лѣтъ, а отчета въ монастырской казнѣ не далъ. Послѣ ефимона на погребѣ пьетъ силою съ тѣми людьми, которыхъ беретъ съ собою въ пустыню; братіи грозитъ, хочетъ на цѣпь и въ желѣза сажать на смерть, и тебѣ же, государю, хочетъ оговаривать ложью старцевъ и всю братію; и отъ тѣхъ его побой и грозъ братія бѣгутъ розно. Православный царь государь! укажи намъ, какъ съ Александромъ прожить; а про пустыню, про его строенье вели сыскать. Общежительство Кирилловское онъ разоряетъ, слугъ и лошадей держитъ особенныхъ, саадаки, сабли и ружницы возитъ съ собою, солью торгуетъ на себя, лодки у него ходятъ отдѣльно отъ монастырскихъ».

Царь Іоаннъ съ своей стороны упрекалъ монаховъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на знатныхъ постриженниковъ, въ угоду имъ нарушаютъ древніе строгіе уставы монастырскіе. Вотъ его посланіе въ Кириллов-Бѣлозерскій монастырь:

«Подобаетъ вамъ усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о истинѣ крѣпко подвизаться, а не быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите вся оружія Божія и не предавайте чудотворцева преданія ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра. Есть у васъ Анна и Каіафа—Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ—Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ—чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустите ослабу—большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено. Если намъ бла-

говолитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря уже у васъ не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюсь отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ?» Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить его. Но Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею? У него и десятый холопъ, что въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братіи, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники—Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надо спасаться; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись; не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его; а Кирилловъ уставъ плохъ—оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой иную слабость; и такъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ сперва основатели установили крѣпкое житіе, а послѣ его разорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій; и законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чудотворцевъ. Но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости,—и теперь что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вы надъ Воротынскимъ церковь поставили: хорошо! Надъ Воротынскимъ церковь, а

надъ Чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а Чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовомъ судилищѣ Воротынскій и Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ, потому что его законъ крѣпче Кириллова. Вотъ въ нашихъ глазахъ у Діонисія Преподобнаго на Глушицахъ и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. Вотъ у васъ сперва Іоасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставецъ и поварню. Вѣдь дать волю царю—дать ее и псарю; оказать послабленіе вельможѣ—оказать его и простому человѣку. Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ постническое житіе ниспровергнулъ: такъ теперь и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ, въ самой пустынѣ, постническое житіе искоренить. Да и въ міру тотъ же Шереметевъ съ Висковатымъ первые не стали за крестами ходить, и, смотря на нихъ, и другіе всѣ перестали ходить; а прежде всѣ православные христіане съ женами и младенцами за крестами ходили и не торговали, кромѣ съѣстнаго, ничѣмъ, а кто станетъ торговать, на томъ брали заповѣди. Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, то завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкелярникъ отвѣчалъ: «объ этомъ мнѣ приказу не было; а о чемъ былъ приказъ, то я приготовилъ; теперь ночь, взять

негдѣ; государя боюся, а Бога надобно больше бояться». Такая у васъ была тогда крѣпость, по пророческому слову: «правдою и предъ цари не стыдяхся». А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе,—а вы молча смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: но по монастырямъ и фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы? Милые мои! прежде Кирилловъ Монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена; а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, еслибъ не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ съ голоду бы померли? Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ какъ вельможа какой нибудь жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и другіе многіе живутъ? То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? У Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ: а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ

любострастіемъ. Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною, то Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить—котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Видите ли, куда васъ слабость завела? Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и другіе святые многіе не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространились: потому что благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ ничего. А на Сторожахъ до чего дошли?—уже и затворить монастыря некому, по трапезѣ трава растетъ; а прежде и мы видѣли — братіи до 80 бывало, крилошанъ, по одиннадцати на клиросѣ стаивало. — Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ и ему нужно дать послабленіе: то пусть онъ ѣстъ въ кельѣ, одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему на что да пировать, да овощи въ кельѣ на что? До сихъ поръ въ Кирилловѣ иголки и нитки лишней не держали, не только что какихъ-нибудь другихъ вещей. А дворъ за монастыремъ и запасы на что?—все это беззаконіе, а не нужда; а если нужда, то онъ ѣшь въ кельѣ какъ нищій, кромѣ хлѣба звѣно рыбы да чаша квасу; а что сверхъ того, если вы послабляете, то вы и давайте, сколько хотите, только бы ѣлъ одинъ, а сходовъ и пировъ не было бы, чтобъ было все, какъ прежде у васъ водилось. А кому къ нему

придти для бесѣды духовной, и онъ приди не въ трапезное время, ѣды и питья чтобъ въ это время не было: такъ это и будетъ бесѣда духовная. Пришлютъ поминки братья, и онъ бы это отсылалъ въ монастырскія службы, а у себя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что къ нему пришлютъ, то бы раздѣлялъ на всю братію, а не двумъ или тремъ, по дружбѣ и пристрастію, и вы его въ кельѣ монастырскимъ всѣмъ покойте, только чтобъ было безстрастно. А люди бы его за монастыремъ не жили: пріѣдутъ отъ братьевъ съ грамотами, съ запасомъ, съ поминками,—и они, поживъ дня два—три и взявши отвѣтную грамоту, поѣзжай прочь: такъ и ему будетъ покойно, и монастырю безмятежно. Теперь вы прислали грамоты, отъ васъ намъ отдыху нѣтъ о Шереметевѣ. Я писалъ вамъ, чтобъ Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ съ братіею; я это приказывалъ для монастырскаго чина, а Шереметевъ поставилъ себѣ какъ бы въ опалу. Можетъ быть, вамъ потому очень жаль Шереметева, потому такъ сильно за него стоите, что братья его и до сихъ поръ не перестаютъ посылать въ Крымъ и наводить басурманство на христіанство? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь: я не ходатай ему и его сверному житію,—онъ мнѣ сильно наскучилъ. Иноческое житіе—не игрушка: три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить въ затворничествѣ, келью ставилъ, четки въ рукахъ; а теперь съ братіею вмѣстѣ ѣсть не хочетъ. На-

добны чотки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ. Я самъ видѣлъ, какъ по четкамъ сквернымп словами бранятся: что въ тѣхъ четкахъ?—О Хабаровѣ мнѣ нечего писать: какъ себѣ хочетъ. такъ и дурачится. А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома, то для всѣхъ леженокъ не разорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего; а впредь вы о Шереметевѣ и о другихъ такихъ же, безлѣпицами намъ не докучали: намъ отвѣту не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте —то вы вѣдаете; установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте. Сами вѣдайтесь, какъ себѣ съ нимъ хотите,—а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ. Впередъ о томъ не докучайте: говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду. Богъ же мира и Пречистыя Богородицы милость и Чудотворца Кирилла молитва да будетъ со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вымъ господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго» 1).

---

1) Но не былъ ли самъ Іоаннъ отчасти, хотя бы косвенно виновникомъ того зла, противъ котораго онъ такъ горячо ратуетъ въ своемъ посланіи? Бояре насильно постриженные или постригавшіеся только для избѣжанія царской опалы могли ли быть истинными монахами? Что удивительнаго, если иноческое житіе было для нихъ игрушкою!

Чтобы ужъ не возвращаться болѣе къ рѣчи о литературныхъ опытахъ царя Іоанна Васильевича, укажемъ здѣсь кстати на его *молитвенное посланіе*, писанное въ 1575 году къ святымъ страстотерпцамъ—князю Михаилу Черниговскому и боярину его Ѳеодору, по поводу принесенія мощей ихъ изъ Чернигова въ Москву. Это посланіе очень краснорѣчиво. Затѣмъ въ двухъ крюковыхъ стихиряхъ начала XVII вѣка (изъ которыхъ одинъ находится въ библіотекѣ Сергіевой Лавры, № 428, а другой въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 78) читаемъ *двѣ стихиры* Святому Петру митрополиту (21-го декабря) на Господи воззвахъ, съ надписью: «твореніе царя Іоанна деспота Россейскаго», *двѣ стихиры* ему же «на исхожденіи» (то есть на литіи), съ надписью: «твореніе царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи» и *двѣ стихиры* на Срѣтеніе «Пречистой Владимірской» (26-го августа).

XIII.

Александровская слобода и опричники.

Отъѣздъ Курбскаго и его рѣзкое посланіе еще болѣе и еще сильнѣе возбудили подозрительность Іоанна: въ лицѣ этого отъѣзчика все русское боярство словно кидало царю дерзкій вызовъ. Іоаннъ сталъ готовиться къ нанесенію рѣшительнаго удара тѣмъ, кого считалъ своими врагами. Для этого ему нужно было убѣдиться

въ томъ, насколько онъ можетъ разсчитывать на содѣйствіе народа.

Рано утромъ, 3-го декабря 1564 года, Москва была сильно встревожена страннымъ, непонятнымъ зрѣлищемъ. На Кремлевской площади появилось множество саней. Изъ царскаго дворца выносили и укладывали на нихъ царское имущество: иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, золото, серебро, одежды и проч. Уже раньше носились слухи, что царь куда-то намѣренъ ѣхать; но эти необычайные сборы ясно показывали, что царь имѣетъ въ виду не временную поѣздку, а перебирается со всѣмъ своимъ имуществомъ—но куда именно и надолго ли, — этого никто не зналъ. Въ Успенскомъ соборѣ шла торжественная служба: обѣдню служилъ самъ митрополитъ. Въ церкви ждали царя духовенство, бояре и другіе сановники. Царь пришелъ. Онъ долго и усердно молился, принялъ затѣмъ благословеніе отъ первосвятителя и милостиво простился съ бывшими въ церкви. Вышедши изъ собора онъ сѣлъ въ сани съ царицей (второй супругой своей Маріей Темрюковною), съ дѣтьми и нѣсколькими своими новыми любимцами и у уѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, переждалъ, распутицу и поѣхалъ дальше; побывавъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ онъ остановился наконецъ въ Александровской слободѣ [1]).

Въ Москвѣ этотъ неожиданный, необычный таин-

---

[1]) Нынѣ заштатный городъ Александровъ Владимірской губерніи.

ственный отъѣздъ произвелъ недоумѣніе изумленіе и тревогу. Всѣ чувствовали, что онъ не предвѣщалъ ничего добраго.

Это всеобщее недоумѣніе продолжалось до 3-го января 1565 года, когда митрополитомъ Аѳанасіемъ получена была отъ царя грамота, въ которой царь, исчисляя вины бояръ начиная съ его малолѣтства, обвиняя ихъ въ корыстолюбіи, нерадѣніи, измѣнѣ, обвиняя духовенство въ ходатайствѣ за измѣнниковъ, объявлялъ, что, «не хотя ихъ многихъ измѣнниковъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государство и поѣхалъ, гдѣ вселитися, идѣже его государя Богъ наставитъ». Съ тѣмъ же гонцемъ получена была грамота къ «православному христіанству града Москвы» (гостямъ, купцамъ и всему народу), въ которой государь писалъ, что на нихъ онъ гнѣва не имѣетъ.

Это странное сообщеніе произвело неописанный ужасъ въ Москвѣ. Въ это время шла война съ Литвою крымскіе татары грозили съ юга,—и въ такую-то трудную пору являлось въ государствѣ полное безначаліе. Но государству угрожало еще другое большее зло: объявляя однимъ гнѣвъ, а другимъ милость, царь разъединялъ народъ, вооружалъ большинство противъ меньшинства, чернилъ передъ толпою народа весь служилый классъ и даже духовенство, и такимъ образомъ заранѣе предавалъ огуломъ и тѣхъ, и другихъ народному суду...

«Государь насъ покинулъ: мы погибаемъ!» кричалъ народъ. «Кто спасетъ насъ теперь отъ нашествія враговъ? Мы останемся, какъ овцы безъ пастыря»!

Духовенство, бояре, приказные люди — всѣ стали умолять митрополита, чтобы онъ умилостивилъ, упросилъ государя не покидать. «Пусть государь не оставляетъ государства; пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ. Въ животѣ и смерти воленъ Богъ и государь»! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«Мы всѣ своими головами—прибавляли бояре и служилые люди — идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться».

«Пусть царь только укажетъ намъ своихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ,—мы сами ихъ истребимъ»! кричали купцы и народъ.

Митрополитъ хотѣлъ-было немедленно ѣхать къ царю, но на общемъ совѣтѣ было положено, чтобы онъ остался въ столицѣ, гдѣ уже начинался безпорядокъ. Вмѣсто него поѣхали святители, а главнымъ между ними новгородскій архіепископъ Пименъ. Въ числѣ духовныхъ лицъ былъ давній наушникъ царскій чудовской архимандритъ Левкій. Съ духовенствомъ отправились бояре—князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и другіе. Были съ ними дворяне и дѣти боярскіе. Какъ только они появились въ Александровской слободѣ, то были тотчасъ же, по царскому приказанію, окружены стражею: царь принималъ ихъ какъ будто враговъ въ военномъ лагерѣ. Восхваляя и возвеличивая всячески царя, посланные умоляли его ради святыхъ иконъ и христіанской вѣры, которыя могутъ быть поруганы врагами-еретиками, взять снова власть въ свои руки. «А если тебя, государь, смущаетъ измѣна и пороки въ нашей землѣ, о которыхъ мы не вѣдаемъ,

то воля твоя будетъ — и миловать, и строго казнить виновныхъ, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами».

Царь сказалъ имъ, что онъ подумаетъ, и чрезъ нѣсколько времени призвалъ ихъ снова и далъ такой отвѣтъ:

«Съ давнихъ временъ, какъ вамъ извѣстно изъ русскихъ лѣтописцевъ, даже до настоящихъ лѣтъ, русскіе люди были мятежны нашимъ предкамъ, начиная отъ славной памяти Владиміра Мономаха, пролили много крови нашей, хотѣли истребить достославный и благословенный родъ нашъ. По кончинѣ блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мнѣ, вашему законному наслѣднику, желая поставить себѣ иного государя, и до сихъ поръ я вижу измѣну своими глазами: не только съ польскимъ королемъ, но и съ турками и крымскимъ ханомъ входятъ въ соумышленіе, чтобъ насъ погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасію Романовну; и если бы Богъ насъ не охранилъ, открывая ихъ замыслы, то извели бы они и насъ съ нашими дѣтьми. Того ради, избѣгая зла, мы поневолѣ должны были удалиться изъ Москвы, выбравъ себѣ иное жилище и опричныхъ совѣтниковъ и людей».

Іоаннъ подалъ имъ надежду на то, что онъ возвратится и снова приметъ жезлъ правленія, но не иначе, какъ окруживъ себя избранными, *опричными* людьми, которымъ онъ могъ довѣрять и посредствомъ нихъ истреблять своихъ лиходѣевъ и выводить измѣну изъ государства. Удержавъ нѣкоторыхъ бояръ при себѣ, онъ отпустилъ другихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ

въ Москву, чтобы тамъ до его пріѣзда дѣла шли своимъ чередомъ.

Наконецъ, 2-го февраля, царь прибылъ въ Москву и явился посреди духовенства, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Наружность его поразила всѣхъ: его трудно было узнать,—такъ онъ измѣнился за послѣднее время. Злоба исказила черты лица его; взглядъ былъ мраченъ и свирѣпъ; безпокойные глаза безпрестанно перебѣгали изъ стороны въ сторону; на головѣ и въ бородѣ вылѣзли почти всѣ волосы. Видно было что онъ пережилъ недавно страшную душевную тревогу. И въ самомъ дѣлѣ, покидая государство на произволъ судьбы, Іоаннъ затѣвалъ игру не совсѣмъ безопасную. А что, еслибы бояре съумѣли настроить народъ на отвѣтъ не въ такомъ духѣ, какой былъ пріятенъ царю? Что, еслибы въ нѣкоторомъ смыслѣ повторилось то, что произошло послѣ московскаго пожара? Происшедшій въ то время народный мятежъ показывалъ царю, что московскій народъ подчасъ способенъ поддаться внушенію противниковъ власти. Эти страшные вопросы должны были сильно волновать крайне мнительнаго и властолюбиваго царя: злоба и страшная неизвѣстность обуревали его душу и зловредно подѣйствовали на его здоровье...

Но роковая игра выиграна. Царь торжествовалъ. Духовенство, народъ и бояре признали, что безъ него царство погибнетъ. Все преклонилось предъ нимъ, своимъ всесильнымъ владыкой, который воленъ въ жизни и смерти каждаго изъ своихъ подданныхъ.

Іоаннъ объявилъ, что онъ, по желанію и челобитью московскихъ людей, а наипаче духовенства, принимаетъ

снова власть, съ тѣмъ, чтобъ ему на своихъ измѣнниковъ и непослушниковъ вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя ихъ имущество, и чтобы духовные впередъ не падоѣдали ему челобитьемъ о помилованіи опальныхъ: онъ хотѣлъ такимъ образомъ вполнѣ развязать себѣ руки, освободить себя отъ всякой, даже нравственной узды.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ съ одной стороны народнымъ признаніемъ правоты и законности своихъ будущихъ дѣйствій, а съ другой отстраненіемъ всякаго обузданія своего произвола со стороны религіи, Іоаннъ приступилъ къ раздвоенію государства. Изъ одного сдѣлалось двѣ части: одна называлась *опричниною* (то-есть особенною, состоящею на исключительныхъ условіяхъ), другая—*земщиною*. Уставъ опричнины, придуманный самимъ царемъ или, быть можетъ, его любимцами, состоялъ въ слѣдующемъ: государь поставитъ себѣ особый дворъ и учинитъ въ немъ особый обиходъ, выберетъ себѣ бояръ, окольничьихъ, дворецкаго, казначея, дьяковъ, приказныхъ людей, отберетъ себѣ особыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ; поставитъ въ царскихъ службахъ (во дворцахъ—сытномъ, кормовомъ и хлѣбенномъ) всякаго рода мастеровъ и приспѣшниковъ, которымъ онъ можетъ довѣрять, а также особыхъ стрѣльцовъ. Затѣмъ всѣ владѣнія московскаго государства раздвоялись: государь выбиралъ себѣ и своимъ сыновьямъ города съ воло-

стями [1]), которые должны были покрывать издержки на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ, отобраннымъ въ опричнину. Въ волостяхъ этихъ городовъ помѣстья раздавались исключительно тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые были записаны въ опричнину (числомъ 1,000). Тѣ изъ нихъ, которыхъ царь выберетъ въ иныхъ городахъ, переводятся въ опричные города; а всѣ вотчинники и помѣщики, имѣвшіе владѣнія въ этихъ опричныхъ волостяхъ, но не выбранные въ опричнину, переводятся въ города и волости за предѣлами опричнины. Царь сдѣлалъ оговорку, что если доходы съ отдѣленныхъ въ опричнину городовъ и волостей будутъ недостаточны, то онъ будетъ брать еще другіе города и волости въ опричнину. Въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы, изъ которыхъ жители, не выбранные въ опричнину, выводились вонъ.

Вмѣсто Кремля царь приказалъ строить себѣ другой дворецъ за Неглинною (между Арбатскою и Никитскою

[1]) Города: Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, два жеребья, Бѣлевъ, Лихвинъ обѣ половины, Ярославецъ и съ Суходровью, Медынь и съ Товарковою, Суздаль и съ Шуею, Галичъ со всѣми пригородки, съ Чухломою и съ Унжею и съ Коряковымъ и съ Бѣлогородьемъ, Вологду, Юрьевецъ Повольской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, Устюгъ со всѣми волостьми, городъ Двину, Каргополе, Вагу, а волости: Олешно, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинской, Числяки, Ординскія деревни и станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости Вселунь, Ошту, Порогъ Ладожской, Тотьму, Прибутъ и иныя волости.

улицами); но главное мѣстопребываніе свое назначалъ онъ въ Александровской слободѣ, гдѣ приказалъ также ставить дворы для своихъ выбранныхъ въ опричнину бояръ, князей и дворянъ. Вся затѣмъ остальная Русь называлась земщиною и повѣрялась земскимъ боярамъ—Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ. Въ ней были старые чины такихъ же названій, какъ и въ опричнинѣ: конюшій, дворецкій, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольничій, стольники, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и проч. По всѣмъ земскимъ дѣламъ въ земщинѣ относились къ боярскому совѣту, а бояре въ важнѣйшихъ случаяхъ докладывали государю. Земщина имѣла значеніе опальной земли, постигнутой царскимъ гнѣвомъ.

Впослѣдствіи, для большаго отчужденія отъ себя земщины, царь поставилъ надъ нею касимовскаго царя Симеона Бекбулатовича, съ титуломъ «великаго князя всея Руси». Грамоты писались отъ имени великаго князя всея Руси Симеона. Самъ Іоаннъ титуловалъ себя только «московскимъ княземъ» и наравнѣ съ подданными писалъ Симеону челобитныя съ общепринятыми унизительными формами, напр.: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками съ Иванцемъ да съ Ѳедорцемъ челомъ бьетъ. Государь, смилуйся пожалуй!» Этотъ, поставленный настоящимъ царемъ, воображаемый, призрачный царь земщины не имѣлъ ни власти, ни своей воли, долженъ былъ дѣлать то, что ему прикажутъ, и въ сущности ничего не дѣлалъ; но Іоаннъ совершилъ однако именемъ этого созданнаго имъ царя кое-что такое, чего не хотѣлъ со-

вершáть отъ своего собственнаго имени: отобралъ у духовенства, особенно у монастырей, крѣпости на имѣнія. Черезъ два года Іоаннъ низложилъ этого великаго князя всея Руси и сослалъ въ Тверь.

За подъемъ свой государь назначилъ 100,000 руб., которые надлежало взять изъ земскаго приказа; а у бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, заслужившихъ за измѣну царскій гнѣвъ или опалу, опредѣлено было отбирать имѣнія въ казну.

Царь основался въ Александровской слободѣ, во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ (ровъ имѣлъ 2 сажени ширины и столько же глубины). Передъ главными воротами дворца былъ устроенъ мостъ, поднимавшійся и опускавшійся на цѣпяхъ. За рвомъ шелъ земляной валъ, одѣтый съ обѣихъ сторонъ бревенчатыми стѣнами съ шестью кирпичными башнями въ два яруса. По срединѣ двора возвышалась и бѣлѣла большая церковь съ пятью вызолоченными куполами, а близъ нея тянулись царскія хоромы съ высокою гонтовою кровлею, расписанныя разными красками, съ вышками, подзорами, съ крыльцами подъ круглыми навѣсами и съ четвероугольными окнами, карнизы которыхъ были размалеваны снаружи затѣйливыми узорами. Несмотря на все желаніе разукрасить этотъ деревянный дворецъ, физіономія его заключала въ себѣ нѣчто подавляющее, отталкивающее, какъ бы невольно нося на себѣ характеръ своего хозяина. Окна царскаго жилища глубокія, вдавшіяся внутрь, носили въ себѣ отпечатокъ чего-то таинственнаго, зловѣщаго. За хоромами былъ недавно разведенный садъ, а за садомъ длинное и низкое кир-

пичное строеніе, вросшее въ землю, съ желѣзными дверями, куда нужно было входить нѣсколькими ступенями внизъ отъ уровня земли. Кровля надъ этимъ зданіемъ была земляная. Въ зданіи этомъ было нѣсколько отдѣленій: оружейное, пыточное—съ адскими орудіями мукъ и тюрьмы. Впрочемъ тюрьмы были не только здѣсь, но и въ башняхъ и въ пещерахъ, сдѣланныхъ въ земляномъ валу, и даже въ подклѣтяхъ подъ самыми царскими хоромами. Обширный царскій дворъ былъ весь обстроенъ жилищами царскихъ опричниковъ и множествомъ службъ. За валомъ, окружавшимъ дворъ, было два пруда, которые современники называли *адскою геенною*, такъ какъ царь топилъ тамъ людей и бросалъ туда тѣла казненныхъ для того, чтобы рыбы и раки, поѣвши человѣческаго мяса, стали вкуснѣе и пригожѣе къ царскому столу. Кругомъ слободы на большомъ пространствѣ тянулись дремучіе лѣса.

Никто не смѣлъ ни выѣхать изъ Александровской слободы, — ни въѣхать въ нее безъ вѣдома царя: для этого въ трехъ верстахъ отъ слободы стояла воинская стража. Іоаннъ жилъ тутъ, окруженный своими любимцами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Басмановы (отецъ и сынъ), Малюта Скуратовъ и Аѳанасій Вяземскій. Любимцы царскіе набирали въ опричину дворянъ и дѣтей боярскихъ и вмѣсто 1000 человѣкъ вскорѣ наверстали ихъ до 6000. Имъ раздавались помѣстья и вотчины, отнимаемыя у прежнихъ владѣльцевъ, которымъ приходилось переселяться со своего пепелища и терпѣть разореніе. У послѣднихъ отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество. Слу-

чалось, что ихъ въ зимнее время высылали пѣшкомъ на пустыя земли. Такихъ несчастныхъ было болѣе 12,000 семействъ. Многіе погибали на дорогѣ. Новые землевладѣльцы, опираясь на особенную милость царя, дозволяли себѣ всякія наглости и произволъ надъ крестьянами, жившими на ихъ земляхъ, и вскорѣ привели ихъ въ такое нищенское состояніе, что казалось, какъ будто непріятель посѣтилъ эти земли. Опричники [1]) давали царю особую присягу, которою обязывались не только доносить обо всемъ, что они услышатъ дурнаго про царя, но и не имѣть никакого дружескаго сообщенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Имъ даже вмѣнялось въ долгъ наспловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ домы. Символомъ опричниковъ было изображеніе собачьей головы и метла въ знакъ того, что они кусаются какъ собаки, оберегая царское здравіе, и выметаютъ всѣхъ измѣнниковъ и лиходѣевъ.

Самыя наглыя выходки дозволяли себѣ эти временщики, безъ стыда и страха противъ земскихъ. Такъ напр. подошлетъ опричникъ своего холопа или молодца къ какому-нибудь земскому дворянину или посадскому: подосланный опредѣлится къ земскому хозяину въ слуги и подкинетъ ему какую-нибудь цѣнную вещь. Опричникъ нагрянетъ въ домъ съ приставомъ, схватитъ своего мнимо-бѣглаго раба, отыщетъ подкинутую вещь и заявитъ, что его холопъ вмѣстѣ съ этою вещью укралъ у него большую сумму. Обманутый хозяинъ безотвѣ-

---

[1]) Опричники назывались также *кромѣшниками*, то есть особыми отдѣльными людьми.

тенъ, потому что у него найдено поличное. Холопъ опричника, которому прежній господинъ для виду обѣщаетъ жизнь, если онъ искренно сознается, показываетъ, что онъ укралъ у своего господина столько-то и столько-то и передалъ новому хозяину. Судъ изрекаетъ приговоръ въ пользу опричника; обвиняемаго ведутъ на правежъ, на площадь и бьютъ по ногамъ палкою до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ долга или же въ противномъ случаѣ выдаютъ головою опричнику. Такимъ, или подобнымъ образомъ многіе теряли свои дома, земли и были доведены до конечнаго разоренія; а иные отдавали женъ и дѣтей въ кабалу и сами шли въ холопы. Всякому доносу опричника на земскаго давали полную вѣру. Чтобы угодить царю, опричникъ долженъ былъ отличаться свирѣпостью и безсердечіемъ къ земскимъ людямъ: за всякій признакъ состраданія къ ихъ судьбѣ, опричникъ былъ въ опасности отъ царя лишиться своего помѣстья или подвергнуться пожизненному заключенію, а иногда и смерти. Случалось, ѣдетъ опричникъ по Москвѣ и завернетъ въ лавку: тамъ боятся его, какъ чумы. Онъ подброситъ что-нибудь потомъ придетъ съ приставомъ и подвергнетъ купца конечному разоренію. Случалось, заведетъ опричникъ съ земскимъ на улицѣ разговоръ, вдругъ схватитъ его и начнетъ обвинять, что земскій сказалъ ему поносное слово: опричнику вѣрятъ. Обидѣть царскаго опричника было смертельнымъ преступленіемъ: у бѣднаго, беззащитнаго земскаго отнимутъ все имущество и отдадутъ обвинителю, а нерѣдко посадятъ на всю жизнь въ тюрьму, иногда же казнятъ смертію. Если опричникъ

вездѣ и во всемъ былъ высшимъ существомъ, которому надо угождать, то земскій былъ—существо низшее, лишенное царской милости, которое можно обижать сколько и какъ угодно. При такомъ новомъ состояніи дѣлъ на Руси должно было исчезнуть чувство законности. Учрежденіе опричнины было такимъ чудовищнымъ орудіемъ нравственнаго развращенія русскаго народа, съ которымъ едва ли что-нибудь другое можетъ сравниться въ нашей исторіи. По справедливому замѣчанію иноземцевъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ этимъ изобрѣтеніемъ болѣзненной подозрительности Іоанна, «если бы сатана хотѣлъ выдумать, что-нибудь для порчи людей, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе».

Со введенія опричнины свирѣпыя казни и мучительства возрастали чудовищнымъ образомъ. На третій день послѣ появленія царя, въ Москвѣ казненъ былъ зять Мстиславскаго, одного изъ первыхъ бояръ, которымъ повѣрена была земщина, князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, участникъ казанскаго похода, какъ соумышленникъ Курбскаго, вмѣстѣ съ которымъ умышлялъ на государя, жену и дѣтей его всякія лихія дѣла. Царь приказалъ казнить вмѣстѣ съ нимъ и сына его Петра, 17-ти лѣтняго юношу. Твердо и спокойно, держась за руки, шли они на казнь. Не желая видѣть смерти отца сынъ склонилъ — было первый голову на плаху. Но отецъ отвелъ его и сказалъ: «О единородный сынъ мой! да не узрятъ очи мои отсѣченія твоей главы». Казнь совершена была прежде надъ отцемъ. Тогда юноша поднялъ отсѣченную голову своего отца и громко молился, благодаря Бога, что Онъ сподобилъ его уме-

реть съ отцомъ неповинно. Затѣмъ онъ приложился къ головѣ отца и склонилъ свою на плаху.

Кромѣ того были еще казнены родственники Горбатыхъ, двое Ховриныхъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ и князь Петръ Горенскій. Послѣдній былъ нойманъ на отъѣздѣ. У другихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отобраны имѣнія; иныхъ сослали въ Казань. Бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ билъ челомъ за проступку и прощенъ за поручительствомъ. Князь Василій Семеновичъ Серебряный вырученъ съ сыномъ изъ подъ опалы. Левъ Матвѣевичъ Салтыковъ вырученъ съ двумя сыновьями. Князь Иванъ Петровичъ Охлябининъ обѣщался никуда не отъѣхать и въ чернецы не постригаться.

Послѣ этой расправы царь удалился въ свою новую столицу — Александровскую слободу, гдѣ ему пришла между тѣмъ въ голову странная затѣя: онъ устроилъ у себя здѣсь подобіе монастыря, отобралъ 300 самыхъ лихихъ опричниковъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, на головы—тафты, или шапочки; себя назвалъ игуменомъ, Вяземскаго назначилъ келаремъ, Малюту Скуратова—пономаремъ; самъ сочинилъ для братіи монашескій уставъ и самъ лично съ сыновьями ходилъ звонить на колокольню. Въ 12 часовъ ночи всѣ должны были вставать и идти къ продолжительной полунощницѣ. Въ 4 часа утра ежедневно по царскому звону вся братія собиралась къ заутрени; а кто не являлся, того наказывали восьми дневною епитиміею. Утреня тянулась отъ 4 до 7 часовъ утра. Самъ царь такъ усердно клалъ за служ-

бою земные поклоны, что у него на лбу оставались знаки — синія пятна. Въ 8 часовъ шли къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни вся братія обѣдала въ трапезѣ; Іоаннъ не садился со всѣми за столъ, а читалъ стоя житіе прилучившагося въ тотъ день святаго или какое-нибудь поученіе; потомъ послѣ всѣхъ обѣдалъ уже одинъ. Всѣ наѣдались и напивались до сыта; остатки выносились нищимъ на площадь. Нерѣдко, послѣ обѣда, царь отправлялся пытать и мучить опальныхъ, въ которыхъ у него никогда не было недостатка. Ихъ приводили цѣлыми сотнями и многихъ изъ нихъ передъ глазами царя замучивали до смерти. Это было любимое развлеченіе Іоанна: послѣ кровавыхъ сценъ онъ казался особенно веселымъ. Современники говорятъ, что онъ всегда дико смѣялся, когда смотрѣлъ на мученія, своихъ жертвъ. Сама шутовская монашествующая братія служила ему палачами: у каждаго подъ рясою былъ для этой цѣли длинный ножъ. Въ 8 часовъ вечера отправлялась вечерня; затѣмъ братія собиралась на вечернюю трапезу; послѣ повечерія царь ложился спать, и трое слѣпцовъ разсказывали ему поочереди на ночь сказки.

Но, стараясь угодить Богу прилежнымъ исполненіемъ правилъ внѣшняго благочестія, Іоаннъ любилъ по-временамъ и иного рода забавы. Узнаетъ онъ напр., что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, и прикажетъ своимъ опричникамъ силою похитить ее и привезти къ нему. Поигравши нѣсколько времени своею жертвою, царь отдавалъ ее

на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвезти ее къ мужу. Иногда, изъ опасенія мести со стороны оскорбленнаго мужа, Іоаннъ отдавалъ тайный приказъ убить или утопить его. Иногда же царь потѣшался надъ опозоренными мужьями. У одного дьяка (Мясоѣдовскаго) онъ такимъ образомъ отнялъ жену, потомъ, вѣроятно, узнавъ, что мужъ изъявлялъ на это свое неудовольствіе, приказалъ повѣсить изнасилованную жену надъ порогомъ его дома и оставить трупъ въ такомъ положеніи двѣ недѣли. А другаго дьяка была повѣшена жена, по царскому приказу, надъ его обѣденнымъ столомъ.

Неудовольствіемъ, возбужденнымъ опричниною, хотѣли воспользоваться враги Москвы, и неудавшіяся попытки ихъ повели къ новымъ казнямъ и содѣйствовали еще болѣе утвержденію опричнины. Какой-то Козловъ, родомъ изъ Московскихъ областей, поселился въ Литвѣ, женился здѣсь, отправленъ былъ гонцемъ отъ Сигизмунда-Августа къ Іоанну и далъ знать королю, что успѣлъ склонить всѣхъ вельможъ московскихъ къ измѣнѣ. Отправленный вторично въ Москву, Козловъ вручилъ отъ имени короля и гетмана Хоткевича грамоты князьямъ: Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину, съ приглашеніемъ перейдти на службу въ Литву. Грамоты были перехвачены. Іоаннъ велѣлъ написать или, вѣрнѣе, самъ написалъ отъ имени означенныхъ бояръ бранчивые отвѣты королю и гетману. Бѣльскій, Мстиславскій и Воротынскій успѣли выпутаться изъ бѣды, но не успѣлъ старикъ Челяднинъ, котораго осо-

бенно не терпѣлъ царь. Пощадивъ троихъ упомянутыхъ бояръ, Іоаннъ выдумалъ особенный предлогъ— погубить конюшаго: онъ обвинилъ несчастнаго старика, будто тотъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлается царемъ. Царь призвалъ къ себѣ Челяднина, приказалъ ему одѣться въ царское одѣяніе, посадилъ на престолъ, самъ сталъ кланяться ему въ землю и говорилъ: «Здравъ буди, государь всея Руси! Вотъ ты получилъ, чего желалъ; я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола». Съ этими словами онъ вонзилъ ножъ въ сердце боярина и затѣмъ приказалъ умертвить его престарѣлую жену.

...Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ,
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ
Смиренною рукой виновнаго возвелъ,
И, взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты
И, въ землю кланяясь съ покорностью трикраты,
Сказалъ: „Доволенъ будь въ величіи своемъ:
Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!“
И, вспрянувъ отъ земли со злобой безпощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной
И, ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ, и дрожью зыбкой
Вокругъ державныхъ устъ змѣилася улыбка.

Вслѣдъ затѣмъ Іоаннъ приказалъ замучить многихъ знатныхъ лицъ, обвиненныхъ въ соумышленіи съ конюшимъ. Тогда погибли князья Куракинъ-Булгаковъ, Дмитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Турунтай-Пронскій, казначей Тютинъ, дум-

ный дьякъ Казаринъ-Дубровскій и много другихъ. По приказанію царя, опричники хватали женъ опальныхъ людей, насиловали ихъ, нѣкоторыхъ приводили къ царю; врывались въ вотчины, жгли дома, мучили и убивали крестьянъ, раздѣвали до-нага дѣвушекъ и въ поруганіе заставляли ихъ ловить куръ, а потомъ стрѣляли въ нихъ. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

Но отвратимъ свой взоръ хоть на время отъ темныхъ и постыдныхъ дѣяній озлобленнаго царя.

XIV.

Митрополитъ Филиппъ.

31-го декабря 1563 года скончался митрополитъ Макарій, въ теченіе своего 20-ти лѣтняго первосвятительства, возвысившій снова въ своемъ лицѣ достоинство и значеніе русскаго митрополита, которое при его предшественникахъ видимо начало было упадать. Онъ всегда пользовался высокимъ уваженіемъ не только въ народѣ и во всемъ духовенствѣ, но и среди бояръ и вельможъ и въ самомъ семействѣ государя. И какого государя? Тогда какъ всѣ другія лица, окружавшія Іоанна, постоянно мѣнялись и подвергались его опалѣ, изгнанію, нерѣдко смерти, когда даже любимѣйшіе изъ его совѣтниковъ—Сильвестръ и Адашевъ не избѣжали наконецъ его гнѣва, одинъ митрополитъ Макарій, въ продолженіе своего двадцати-лѣтняго первосвятительскаго служенія, остался неприкосновеннымъ и сохранилъ

расположеніе Грознаго царя до самой своей кончины. Бывали и для Макарія тяжкія скорби въ жизни; многократно и онъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, помышлялъ отказаться отъ своей каѳедры и отойти въ уединеніе. Но каждый разъ его упрашивали и удерживали самъ государь, всѣ святители, весь освященный соборъ: такъ имъ дорожили. «О, Боже! какъ бы счастлива была русская земля, если-бы владыки были таковы, какъ преосвященный Макарій да ты»,—такъ писалъ въ 1556 году царь Іоаннъ къ казанскому архіепископу Гурію. Подозрѣвать этого архипастыря въ честолюбіи и слабости предъ Іоанномъ нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ того извѣстно, что когда Іоаннъ велѣлъ заочно судить Сильвестра и Адашева и когда нѣкоторые изъ судей объявили уже, что подсудимые достойны смерти, а другіе молчали, одинъ Макарій возвысилъ свой старческій голосъ и смѣло сказалъ государю, что слѣдуетъ призвать и выслушать самихъ обвиняемыхъ, съ чѣмъ согласились и нѣкоторые вельможи, хотя потомъ царскіе сторонники превозмогали на совѣтѣ и достигли того, что Сильвестръ и Адашевъ были осуждены.

Отъ митрополита Макарія остался сборникъ—знаменитыя *Макарьевскія Минеи*. Объ немъ можно всего лучше получить понятіе изъ предисловія (лѣтописца) самого составителя: «1553 года, мѣсяца ноября, далъ я эту святую великую книгу Минею Четію, мѣсяцъ ноябрь и прочія 12 великихъ книгъ. Въ этихъ Четіяхъ Минеяхъ всѣ книги чтомыя собраны: Св. Евангеліе—четыре Евангелиста толковыхъ, Св. Апостолъ и всѣ

св. апостольскія посланія и дѣянія съ толкованіями, и три великихъ Псалтири разныхъ толковниковъ, и Златоустовы книги, Златоструй и Маргаритъ, и Великій Златоустъ, и Великій Василій, и Григорій Богословъ съ толкованіями и великая книга Никонская съ прочими посланіями его, и прочія всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ пророческія и апостольскія и отеческія и праздничныя слова и похвальныя слова, и всѣхъ святыхъ отецъ житія и мученія святыхъ мучениковъ и святыхъ мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и святыхъ женъ страданія и подвиги, и всѣ святые патерики написаны, азбучные, іерусалимскіе, египетскіе, синайскіе, скитскіе, печерскіе, и всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ русской землѣ находятся, и съ новыми святыми чудотворцами. Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей, особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить».

Подъ руководствомъ того же митрополита Макарія составлена *Степенная Книга*—лѣтописный памятникъ временъ Грознаго. Въ ней разсказаны политическія и церковныя событія въ русской землѣ отъ Рюрика до Іоанна Грознаго включительно. Степенная Книга получила свое названіе отъ того, что въ ней представлено

семнадцать степеней, или поколѣній владѣтельнаго княжескаго рода. Хотя родословная идетъ собственно отъ Рюрика, но счетъ степеней начинается съ Владиміра святаго, какъ перваго христіанскаго государя, которому при Іоаннѣ Грозномъ придавали царскій титулъ. Такимъ образомъ *первую* степень составляетъ Владиміръ, *вторую*—Ярославъ, *третью*—Всеволодъ Ярославичъ, *четвертую*—Владиміръ Мономахъ и т. д.

По кончинѣ митрополита Макарія, на первосвятительскую каѳедру былъ избранъ инокъ Чудова монастыря Аѳанасій, прежде бывшій протопопъ Благовѣщенскаго собора (Андрей) и духовникъ государевъ. Но чрезъ два года и два съ небольшимъ мѣсяца Аѳанасій не замедлилъ, по болѣзни, добровольно оставить свой престолъ и отошелъ опять въ Чудовъ монастырь. Въ преемники ему былъ назначенъ Германъ, архіепископъ казанскій. Но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ: Германа отстранили и вызвали соловецкаго игумена Филиппа.

Филиппъ (въ мірѣ Ѳеодоръ) происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и родился 11-го февраля 1507 года. Отецъ его Стефанъ принадлежалъ къ числу близкихъ людей великаго князя Василія Іоанновича. Когда Ѳеодоръ подросъ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но не надолго.

Въ 1537 году, когда Іоанну исполнилось только 8 лѣтъ, а Ѳеодору 30, послѣдній тайно оставилъ дворъ и Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Принявъ тамъ постриженіе съ именемъ Филиппа, онъ въ про-

долженіе 10 лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя послушанія. Возведенный въ 1548 году въ санъ игумена, Филиппъ въ 18-ти-лѣтнее управленіе обителью совершенно обновилъ ее. Онъ соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви—Успенія Пресвятыя Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи 2-хъ и 3-хъ этажныя келліи и больницу. А внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну, посѣтивъ Москву въ 1550—51 году, и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ соловецкому игумену грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы, шитыя жемчугомъ, и два покрова на раки угодниковъ соловецкихъ Зосимы и Савватія, а впослѣдствіи прислалъ 1,000 рублей на построеніе Преображенскаго храма, два колокола, два золотыхъ креста съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ и новыя жалованныя грамоты для подтвержденія разныхъ льготъ обители. Можетъ быть, Іоаннъ, оказавъ Филиппу столько знаковъ своего царскаго благоволенія, разсчитывалъ, что Филиппъ охотно согласится быть въ полной его волѣ и, занимая каѳедру митрополита, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой разсчетъ,—если только онъ существовалъ,—скоро оказался невѣрнымъ.

Когда Филиппъ изъ своей отдаленной обители прибылъ въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великою честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ. Но какъ только царь предложилъ ему, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, первосвятительскую каѳедру, то Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великой тяжести; но потомъ, будучи «понуждаемъ» царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло сказалъ, чтобы государь отмѣнилъ опричнину, а не отмѣнитъ, то ему Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; а если его и поставитъ въ митрополита, онъ затѣмъ оставитъ митрополію. Царь разгнѣвался, но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобъ онъ въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ее изъ за того, что царь не отмѣнилъ опричнины, а совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ. И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополію и въ опричнину въ царскій домовый обиходъ вступаться не будетъ. Филиппъ былъ поставленъ въ митрополита царствующаго града.

Прошло около года и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался дѣлами Церкви, стараясь подражать благому нраву благолюбиваго Макарія митрополита и послѣдовать

честнымъ стопамъ его. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Всѣ радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ митрополита, подозрѣвая въ немъ орудіе бояръ и полагая, что, по ихъ-то настроенію, онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричнины предъ своимъ поставленіемъ на митрополію. Въ іюлѣ 1567 года перехвачены были грамоты польскаго короля и литовскаго гетмана къ главнѣйшимъ московскимъ боярамъ, доставленныя Козловымъ. Начались страшныя казни. Опричники неистовствали въ Москвѣ, убивали всенародно, на улицахъ и площадяхъ, человѣкъ по 10 и по 20 въ день. Всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричнины, но сохранилъ за собою право *совѣтовать* государю и слѣдовательно ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, непзвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности

что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ. Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Это были: архіепископъ новгородскій Пименъ, суздальскій епископъ Пафнутій, рязанскій епископъ Филоѳей и протопопъ Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки. Особенно послѣдній (то есть духовникъ царя) постоянно доносилъ ему, тайно и явно, хульныя рѣчи на митрополита. Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались; царь нимало не исправлялся. И вотъ святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать открытыя, всенародныя обличенія ему. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь. Здѣсь митрополитъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «О державный царь! ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону: правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный не превозносись, а какъ образъ Божій не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу; и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь: у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого...» Услышавъ эти обличенія

царь въ ярости сказалъ! «Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить»?

Филиппъ. Я точно—чернецъ; но, по благодати Св. Духа, по избранію священнаго собора и по твоему изволенію, я—пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства.

Іоаннъ. Одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію.

Филиппъ. Благочестивый царь! наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть.

Іоаннъ. Владыко святый! возстали на меня друзи мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла.

Филиппъ. Государь! тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ добро, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду.

Іоаннъ. Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ.

Филиппъ. Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ: зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ церковные каноны, дѣлай, какъ хочешь.

Царь пошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Чрезъ нѣсколько времени царь снова пришелъ въ воскресный день въ соборную Успенскую церковь къ литургіи. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно при-

думалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія. Но святитель ничего не отвѣчалъ и не двигался. Тогда бояре сказали: «Владыко святый: къ тебѣ пришелъ благочестивый царь и требуетъ твоего благословенія». Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: «Царь благой! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ ты налагаешь законъ, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда: въ одной Россіи нѣтъ ея. Во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе,—а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ,—прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою...» Іоаннъ распалился яростію и воскликнулъ: «О Филиппъ! нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами?—«Тогда (отвѣчалъ святитель) суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики: я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи». Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: «Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ? Посмотримъ на твою твердость».—«Я пришлецъ на землѣ, какъ и отцы мои,—

отвѣчалъ святитель,—и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки».—Тутъ же въ соборѣ враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подучили произнесть предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичьей церкви. Выслушавъ отрока Пименъ новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали: «Царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства». Митрополитъ отвѣчалъ Пимену: «Ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего». А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ: ихъ заключили подъ стражу и пытали, стараясь вывѣдать что-нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

28-го іюля, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время какъ Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать Евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: «Чтеніе Слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою; а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?»—«Кто такой?» спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ

вокругъ не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа: помимо личнаго столкновенія съ нимъ, Іоаннъ не забывалъ того, что Филиппъ принадлежалъ всетаки къ боярскому роду, да еще заподозрѣнному въ смутѣ временъ малолѣтства Іоанна (Колычевыхъ постигла опала по дѣлу князя Андрея Ивановича Старицкаго). Но чтобы не возмутить народа, относившагося съ величайшимъ уваженіемъ къ своему архипастырю, Іоаннъ задумалъ обвинить его прежде въ какихъ-либо преступленіяхъ. А такъ какъ вся жизнь Филиппа въ Москвѣ сіяла однѣми только добродѣтелями, то царь не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія тамошней его жизни. Во главѣ этой депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій, андроніковскій архимандритъ Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все—и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найдти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли, въ числѣ ихъ былъ и самъ игуменъ Паисій, которому обѣщали епископскій санъ. А добрыхъ старцевъ, говорившихъ о Филиппѣ только истину и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ кле-

веты и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго; выслушали обвиненія противъ него; Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: «Чадо! что сѣешь, то и пожнешь». Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени,—и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ ему остановиться и ждать судебнаго приговора.

8-го ноября, въ день Архистратига Михаила, когда Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, боярин Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать вслухъ всего народа соборный приговоръ о низложеніи митрополита. Послѣ того опричники бросились на него, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ Іоаннъ хотѣлъ еще осудить святителя на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ, но, по ходатайству духовныхъ властей, согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной тем-

ницѣ, отягченный желѣзными оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ называемый Старый. Царь прислалъ къ нему сюда въ кожаномъ мѣшкѣ отрубленную голову племянника его, Ивана Борисовича Колычева. «Вотъ твой сродникъ», велѣлъ сказать ему царь: «не помогли ему твои чары». Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовію облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ въ заточеніе въ Тверской Отрочь-монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, отправляясь на Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто бы попросить его благословенія на путь. И этотъ злодѣй, этотъ «каменно сердечный мужъ», вошедши въ келью страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23-го декабря 1569 года), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ, по ихъ небрежности, «отъ неуставнаго зною келейнаго». Въ первый годъ по смерти Іоанна, гробъ Филиппа перевезенъ былъ въ Соловки, а въ 1652 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и открытыя мощи его были поставлены въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ и теперь почиваютъ.

Соловецкій игуменъ Пансій, былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь; монахъ Зосима и еще 10 иноковъ,

тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ. О судьбѣ архіепископа Пимена мы узнаемъ изъ слѣдующей главы.

Послѣ св. Филиппа, въ царствованіе Іоанна Грознаго, у насъ было еще три митрополита. Но они уже не рѣшались или, быть можетъ, считали безполезнымъ обличать и убѣждать царя, такъ какъ опытъ святителя Филиппа показалъ, что всѣ такого рода обличенія не только не могли исправить Іоанна, а еще болѣе ожесточали его. Митрополиты эти были: *Кириллъ* († 8-го февраля 1572 года), *Антоній* († 1580 г.) и *Діонисій* (въ 1587 году сосланный въ Хутынскій монастырь).

XV.

Разгромъ Новгорода. 1570 г.

Вскорѣ послѣ осужденія митрополита Филиппа, погибъ и князь Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Іоанна.

Мужество Филиппа раздразнило Іоанна: оно подѣйствовало на него не менѣе писемъ Курбскаго, оно усилило въ немъ склонность искать вездѣ измѣны и лить кровь мнимыхъ враговъ. Въ характерѣ Іоанна было—медлить гибелью тѣхъ, кого онъ особенно ненавидѣлъ... Уже давно не терпѣлъ онъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Послѣдній въ глазахъ подозрительнаго царя, былъ для измѣнниковъ готовымъ лицомъ, котораго они, если бы только была возможность

посадили бы на престолъ, низвергнувъ Іоанна. Но Іоаннъ все еще не рѣшался съ нимъ покончить, хотя уже въ 1563 году положилъ свою опалу какъ на него, такъ и на мать его; послѣ того мать Владиміра постриглась. Царь держалъ Владиміра Андреевича подъ постояннымъ надзоромъ, отнялъ у него всѣхъ бояръ и слугъ и окружилъ его своими людьми. Въ 1566 году царь отнялъ у него удѣлъ и далъ вмѣсто него другой. Наконецъ въ началѣ 1569 года рѣшилась участь и Владиміра Андреевича. Было подозрѣніе (быть можетъ и справедливое), что Владиміръ, постоянно стѣсняемый недовѣріемъ царя, хотѣлъ уйдти къ Сигизмунду-Августу. Царь заманилъ его съ женою въ Александровскую слободу и умертвилъ обоихъ. Одни говорятъ, что ихъ отравили, а другіе—что ихъ зарѣзали. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они были умерщвлены. Вслѣдъ затѣмъ была утоплена въ Шекснѣ мать Владиміра, монахиня Евдокія. Та же участь вмѣстѣ съ нею постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Іуліанію, вдову брата Іоаннова, Юрія, какую-то инокиню Марію, также изъ знатнаго рода, и съ ними 12 человѣкъ.

Іоаннъ давно уже не терпѣлъ Новгорода. При учрежденіи опричнины, онъ обвинялъ весь русскій народъ въ томъ, что въ прошедшіе вѣка этотъ народъ не любилъ царскихъ предковъ. Но нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Понятно, что въ немъ развилась злоба къ этимъ двумъ землямъ, а особенно къ Новгороду. Чуя надъ собою бѣду, нов-

городцы просили Филиппа, когда онъ отправлялся въ Москву на митрополію, ходатайствовать за нихъ передъ государемъ. Въ это время какой-то бродяга Петръ, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отмстить новгородцамъ, и угодить Іоанну. Онъ самъ сочинилъ грамоту къ Сигизмунду-Августу и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа Пимена и другихъ гражданъ, спряталъ эту грамоту въ Софійскомъ соборѣ за образъ Богоматери, а самъ убѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому королю. Грамота дѣйствительно нашлась въ указанномъ мѣстѣ.

Въ декабрѣ 1569 года Іоаннъ предпринялъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ: онъ шелъ какъ на войну. «То была не только странная, но еще и сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за давно умершихъ» (Костомаровъ). Разгромъ начался съ границъ Тверскихъ владѣній, съ Клина: опричники врывались въ города и селенія, грабили, били кого попало, даже убивали людей невѣдомо за что. Особенно сильно пострадала Тверь, подъ которою Іоаннъ стоялъ пять дней. Здѣсь сначала ограбили всѣхъ духовныхъ, начиная съ епископа. Простые жители думали, что тѣмъ дѣло и кончится; но черезъ два дня опричники, по царскому приказанію, бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и товары, свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удали-

лись. Жители опять начали думать, что этимъ дѣло кончится, что истребивъ ихъ достояніе, имъ оставятъ по крайней мѣрѣ, жизнь, — какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого ни попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ; иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащатъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Самъ Іоаннъ собираетъ плѣнныхъ полочанъ и нѣмцевъ, которые содержались въ тюрьмахъ, а частью помѣщены были въ домахъ. Ихъ тащатъ на берегъ Волги, въ присутствіи царя разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ.

Изъ Твери царь уѣхалъ въ Торжокъ, гдѣ повторилось то-же, что дѣлалось и въ Твери. Но въ Торжкѣ Іоаннъ едва избѣжалъ опасности. Здѣсь содержались въ башняхъ плѣнные нѣмцы и татары. Явившись прежде всего къ нѣмцамъ, царь приказалъ убивать ихъ передъ своими глазами, и спокойно наслаждался ихъ муками. Но когда онъ пришелъ къ татарамъ, то мурзы бросплись въ отчаяніи на Малюту, тяжело ранили его, потомъ убили еще двухъ чѣловѣкъ; а одинъ татаринъ кинулся было на самаго Іоанна, но его остановили. Всѣ татары были умерщвлены.

2-го января 1570 года въ Новгородъ явился передовой отрядъ царской дружины, которому велѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобы ни одинъ человѣкъ не убѣжалъ. Бояре и дѣти боярскіе изъ этого передоваго полка бросились на подгородные монастыри и запечатали монастырскія казны; игуменовъ и монаховъ, числомъ болѣе 500, взяли въ Новгородъ и поставили на правежъ до государева пріі-

ѣзда. Другіе дѣти боярскіе собрали ото всѣхъ новгородскихъ церквей священниковъ и дьяконовъ и отдали ихъ на соблюденіе приставамъ, по 10 человѣкъ каждому приставу: ихъ держали въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день съ утра до вечера били на правежѣ, правя по 20 рублей. Подцерковныя и домовыя палаты у всѣхъ приходскихъ церквей и кладовыя именитыхъ людей были перепечатаны. Гостей, приказныхъ и торговыхъ людей перехватали и отдали приставамъ; дома и имущества ихъ были опечатаны; женъ и дѣтей держали подъ стражею.

6-го числа пріѣхалъ самъ царь съ сыномъ Іоанномъ, со всѣмъ дворомъ и съ 1500 стрѣльцовъ и сталъ на торговой сторонѣ, на Городищѣ. На другой день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день, въ воскресенье, Іоаннъ отправился въ Кремль къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ. На Волховскомъ мосту его встрѣтилъ, по обычаю, владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ. Но царь не пошелъ приложиться ко кресту и гнѣвно сказалъ владыкѣ: «Ты, злочестивый держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце: съ своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину — этотъ великій богоспасаемый Новгородъ предать иноплеменникамъ—литовскому королю Сигизмунду-Августу. Съ этихъ поръ ты—не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель». Проговоривъ это

Іоаннъ велѣлъ Пимену идти съ крестами въ Софійскій соборъ служить обѣдню, у которой былъ самъ со всѣми своими. Послѣ обѣдни онъ пошелъ къ архіепископу въ столовую палату обѣдать, сѣлъ за столъ, началъ ѣсть— и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Этотъ вопль, извѣстный подъ именемъ «царскаго ясака», былъ сигналомъ грабежа. Ворвались опричники и начали грабить казну архіепископа и весь его дворъ; бояръ и слугъ его перехватали; самаго владыку, ограбивъ, отдали подъ стражу и давали ему на кормъ ежедневно по двѣ деньги. Дворецкій Левъ Салтыковъ и духовникъ царскій, протопопъ Евстафій, съ боярами пошли въ Софійскій соборъ, забрали тамъ ризницу и всѣ церковныя вещи. То же самое было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ. Между тѣмъ, Іоаннъ съ сыномъ отправился изъ архіепископскаго дома къ себѣ на Городище, гдѣ начался судъ: къ нему приводили новгородцевъ, содержавшихся подъ стражею, и пытали, жгли ихъ какою-то составною мудростію огненною», которою лѣтописецъ называетъ *поджаромъ*. Обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку. Женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго мѣста, связавъ имъ руки и ноги, младенцевъ привязавъ къ матерямъ. Чтобы никто не могъ спастись, дѣти боярскіе и стрѣльцы ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову съ рогатинами, копьями, бограми, топорами: кто всплыветъ на верхъ, того прихватывали бограми, кололи рогатинами и копьями и погружали въ глубину. Такъ дѣлалось каждый день въ продолженіи пяти недѣль. Псковскій лѣтописецъ гово-

рить, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Іоаннъ Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ, и съ тѣхъ поръ, какъ бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Число истребленныхъ новгородцевъ показывается современниками различно и, вѣроятно преувеличенно [1]).

По окончаніи суда и расправы, Іоаннъ началъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ и тамъ приказывалъ грабить кельи, служебные дома, жечь въ житницахъ и на скирдахъ хлѣбъ, бить скотъ. Осталось преданіе, что, пріѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вошелъ въ трапезу и приказалъ избить все живое въ монастырѣ.

Пріѣхавши изъ монастырей, Іоаннъ велѣлъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ грабить товары, разсѣкать и до основанія разсыпать амбары и лавки; потомъ началъ ѣздить по посадамъ, велѣлъ грабить всѣ домы—всѣхъ жителей безъ исключенія; мужчинъ и женщинъ, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высѣкать. Въ то же время вооруженныя толпы отправлены были во всѣ четыре стороны, верстъ за

---

[1]) Таубе и Крузе назначаютъ до 15,000 человѣкъ; Курбскій говоритъ, будто бы Іоаннъ въ одинъ день умертвилъ 15,000 человѣкъ; у Гванини показано число 2770 человѣкъ, кромѣ женщинъ и простаго народа. Въ Псковскомъ лѣтописцѣ число казненныхъ увеличено до 60,000; въ новгородской «повѣсти» говорится, что царь топилъ въ день по 500 и по 1000 человѣкъ. Правдоподобнѣе число 1505, показанное въ синодикѣ Іоанна.

200 и за 250, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль.

Наконецъ 13-го февраля утромъ государь велѣлъ выбрать изъ каждой улицы по лучшему человѣку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изможденные, унылые, какъ мертвецы; но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ и сказалъ: «Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ. Вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно; я вамъ вмѣсто себя оставлю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго.

Владыку Пимена, священниковъ и дьяконовъ, которые не откупились отъ правежа, и опальныхъ новгородцевъ, которыхъ дѣло еще не было рѣшено, отослали съ приставами въ Александровскую слободу. Архіепископа Пимена царь предалъ поруганію: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, какъ скомороха, и возили изъ улицы въ улицу. «Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою»! говорилъ ему царь. Быв-

шій владыка новгородскій былъ сосланъ въ Веневскій Николаевскій монастырь и умеръ въ тѣсномъ заключеніи, какъ думали современники,—голодною смертію.

Какое впечатлѣніе оставилъ въ новгородцахъ описанный нами погромъ, это всего лучше видно изъ слѣдующаго извѣстія: 25-го мая 1571 года въ церкви св. Параскевы на торговой сторонѣ у обѣдни было много народа. Когда послѣ службы стали звонить въ колокола, вдругъ на всѣхъ напалъ таинственный ужасъ. всѣ побѣжали въ разныя стороны—мужчины, женщины, дѣти, толкали другъ друга, не зная, куда бѣгутъ. Купцы побросали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же извѣстіе о необычайномъ переполохѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1239 годомъ, послѣ Батыева погрома [1]).

Оставляя Новгородъ, Іоаннъ посѣтилъ затворника Арсенія. Разоривъ всѣ новгородскіе монастыри, царь пощадилъ обитель Арсенія, нѣсколько разъ посѣщалъ его и безъ гнѣва выслушивалъ обличенія праведника, который одинъ осмѣливался быть заступникомъ несчастнаго города, отказывалъ царю въ благословеніи и не принялъ отъ него богатыхъ даровъ. Во все продолже-

---

[1]) Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 года, свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества въ полѣ, вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, всплывавшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

ніе разгрома Арсеній не выходилъ изъ кельи, неусыпно молясь о смягченіи царской ярости. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Новгорода царь вошелъ вечеромъ въ келью затворника и нашелъ его на молитвѣ.

— Оставляю градъ твой, отче и иду во Псковъ,— съ кротостію проговорилъ Грозный.—Благослови меня въ путь и сопутствуй мнѣ, если можешь. Люблю твою бесѣду: она какъ елей умащаетъ душу мою.

— Насытился ли кровію, звѣрь кровожадный?—отвѣчалъ Арсеній. — Кто можетъ благословить тебя, кто можетъ молить Бога о мучителѣ, облитомъ кровію христіанскою? Много душъ неповинныхъ послалъ ты въ царство небесное, а самъ не увидишь его. И еще замышляешь новое кровопролитіе!

Таковы были проводы царю-мучителю изъ Новгорода. Подобная же встрѣча ожидала его и во Псковѣ.

XVI.

Встрѣча съ юродивымъ.

Дошла до Пскова ужасная вѣсть: царь Іоаннъ, разгромивъ Новгородъ, но не насытясь еще кровью, идетъ и на Псковъ, считавшійся нѣкогда младшимъ братомъ Новгорода, чтобы припомнить и ему его древнюю свободу. Наконецъ узнали, что царь съ опричниками стоитъ въ 5-ти верстахъ отъ города, въ селѣ Любатовѣ. Это было въ субботу на второй недѣлѣ великаго поста. Не-

возможно описать ужасъ, овладѣвшій псковичами. По улицамъ раздавались плачъ и рыданія. Иныя хотѣли бѣжать въ лѣсъ; другіе болѣе смѣлые, рѣшились запереться въ городѣ и сопротивляться. Намѣстникъ царскій, князь Юрій Токмаковъ, съ трудомъ могъ уговорить обезумѣвшихъ отъ страха псковитянъ положиться на волю Божію и принять царя съ покорностію, въ надеждѣ, что онъ не рѣшится на новыя убійства. Никто не ложился спать: всѣ граждане проводили ночь въ молитвѣ. Въ полночь раздался благовѣстъ къ воскресной заутренѣ. Царю живо вообразилось, съ какими чувствами идутъ граждане псковскіе въ храмъ Божій въ послѣдній разъ—молить Всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва царскаго. Сердце его смягчилось, и онъ сказалъ своимъ воеводамъ: «Иступите мечи свои о камни, да престанутъ убійства».

На слѣдующее утро (это было 20-го февраля, во второе воскресенье великаго поста) улицы Пскова представляли необыкновенное зрѣлище. У воротъ Запсковья стояли съ открытыми головами царскій намѣстникъ, бояре и всѣ служилые люди въ ожиданіи царскаго вьѣзда. Царскій дьякъ Евдокимъ Мунехинъ держалъ на серебряномъ блюдѣ каравай хлѣба и солонку. По всѣмъ улицамъ до самаго Кремля, противъ воротъ каждаго дома, были разставлены столы съ разными постными кушаньями; передъ столами, стояли жители въ праздничныхъ нарядахъ. Встрѣчая грознаго гостя всѣ они были въ страхѣ, какъ приговоренные къ смерти... Одинъ только человѣкъ, въ длинной рубашкѣ, подпоясанный веревкой, смѣло и беззаботно разгуливалъ по улицамъ,

перебѣгая босыми ногами отъ одного стола къ другому и стараясь ободрить своихъ перепуганныхъ на смерть сограждан. «Не бойтесь, братцы: не сожретъ царь Иродъ,—самъ подавится»! приговаривалъ этотъ необыкновенный смѣльчакъ со смѣхомъ. Это былъ юродивый *Никола*, по прозванью *Салосъ* [1]). Когда показался царскій поѣздъ, съ колокольни Троицкаго собора и всѣхъ городскихъ церквей раздался торжественный звонъ. Стоявшіе у воротъ ударили царю челомъ въ землю. Намѣстникъ принялъ отъ дьяка хлѣбъ-соль и съ низкимъ поклономъ передалъ царю; но Іоаннъ взглянулъ на него яростно и сильно оттолкнулъ блюдо: солонка покатилась и соль разсыпалась по снѣгу... Всѣ вздрогнули отъ ужаса. Царь въѣхалъ въ городъ. Граждане, жены и дѣти преклоняли колѣна, встрѣчая его у своихъ домовъ съ хлѣбомъ-солью. Но страшному гостю готовилась еще другая, необычайная, неожиданная для него встрѣча. Вдругъ передъ царемъ явился юродивый Никола, прыгая на палочкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти, и приговаривая: «Иванушка, Иванушка! покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови». Царь приказалъ опричникамъ схватить дерзкаго; но блаженный исчезъ, скрывшись въ толпѣ народа. Встрѣченный на паперти Троицкаго собора Печерскимъ игуменомъ Корнилiемъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, царь вошелъ въ соборъ и отстоялъ обѣдню. При выходѣ изъ собора, его снова встрѣтилъ Никола и неотступно звалъ къ себѣ въ келью подъ Троицкою колокольней.

---

[1]) *Салосъ* по гречески значитъ *юродивый*.

Царь наконецъ согласился на его просьбу. Въ убогой и тѣсной кельѣ юродиваго на лавкѣ была разостлана чистая скатерть и на ней лежалъ огромный кусокъ сыраго мяса. «Покушай, Иванушка, покушай»! приговаривалъ Никола съ поклономъ, угощая царя.—«Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ», сурово сказалъ царь.—«Ты дѣлаешь хуже,—замѣтилъ ему блаженный,—питаешься плотью и кровью христіанскою, забывая не только постъ, но и Бога». Когда же царь велѣлъ снимать колокола съ соборной церкви и грабить ризницу, то блаженный сказалъ ему строгимъ голосомъ: «Не тронь насъ, прохожій человѣкъ! Ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, то не на чемъ будетъ тебѣ бѣжать отсюда». Въ это самое время Малюта Скуратовъ доложилъ царю, что его любимый конь палъ. Устрашенный царь немедленно выѣхалъ изъ города, жилъ нѣсколько времени въ предмѣстьи, а затѣмъ уѣхалъ въ Москву. Во Псковѣ онъ никого не казнилъ, хотя и ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей [1]).

---

[1]) Блаженный Николай, неустрашимый обличитель Грознаго, скончавшійся 28-го февраля 1576 года, былъ погребенъ подъ соборнымъ храмомъ—почесть, которой удостоивались только князья и святители.

XVII.

Московскія казни.

По возвращеніи Іоанна въ Москву, началось слѣдствіе о сношеніяхъ новгородскаго архіепископа Пимена и новгородскихъ приказныхъ людей съ боярами—княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ, Алексѣемъ Басмановымъ и сыномъ его Ѳеодоромъ, казначеемъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатымъ, Семеномъ Яковлевымъ, съ дьякомъ Васильемъ Степановымъ, съ Андреемъ Васильевымъ. Сношенія эти происходили будто бы о томъ, чтобы сдать Новгородъ и Псковъ литовскому королю, царя Іоанна извести, а на государство посадить князя Владиміра Андреевича. Начался розыскъ съ самыми жестокими истязаніями и пытками. Многіе, не въ силахъ выдержать мукъ, клепали на себя и на другихъ. Число обвиняемыхъ все болѣе увеличивалось. Всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ—Вяземскаго и Басмановыхъ.

Іоаннъ до того любилъ Вяземскаго и довѣрялъ ему, что иногда ночью, вставъ съ постели, приходилъ къ нему побесѣдовать, а когда бывалъ боленъ, то отъ него только принималъ лѣкарство. Но это не спасло Вяземскаго при доносѣ на него. Нѣкто Ѳедоръ Ловчиковъ, облагодѣтельствованный Вяземскимъ и порученный имъ царской милости, донесъ на своего благодѣтеля, будто онъ предувѣдомилъ архіепископа Пимена объ опас-

ности, грозившей Новгороду отъ царя. Іоаннъ призвалъ къ себѣ Вяземскаго, говорилъ съ нимъ очень ласково, а въ это время, по его приказанію, были перебиты домашніе слуги Вяземскаго. Вяземскій ничего не зналъ; воротившись домой и увидѣвъ трупы своихъ служителей, онъ не показалъ и вида, чтобы это произвело на него дурное впечатлѣніе, думая покорностію задобрить царя. Однако его схватили, засадили въ тюрьму, убили нѣсколькихъ его родственниковъ, а его самаго подвергли пыткѣ, допрашивая, гдѣ у него сокровища. Вяземскій отдалъ все, что награбилъ и нажилъ во времена своего благополучія; кромѣ того показалъ на многихъ богатыхъ людей, что они ему должны. Послѣдніе были ограблены царемъ. Вяземскій умеръ въ тюрьмѣ, въ невыносимыхъ мукахъ.—Подверглись обвиненію и двое другихъ любимцевъ царскихъ, Басмановы, отецъ съ сыномъ. Говорятъ, что Іоаннъ приказалъ сыну убить своего отца.

Число всѣхъ обвиненныхъ по *измѣнному* дѣлу доходило до 300. 25-го іюля на Красной площади поставлено было 18 висѣлицъ и разложены разныя орудія казни: печи, сковороды, острыя желѣзныя когти (кошки), клещи, иглы, веревки для перетиранія тѣла пополамъ, котлы съ кипящей водой, кнуты и проч. Увидѣвъ всѣ эти приготовленія народъ пришелъ въ ужасъ и бросился въ безпамятствѣ бѣжать куда ни попало. Пріѣхалъ царь съ опричниками; за ними вели осужденныхъ на казнь—въ ужасающемъ видѣ отъ слѣдовъ пытки; они едва держались на ногахъ. Площадь была совершенно пуста, какъ будто все вымерло. Царю это

не понравилось. Онъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ улицамъ и велѣлъ кричать: «Идите безъ страха, никому ничего не будетъ, царь обѣщаетъ всѣмъ милость». Москвичи начали выползать—кто съ чердака, кто изъ погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками измѣнниковъ? Отвѣчайте!» закричалъ царь народу.—«Будь здоровъ и благополученъ!—закричалъ народъ.—Преступникамъ и злодѣямъ достойная казнь!» Тогда царь велѣлъ отобрать 180 человѣкъ и объявилъ, что даруетъ имъ жизнь по своей великой милости. Всѣхъ остальныхъ казнилъ мучительными казнями. Изобрѣтательность царя была такъ велика, что почти каждому осужденному была особая казнь. Такъ напр. Висковатаго повѣсили ногами вверхъ и разсѣкали на части [1]); Фуникова обливали поперемѣнно

---

[1]) Вотъ подробности казни Висковатаго. Думный дьякъ государевъ, развернувъ свитокъ, прочелъ имена осужденныхъ, вызвалъ затѣмъ Висковатаго и прочиталъ слѣдующее: «Иванъ Михайловъ, бывшій тайный совѣтникъ государевъ! ты служилъ неправедно его царскому величеству и писалъ къ королю Сигизмунду, желая предать ему Новгородъ. Се первая вина твоя!» Сказавъ это ударилъ Висковатаго въ голову и продолжалъ: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты измѣнникъ неблагодарный, писалъ къ султану турецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань». Ударивъ его въ другой и въ третій разъ, дьякъ читалъ далѣе: «Ты же звалъ и хана крымскаго опустошать Россію: се твое третіе злое дѣло!» Висковатый, поднявъ глаза къ небу, отвѣчалъ: «Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, вѣдающимъ сердца и помышленія человѣческія, что я всегда служилъ вѣрно царю и отечеству. Слышу наглыя клеветы и не хочу болѣе

то кипящею, то ледяною водою и т. п. Эта кровавая потѣха продолжалась болѣе четырехъ часовъ. На другой же день послѣ казни потоплены были жены казненныхъ (числомъ до 80), и нѣкоторыя передъ тѣмъ подвергались изпасилованію и поруганію. Тѣла казненныхъ лежали нѣсколько дней на площади, терзаемыя собаками.

Въ это же время были казнены князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Овчининъ-Плещеевъ и Иванъ Воронцовъ, сынъ извѣстнаго Ѳедора Воронцова.

Одинъ иностранецъ (Гванини) такъ разсказываетъ о смерти знаменитаго воеводы Петра Оболенскаго-Серебрянаго. Царь сидѣлъ за столомъ, и только-что ему подали второе кушанье, онъ вдругъ вскочилъ и крикнулъ опричникамъ: «за мною»! 1500 стрѣльцовъ всегда стояли наготовѣ въ Александровской слободѣ. Іоаннъ поскакалъ со стрѣльцами и съ опричниками къ Москвѣ. Пріѣхавъ въ Москву онъ сдѣлалъ нападеніе на домъ князя Серебрянаго. Князя тотчасъ схватили, представили царю, и одинъ изъ палачей отрубилъ ему голову. Послѣ этого Іоаннъ осмотрѣлъ его хоромы; что нашелъ въ нихъ лучшаго, онъ взялъ себѣ, а остальное приказалъ разграбить своимъ спутникамъ; самый домъ сожгли, чтобы и слѣда его не осталось.

оправдываться, ибо земной судія не хочетъ внимать истинѣ, но Судія небесный видитъ мою невинность—и ты, государь, увидишь ее предъ лицемъ Всевышняго!“ Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили и разсѣкли на части. Малюта Скуратовъ первый, сойдя съ лошади, отрѣзалъ страдальцу ухо.

Такъ постепенно были истреблены почти всѣ прежніе храбрые воеводы и знатные бояре, совѣтники Сильвестра и Адашева: погибли князья ярославскіе, родственники Курбскаго, Морозовы и наконецъ Михаилъ Воротынскій, который еще передъ смертію одержалъ славную побѣду надъ крымцами, незадолго до того обратившими въ пепелъ Москву.

Курбскій такъ описываетъ смерть его. Одинъ слуга обокралъ Воротынскаго и потомъ обвинилъ его передъ Іоанномъ, будто онъ хотѣлъ извести государя чарами и пріискивалъ для этого «шепчущихъ бабъ». Его, по обыкновенію, пытали: положили на дерево между двумя огнями и обжигали, а Іоаннъ самъ дѣлалъ допросъ, подгребая жезломъ горячіе уголья подъ его тѣло. Послѣ пытки, полумертвый Воротынскій отвезенъ былъ въ ссылку на Бѣлое озеро: дорогою онъ умеръ.

Нѣкоторыхъ изъ воеводъ отъ казни избавляла только честная смерть на полѣ битвы. Такъ князья Мещерскіе отчаянно отбивались отъ татаръ въ городкѣ, вновь поставленномъ на Дону; и были убиты. Не прошло трехъ дней послѣ этого, какъ прискакали опричники, съ неистовымъ крикомъ бросились розыскивать Мещерскихъ, ворвались въ домы ихъ съ орудіями казни—и нашли трупы ихъ!

Другіе надѣялись избѣжать опалы, уйдя заблаговременно въ монастырь,—но и это не всегда удавалось. Михайловскій воевода Никита Казариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, поскимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки. Однако опричники отыскали его, схва-

тили и привезли въ Александровскую слободу. Увидѣвъ его въ монашескомъ одѣяніи Іоаннъ съ кощунствомъ сказалъ: «такъ какъ онъ сталъ теперь ангеломъ, то ему слѣдуетъ летѣть на небо!»—и велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороху.

Послѣ новгородскихъ казней жестокость Іоанна достигла высшей степени. Его опричники, часто окровавленные, съ дикими криками: «гойда! гойда!» носились на своихъ лихихъ коняхъ по Москвѣ, приводя всѣхъ въ ужасъ. Даже потѣхи царя были порою ужасны. Случалось, что онъ приказывалъ выпускать медвѣдей на толпу народа, ни въ чемъ неповиннаго, и тѣшился воплями испуганныхъ и убѣгающихъ людей, стонами пострадавшихъ. Искалѣченныхъ впрочемъ онъ всегда щедро награждалъ.

XVIII.

Злая шутка надъ шутомъ.

Любилъ царь Іоаннъ тѣшиться съ веселыми людьми, скоморохами. Было у него много и шутовъ.

«Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы (древнихъ царей нашихъ) былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постояннаго спектакля, постоянной вседневной утѣхи для всѣхъ комнатныхъ дворовыхъ людей...

Штатная обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Онъ достигалъ этой цѣли или пошлыми или острыми, слишкомъ умными или слишкомъ глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно, самый грязный цинизмъ здѣсь не только былъ умѣстенъ, но и заслуживалъ общее одобреніе. Въ этомъ какъ нельзя лучше обрисовывались вкусы общежитія, представлявшаго съ лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, поэтическую выработку поведенія, а внутри исполненаго неудержимыхъ побужденій животнаго чувства, затѣмъ что велико было въ этомъ общежитіи пониженіе мысли, а съ нею и всѣхъ изящныхъ, поэтическихъ и эстетическихъ инстинктовъ... Необходимость въ домашнемъ дуракѣ являлась сама собою именно по той причинѣ, что жизнь общества ужъ слишкомъ стѣснилась, окрѣпла, одервенѣла отъ этого многаго *правила*, слишкомъ одомостроилась, такъ что дуракъ, въ иносказательномъ смыслѣ, былъ какъ бы проводникомъ свободнаго, свѣжаго воздуха въ спертую и удушливую атмосферу повседневнаго быта, замкнутаго всевозможными уставами и правилами. Это былъ естественный продуктъ умственнаго и нравственнаго застоя жизни. Какъ скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себѣ, что такое былъ дуракъ на самомъ дѣлѣ?

«Должно полагать, что одни изъ нихъ были въ дѣйствительности идіоты, умственные уроды, помѣшанные, безумные, содержимые въ домахъ какъ рѣдкость,

какъ игра природы, *забавная* наравнѣ съ карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами, дивами, какихъ не всякій видалъ. Понятій о чудовищномъ униженіи въ этомъ случаѣ человѣческаго достоинства въ старомъ обществѣ не существовало. Человѣкъ-уродъ, какъ невиданный звѣрекъ, становился посмѣшищемъ для обыкновеннаго человѣка, становился его забавою, игрушкою. Съ такимъ же значеніемъ, какъ умственный уродъ. особенно цѣнился и дуракъ-шутъ, умный острякъ, замысловатый глумотворецъ и смѣхотворецъ. Онъ носилъ имя дурака потому, что всякое глумленіе, смѣхотвореніе вообще признавалось степеннымъ и чиннымъ обществомъ чѣмъ-то въ родѣ ребячества и глупости, потому что своими словами и дѣлами онъ слишкомъ уродливо выдвигался изъ умнаго уровня, на какомъ стояла тогдашняя порядочность поведенія. Въ этомъ отношеніи и очень умныя, какъ и очень глупыя слова и дѣла, имѣли равный смыслъ дурачества, почему всегда и прощались какъ дурачество, на которое не стоило обращать умнаго, разсудительнаго вниманія. Дуракъ, какъ и юродивый становились иной разъ суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемѣрія и всякихъ другихъ личныхъ и общественныхъ пороковъ, надъ которыми они издѣвались съ полнымъ и самымъ свободнымъ цинизмомъ, находя всегдашнее оправданіе для своихъ безцензурныхъ дѣйствій въ томъ же уродливомъ смыслѣ своей жизненной роли. Это была сатира, комедія, та сторона литературы, которая въ развивающемся обществѣ составляетъ прирожденную силу и за неимѣніемъ

письменности, печатнаго слова, обнаруживаетъ свои стремленія устнымъ словомъ, сценическимъ и циническимъ представленіемъ, а въ обычномъ смыслѣ дурачествомъ, ибо все смѣшное и комическое было дѣломъ однихъ только дураковъ. Такимъ образомъ другой разрядъ дураковъ, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждаютъ даже и историческія свидѣтельства. *Шутъ Гаврила* въ 1537 году съумѣлъ спастп себя отъ московской государевой опалы, измѣнивъ своему личному государю, удѣльному Старицкому князю Андрею Ивановичу. Онъ бѣжалъ отъ него въ Москву въ то время, какъ несчастный князь долженъ былъ попасть въ московскія сѣти и окончить свой вѣкъ «въ нужѣ страдальческою смертію». Шутъ спасалъ свою жизнь и вѣрно понялъ, что дѣло его князя, было проиграно безвозвратно (Карамз. VIII, прим. 16). Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что въ началѣ XVI столѣтія шуты принадлежатъ къ необходимымъ домашнимъ людямъ.

«Шутовъ и шутовство особенно также любилъ и царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Одною изъ главныхъ утѣхъ его, говоритъ Карамзинъ, были многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ... Въ сопровожденіи шутовъ, царь дѣлалъ даже церемоніальные поѣзды. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 году, разсказываетъ между прочимъ: «Царь въѣзжалъ при насъ въ Москву... впереди ѣхали 3,000 стрѣльцовъ, за стрѣльцами шутъ его на быкѣ, а другой въ золотой одеждѣ, затѣмъ самъ государь»... Однажды, издѣваясь надъ поляками въ лицо ихъ посольству, онъ

схватилъ соболью шапку съ одного изъ ихъ дворянъ, надѣлъ ее на своего шута и заставилъ его кланяться по-польски. Когда тотъ отвѣчалъ, что не умѣетъ, то царь сталъ учить его, самъ кланялся и смѣялся. Быть можетъ, особенное расположеніе Грознаго къ шутамъ и шутовству условливалось отчасти, подобно какъ и при Петрѣ, причинами замаскированной борьбы съ положеніями своего времени или съ своими личными врагами... На пирахъ Грознаго являлись шутниками и его любимцы изъ опричниковъ-дворянъ, каковъ былъ напр. Василій Грязной» [1]).

При такомъ царѣ, какъ Іоаннъ Грозный, и положеніе шутовъ бывало не всегда не безопасно, такъ что они иногда платили жизнію за острое слово. Между шутами его славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный придворный чинъ. Этотъ Гвоздевъ однажды какъ-то неудачно пошутилъ во время царскаго обѣда. Недовольный его шуткой, царь вылилъ на него мису горячихъ щей. Бѣдный смѣхотворъ завопилъ и хотѣлъ бѣжать. Это совсѣмъ не понравилось царю, и онъ ударилъ шута ножемъ. Тотъ упалъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, велѣлъ поскорѣе позвать своего врача Арнольфа и сказалъ ему:

— Исцѣли слугу моего добраго, — я пошутилъ съ нимъ неосторожно.

— И такъ неосторожно, — отвѣчалъ лѣкарь, взглянувъ на рану, — что развѣ только Богъ, да твое цар-

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол., стр. 407, 408, 409, 410, 411.

ское величество можетъ воскресить его: въ немъ уже нѣтъ дыханія.

Тогда царь, махнувъ рукой, проговорилъ: «Ну его, пса!» и продолжалъ веселиться.

Въ этомъ случаѣ одинъ изъ воеводъ, Титовъ, оказался находчивѣе. Онъ однажды пришелъ во время обѣда и низко поклонился царю. «Здравствуй, дорогой бояринъ!» сказалъ Іоаннъ: «ты заслужилъ наше жалованье»—и отрѣзалъ ему ухо. Титовъ и не поморщился, началъ только усиленнѣе кланяться и говорить: «Спасибо, государь, что казнилъ раба своего милостиво: дай Богъ тебѣ царствовать многіе годы!»

XIX.

Нашествіе крымскаго хана и сожженіе Москвы. 1571 г.

Обративъ все свое вниманіе на Ливонію, Іоаннъ хотѣлъ быть спокоенъ со стороны Крыма. Но Крымъ не хотѣлъ оставить его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что султанъ турецкій никакъ не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія отнять у московскаго царя Казань и Астрахань; а польскій король подарками побуждалъ хана напасть на московскія украйны; да и сами татары понимали, что для нихъ опасно давать усиливаться Іоанну насчетъ польскаго короля. Вельможи крымскіе на совѣтѣ говорили хану: «Помириться тебѣ съ царемъ московскимъ, зна-

читъ короля выдать: московскій царь короля извоюетъ, Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробыть. Взялъ онъ два юрта басурманскихъ, взялъ нѣмцевъ. Теперь онъ тебѣ подарки даетъ, чтобъ короля извоевать; а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть. Онъ и казанцамъ шубы давалъ; но вы этимъ шубамъ не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ».

Султанъ Селимъ рѣшился наконецъ исполнить давнее намѣреніе турецкаго правительства—отнять у московскаго царя магометанскіе юрты Казань, и Астрахань. Лѣтомъ 1569 года паша Касимъ выступилъ въ походъ съ 17,000 турокъ; съ нимъ соединился крымскій ханъ съ 50,000 татаръ. Положено было идти къ Переволокѣ, то есть къ тому мѣсту, гдѣ Донъ находился въ ближайшемъ разстояніи отъ Волги, соединить эти двѣ рѣки каналомъ и потомъ взять Астрахань. Достигши Переволоки турки начали было рыть каналъ, но не могли окончить этого дѣла и пошли къ Астрахани, подъ которою Касимъ хотѣлъ зимовать; но войско его этого не хотѣло и взволновалось, особенно когда узнали о приходѣ московскихъ воеводъ къ Астрахани съ большимъ войскомъ. Касимъ принужденъ былъ бѣжать назадъ степью, причемъ сильно истомилъ свое войско.

Іоаннъ избавился такимъ образомъ отъ турокъ, но не избавился отъ крымскаго хана, который не переставалъ требовать Казани и Астрахани. Очевидно, это было только предлогомъ къ нападенію. Все лѣто 1570 года прошло въ тревогахъ, въ ожиданіи татарскаго нашествія. Войско русское стояло на Окѣ; самъ Іоаннъ два

раза выѣзжалъ къ нему по вѣстямъ о приближеніи хана. Но вѣсти оказались ложными, и царь уже было успокоился, думая, что татары не затѣваютъ ничего особеннаго. Весною 1571 года тревога возобновилась. Воеводы съ 50,000 войска отправились къ Окѣ; самъ царь съ опричниною выступилъ въ Серпуховъ. На этотъ разъ тревога оказалась не мнимая: ханъ Девлетъ-Гирей, собравъ 120,000 войска, пошелъ къ московскимъ украйнамъ. Въ степи къ нему прибѣжали дѣти боярскіе и сказали, что «во всѣхъ городахъ московскихъ два года сряду былъ большой голодъ и моръ, много людей померло, а много другихъ государь въ опалѣ побилъ, остальные воинскіе люди и татары всѣ въ нѣмецкой землѣ; государя ждутъ въ Серпуховѣ съ опричниною, но людей съ нимъ мало; ты ступай прямо къ Москвѣ; мы проведемъ тебя черезъ Оку». Ханъ пошелъ по указанію измѣнниковъ и неизвѣстно, гдѣ переправился черезъ Оку. Отрѣзанный отъ главнаго войска, Іоаннъ поспѣшилъ отступить изъ Серпухова въ Бронницы, оттуда въ Александровскую слободу, а изъ слободы въ Ростовъ, чтобы спастись отъ непріятеля, спастись отъ измѣнниковъ: ему казалось, что воеводы выдаютъ его татарамъ!

Узнавъ, что ханъ уже за Окою, воеводы предупредили его, пришли въ Москву 23-го мая и расположились въ ея предмѣстьяхъ, чтобы защищать городъ. 24-го мая, въ праздникъ Вознесенія, ханъ подступилъ къ Москвѣ. Утро было ясное и тихое. Ханъ приказалъ зажечь предмѣстья. Русское войско готовилось къ смертному бою, какъ вдругъ вспыхнулъ пожаръ сразу во многихъ мѣстахъ. Запылали сначала деревянные до-

мишки по окраинамъ предмѣстьевъ. Быстро съ кровли на кровлю перебѣгалъ огонь по скученнымъ деревяннымъ постройкамъ и съ трескомъ пожиралъ сухое дерево. Небо омрачилось дымомъ; поднялся вихрь и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось изъ конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить. Забыли о татарахъ. Жители Москвы, толпы людей, бѣжавшихъ изъ окрестныхъ мѣстъ отъ татаръ, воины — всѣ въ безпамятствѣ искали спасенія и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій или давили другъ друга въ тѣснотѣ, стремясь въ городъ, но отовсюду гонимые пламенемъ; многіе бросались въ рѣку и тонули. Начальствующіе люди уже не повелѣвали, — ихъ не слушались: успѣли только завалить ворота Кремля, не впуская никого въ это послѣднее убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ каменныхъ церквахъ. Въ три часа не стало Москвы—ни посадовъ, ни Китай-города; уцѣлѣлъ одинъ только Кремль, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ сидѣлъ митрополитъ Кириллъ съ святынею и съ казною. Любимый Арбатскій дворецъ Іоанновъ исчезъ. Главный воевода, князь Бѣльскій, задохся въ погребѣ на своемъ дворѣ. Погибъ главный докторъ царскій Арнольфъ Ликзей и 25 лондонскихъ купцовъ. Людей погибло невѣроятное множество — болѣе 120,000 воиновъ и гражданъ, кромѣ женщинъ, младенцевъ и сельскихъ жителей, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля, а всего около 800,000 человѣкъ. Москва рѣка не пронесла

мертвыхъ: нарочно поставлены были люди спускать трупы внизъ по рѣкѣ. «Кто видѣлъ это ужасное зрѣлище (пишетъ одинъ иностранецъ-очевидецъ), тотъ вспоминаетъ объ немъ всегда съ новымъ трепетомъ и молитъ Бога, чтобы не видѣть ничего подобнаго вторично».

Этотъ необыкновенный пожаръ поразилъ страхомъ даже и самихъ татаръ. Среди почти сплошнаго огня имъ было ужъ не до грабежа. Ханъ приказалъ своей ордѣ отступить къ селу Коломенскому. Осаждать Кремль онъ не рѣшился и ушелъ со множествомъ плѣнныхъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 150,000), услыхавъ о приближеніи большаго русскаго войска, Девлетъ-Гирей оставилъ Іоанну такую надменную грамоту:

«Жгу и пустошу все изъ за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я, московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бы пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты—Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно: желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ».

Тяжело было гордому царю смиряться передъ заносчивымъ татариномъ, но пришлось смириться. Въ отвѣтной грамотѣ крымскому хану, Іоаннъ соглашался даже уступить ему Астрахань,—«только теперь—при-

бавлялъ онъ—этому дѣлу скоро статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ срокъ и земли нашей не воевалъ». Но ханъ понялъ намѣреніе Іоанна длить время, мало надѣялся на успѣхъ переговоровъ и лѣтомъ 1572 года съ 120,000 войска двинулся опять къ Окѣ. Но у Серпухова стояло русское войско подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго, который въ нѣсколькихъ сильныхъ схваткахъ разбилъ хана и заставилъ его бѣжать назадъ съ большимъ уономъ. Послѣ этого Іоаннъ уже перемѣнилъ тонъ по отношенію къ крымскому хану и на требованіе съ его стороны Астрахани отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Теперь (писалъ онъ) противъ насъ одна сабля—Крымъ; а тогда Казань будетъ вторая сабля, Астрахань—третья, Ногаи—четвертая».

А доблестный Воротынскій вскорѣ послѣ этого былъ замученъ Іоанномъ, по гнусному доносу раба!

XX.

Духовное завѣщаніе Іоанна, 1572 г.

Недовѣріе Іоанна не только къ старымъ боярамъ, но и къ людямъ, избраннымъ имъ самимъ, постоянныя разочарованія, которыхъ онъ по своему характеру не могъ избѣжать, требуя отъ людей, чтобы они во всемъ

удовлетворяли его,—должны были тяжело лечь на его душу. Мысль о непрочности своего положенія на московскомъ престолѣ съ особенною силою овладѣла имъ въ послѣдніе годы. Состояніе его души и образъ его мыслей высказываются вполнѣ въ единственномъ дошедшемъ до насъ духовномъ завѣщаніи его, относимомъ къ 1572 году.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Святыя и Живоначальныя Троицы, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, и по благословенію отца нашего Антонія, митрополита всея Россіи. Се азъ, многогрѣшный и худый рабъ Божій, Іоаннъ, пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ.

«...Понеже умъ убо острупися, тѣло изнеможе, болѣзнуетъ духъ, струпи тѣлесны и душевны умножишася, и не сущу врачу исцѣляющему мя—ждахъ, иже со мною поскорбитъ, и не бѣ; утѣшающихъ не обрѣтохъ. Душею убо осквернень есмь и тѣломъ окаляхъ. Житейскихъ ради подвигъ прельстихся міра сего мимотекущею красотою, въ разбойники впадохъ мысленныя и чувственныя, помысломъ и дѣломъ. Аще и живъ, но Богу скаредными своими дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій. Понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ согрѣшившихъ, сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Азъ разумомъ растлѣнъ быхъ и скотенъ умомъ и проразумѣваніемъ: понеже убо самую главу осквернихъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и всякаго злаго дѣланія, языкъ срамословія и сквернословія, и гнѣва, и ярости, и невоздержанія всякаго неподобнаго

дѣла, выя и перси гордости, руцѣ осязанія неподобныхъ и грабленія несытно и продерзанія и убійства, внутренняя же помыслы всякими сквернымі и неподобными осквернихъ, объядѣніи и піянствы, нозѣ теченіемъ быстрѣйшимъ ко всякому дѣлу злу, и сквернодѣянія, и убійства, и грабленіемъ несытнаго богатства, и иныхъ неподобныхъ глумленій. Но что убо сотворю? Понеже Авраамъ не увѣде насъ, Исаакъ не разумѣ насъ и Израиль не позна насъ. Но Ты, Господи, Отецъ нашъ еси, къ Тебѣ прибѣгаемъ и милости просимъ, Христе Боже! Язвы струпъ моихъ, глаголюще душевныя и тѣлесныя, обяжи и къ небесному сочетай мя лику, яко милосердъ, Господи Боже мой, миръ даждь намъ, развѣ Тебѣ иного не знаемъ и имя Твое разумѣемъ. Просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна и царство безначально и безконечно, и сила, и слава, и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Наставленіе дѣтямъ начинается словами Христа: «Се заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... Сами живите въ любви, и военному дѣлу сколько возможно навыкайте. Какъ людей держать и жаловать и *отъ нихъ беречься*, и во всемъ умѣть ихъ къ себѣ присвоивать, вы бы и этому навыкли же: людей, которые вамъ прямо служать, жалуйте и любите, отъ всѣхъ берегите, чтобъ имъ притѣсненія ни отъ кого не было,—тогда они прямѣе служать. А которые лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не скоро, по разсужденію, не яростію. Всякому дѣлу навыкайте божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, московскому

пребыванію и житейскому всякому обиходу, какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствами что имѣетъ, то вы бы сами знали. Также и во всякихъ обиходахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть, и въ какой мѣрѣ кто держится—всему этому вы учитесь, такъ вамъ люди и не будутъ указывать, вы станете людямъ указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владѣть, а люди. А что, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, изгнанъ я отъ бояръ, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ, и вамъ моими грѣхами многія бѣды нанесены: то Бога ради не изнемогайте въ скорбяхъ... Пока васъ Богъ не помилуетъ, не освободитъ отъ бѣдъ, до тѣхъ поръ вы ни въ чемъ не раздѣляйтесь: и люди бы у васъ за одно служили, и земля была бы за одно и казна у обоихъ одна,—такъ вамъ будетъ прибыльнѣе. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Ѳедора, а своего брата, какъ себя, чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, всѣмъ былъ бы доволенъ, чтобъ ему на тебя не въ досаду, что не дашь ему ни удѣла, ни казны. А ты, Ѳедоръ сынъ, у Ивана сына, а своего брата старшаго. *пока устроитесь*, удѣла и казны не проси, живи въ своемъ обиходѣ, смѣкаясь, какъ бы Ивану сыну тебя безъ убытка можно было прокормить, оба живите за одно и во всемъ устраивайте, какъ бы прибыточнѣе. Ты бы, сынъ Иванъ, моего сына Ѳедора, а своего брата младшаго, держалъ и берегъ и любилъ

и жаловалъ и добра ему хотѣлъ во всемъ, какъ самому ссобѣ, и на его лихо ни съ кѣмъ бы не ссылался, вездѣ былъ бы съ нимъ одинъ человѣкъ—и въ худѣ, и въ добрѣ; а если въ чемъ передъ тобою провинится, то ты бы его понаказалъ и пожаловалъ, а до конца бы его не разорялъ; а ссоркамъ бы отнюдь не вѣрилъ, потому что Каинъ Авеля убилъ, а самъ не послѣдовалъ же. А дастъ Богъ, будешь ты на государствѣ, а братъ твой Ѳедоръ на удѣлѣ, то ты удѣла его подъ нимъ не подыскивай, на его лихо ни съ кѣмъ не ссылайся; а гдѣ по рубежамъ сошлась твоя земля съ его землею, ты его береги и накрѣпко смотри правды, а напрасно его не задирай и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество земли и богатства пріобрѣтетъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать, и тогда все останется. А ты, сынъ мой Ѳедоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ, какъ меня, и покоренъ будь ему во всемъ, и добра желай ему какъ мнѣ, родителю своему, ни въ чемъ ему не прекословь, во всемъ живи изъ его слова, какъ теперь живешь изъ моего. Если дастъ Богъ, будетъ онъ на государствѣ, а ты на удѣлѣ, то ты государства его подъ нимъ не подыскивай, на лихо его не ссылайся ни съ кѣмъ, вездѣ будь съ нимъ одинъ человѣкъ—и въ лихѣ, и въ добрѣ; *а пока, по грѣхамъ, Иванъ сынъ государства не достигнетъ, а ты удѣла своего*: то ты съ сыномъ Иваномъ вмѣстѣ будь за одинъ, съ его измѣнниками и лиходѣями никакъ не ссылайся, если станутъ прельщать тебя славою, богатствомъ, честію, станутъ давать тебѣ го-

рода или право какое будутъ тебѣ уступать мимо сына Ивана, или станутъ на государство звать,—то ты отнюдь ихъ не слушай, изъ Ивановой воли не выходи; какъ Иванъ сынъ тебѣ велитъ, такъ и будь, и ничѣмъ не прельщайся; а гдѣ Иванъ сынъ пошлетъ тебя на свою службу или людей твоихъ велитъ тебѣ на свою службу послать, то ты на его службу ходи и людей своихъ посылай, какъ сынъ мой Иванъ велитъ; а гдѣ порубежная Иванова земля сошлась съ твоею землею, и ты береги накрѣпко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество богатства и земли пріобрѣтетъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать... И ты бъ, сынъ Ѳедоръ, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ, какъ мнѣ и себѣ; и во всемъ въ волѣ его будь до крови и до смерти: ни въ чемъ ему не прекословь; если даже Иванъ сынъ на тебя и разгнѣвается или обидитъ какъ нибудь, то и тутъ старшему брату не прекословь, рати не поднимай и самъ собою не обороняйся; бей ему челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ, гнѣвъ сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ по моему приказу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и ты ему добей челомъ, какъ ему любо; послушаетъ твоего челобитья—хорошо, а не послушаетъ—и ты самъ собою не обороняйся же. Насъ родителей своихъ и прародителей не только что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, *но если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете*, въ божественныхъ литургіяхъ, панихидахъ

и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте».

Іоаннъ благословляетъ старшего сына «царствомъ Русскимъ (достоинствомъ), шапкою Мономаховою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему *царю* и великому князю Владиміру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всѣми шапками царскими и чиномъ царскимъ, что я промыслилъ, посохами и скатертью, а по-нѣмецки центурь. Сына же своего Ивана благословляю своимъ царствомъ русскимъ (областью), чѣмъ меня благословилъ отецъ мой князь великій Василій и что мнѣ Богъ далъ». Здѣсь мы встрѣчаемъ важную отмѣну противъ распоряженія прежнихъ государей: удѣльный Ѳедоръ не получаетъ никакой части въ городѣ Москвѣ. Ему дано въ удѣлъ 14 городовъ, изъ которыхъ главный — Суздаль; но показывается, что удѣльный князь не долженъ думать ни о какой самостоятельности: «удѣлъ сына моего Ѳедора ему же (царю Іоанну) къ великому государству». Наконецъ относительно опричнины Іоаннъ говоритъ такъ сыновьямъ своимъ въ завѣщаніи: «Что я учредилъ опричнину, что на волѣ дѣтей моихъ, Ивана и Ѳедора; какъ имъ прибыльнѣе, такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ».

XXI.

Война съ Польшею за Ливонію.

Ливонія подъ ударами русскихъ, какъ мы уже говорили, распалась на части. Польша, которой досталась большая часть Ливонскихъ владѣній, должна была по договору 1561 года защищать ихъ. Такимъ образомъ Россіи пришлось столкнуться съ Польшею.

Послѣ разрыва переговоровъ о бракѣ московскаго царя съ королевною Екатериною, сестрою Сигизмунда-Августа, и пріемѣ польскимъ королемъ во владѣніе Ливоніи, послѣдній послалъ въ Москву посломъ Корсака съ предложеніемъ вывести изъ Ливоніи и русское, и литовское войско и вступить въ переговоры о мирѣ. Изъ Москвы отвѣчали отказомъ и указывали на сношенія короля съ крымскимъ ханомъ. Литовскіе паны пробовали завести сношенія отъ имени епископа виленскаго съ московскимъ митрополитомъ и боярами; но сношенія эти кончились неудачею. Бояре, между прочимъ, указывали на то, что сама Литва есть отчина великаго государя, и дѣлали сравненіе между русскими государями «прирожденными» и литовскими — «посаженными» (отвѣты эти писаны, очевидно, самимъ царемъ). Весь 1562 годъ прошелъ въ переговорахъ и мелкихъ столкновеніяхъ, причемъ, между прочимъ, Курбскій потерпѣлъ неудачу у Невля.

Въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ двинулся къ литовскимъ границамъ.

Цѣлью похода былъ Полоцкъ—городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою. 31 января Полоцкъ былъ осажденъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ, а 15 февраля городъ сдался. Казна королевская, имѣніе пановъ и богатыхъ купцовъ, множество золота и серебра, отобрано на царя. Всѣ жиды, которыхъ не терпѣлъ Іоаннъ, потоплены въ Двинѣ; но наемные воины королевскіе, числомъ больше 500 человѣкъ, одарены шубами и отпущены: имъ дана была воля—вступить-ли въ царскую службу, ѣхать-ли къ королю или въ другія земли.

Увѣдомляя митрополита о взятіи Полоцка, Іоаннъ велѣлъ сказать ему: «Исполнилось пророчество русскаго угодника, чудотворца Петра митрополита, о городѣ Москвѣ, что взыдутъ руки его на плещи враговъ его: Богъ несказанную свою милость изліялъ на насъ недостойныхъ—вотчину нашу, городъ Полоцкъ, намъ въ руки далъ». Царь возвратился въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ-подъ Казани. Въ Полоцкѣ оставлено было трое воеводъ, князья: Петръ Ивановичъ Шуйскій, Василій и Петръ Семеновичи Серебряные-Оболенскіе, съ наказомъ управлять городомъ, «разспрося по здѣшніе всякіе обиходы», и судить по мѣстнымъ обычаямъ. Польскій король завелъ переговоры о мирѣ; но царь не согласился на уступку Полоцка и Ливоніи, и переговоры не привели ни къ чему. Хотя 26-го января 1564 года русское войско, предводимое П. И. Шуйскимъ, было разбито Николаемъ Радзивиломъ близъ города Чашниковъ на рѣкѣ Улѣ (причемъ самъ Шуйскій былъ убитъ), однако эта побѣда не могла

вознаградить короля за лишеніе Полоцка. Измѣна Курбскаго также не принесла нашимъ врагамъ большей пользы. Король просилъ перемирія, уступая царю всѣ города и земли, занятые московскими войсками. Для рѣшенія важнаго вопроса—мириться ли съ королемъ или нѣтъ?—Іоаннъ созналъ лѣтомъ 1566 года большой, небывалый соборъ. До сихъ поръ государи совѣтовались о дѣлахъ съ вельможами, въ дѣлахъ важныхъ призывалось на совѣтъ, въ *думу*, и знатнѣйшее духовенство. Но теперь Іоаннъ велѣлъ собрать духовенство, бояръ, дворянъ, помѣщиковъ съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ людей, которымъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяковъ, знатнѣйшихъ купцовъ московскихъ и смольнянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Соборъ отвѣчалъ, что надобно добывать всю Ливонію, подтвердивъ такимъ образомъ завѣтное намѣреніе самаго царя.

Подкрѣпленный рѣшеніемъ собора, Іоаннъ послалъ Умнаго Колычева въ Литву требовать признанія Ливоніи за Россіею. Въ отвѣтъ на это посланъ былъ отъ короля гонецъ съ объявленіемъ войны. Гетманъ Хоткѣвичъ осадилъ Улу, но долженъ былъ отступить по причинѣ неповиновенія войска; затѣмъ нападенія опять возобновились, и Ула была взята и сожжена. Сношенія однако возобновились: въ Литвѣ, въ виду болѣзненности короля, которымъ прекращалась династія, становились уступчивѣе. Гонецъ пріѣхавшій протить опасной грамоты на большихъословъ, назвалъ Іоанна *па-*

ремъ [1]), чѣмъ было польщено самолюбіе Іоанна. И московскіе послы заговорили въ болѣе миролюбивомъ тонѣ. Прежде царь требовалъ, между прочимъ, выдачи Курбскаго; но теперь отказался отъ этого требованія, зато посланцу Мясоѣдову данъ былъ такой наказъ: «Станетъ съ нимъ говорить князь Андрей Курбскій или иной, который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать, съ измѣнникомъ что говорить? Вы своею измѣною сколько ни лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ побѣду и вашу измѣну разрушаетъ. Больше того не говорить ничего и пойдти прочь. А съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить: выбранивъ его плюнуть въ глаза да и пойдти прочь».

Наконецъ въ 1570 году заключено было перемиріе на три года, съ оставленіемъ всего, какъ было, съ тѣмъ, чтобы въ эти года переговаривать о мирѣ.

Во время переговоровъ, послы литовскіе выразили царю мысль, что желаютъ избрать государя «отъ славянскаго рода», и останавливаются на немъ. Царь, произнесшій обширную рѣчь [2]) въ доказательство того, что войну началъ не онъ, замѣтилъ, что онъ не ищетъ выбора въ короли; а если они дѣйствительно хотятъ его, то «вамъ—сказалъ имъ царь—пригоже насъ не раздражать, а дѣлать такъ, какъ мы велѣли боярамъ своимъ и всѣмъ говорить, чтобы христіанство было въ

---

[1]) До этого времени въ Польшѣ не признавали за Іоанномъ царскаго титула.

[2]) Эта рѣчь занимаетъ 44 страницы въ польской книгѣ.

покоѣ». Іоаннъ не гнался за выборомъ въ короли: ему важна была Ливонія: за Ливонію онъ готовъ былъ отдать и Полоцкъ. Но Ливоніи не уступятъ охотно ни Польша, ни Швеція; овладѣть ею трудно,—и вотъ явилась мысль дать Ливоніи нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ вассальныя отношенія къ царю московскому, какъ герцогъ Курляндскій—къ польскому королю. Іоаннъ обратился съ такимъ предложеніемъ къ датскому принцу Магнусу, владѣтелю Эзеля. Въ мартѣ 1570 года Магнусъ пріѣхалъ въ Москву. Іоаннъ заставилъ его присягнуть въ вѣрности, назвалъ его королемъ Ливоніи и назначилъ ему въ невѣсты племянницу свою Евѳимію, дочь князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Изъ Москвы Магнусъ отправился въ Эстляндію и осадилъ Ревель, стоялъ подъ нимъ 30 недѣль и не могъ взять его.

XXII.

Стефанъ Баторій и осада Пскова.
1581 г.

Между тѣмъ въ западной Россіи происходили важныя событія. Со временъ Ягайла поляки хлопотали объ окончательномъ сліяніи Литвы и западной Россіи съ Польшею, но встрѣчали въ Литвѣ постоянное сопротивленіе своимъ намѣреніямъ. Полякамъ особенно хотѣлось прикрѣпить себѣ благословенныя природою рус-

скія области: Подолію, Волынь, Малоруссію, и за эти то области у нихъ шли сильныя распри съ литовцами. При бездѣтномъ и безродномъ Сигизмундѣ-Августѣ, которымъ оканчивалась ягеллонская династія, вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшею поднялся съ новою силою и рѣшенъ былъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Литовцы сначала и тутъ сильно упорствовали; но потомъ должны были согласиться на соединеніе (унію), когда увидали, что не поддерживаются русскими; а русскимъ было все равно, быть ли въ соединеніи съ Литвою или Польшею, потому что литовскіе вельможи вели себя въ отношеніи къ русскому народонаселенію вовсе не такъ, чтобъ могли заслужить его привязанность. Правленіе неразрывно соединенныхъ теперь Польши и Литвы объявлено избирательнымъ, и когда Сигизмундъ-Августъ умеръ (7-го іюля 1572 года), то взоры очень многихъ, особенно въ литовско-русскихъ православныхъ областяхъ, обратились къ Москвѣ. Давши знать Іоанну о смерти Сигизмунда-Августа, паны польскіе и литовскіе тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть втораго его сына, царевича Ѳеодора, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ дать сына въ короли, хотѣлъ самъ быть королемъ,—и не столько хотѣлъ быть королемъ польскимъ, сколько великимъ княземъ литовскимъ, безъ Польши. Іоаннъ медлилъ, не отправлялъ своихъ пословъ на сеймъ, не хотѣлъ унизиться до ласкательствъ и задариванія вельможъ, а французскій посолъ не щадилъ ни лести, ни обѣщаній, и успѣлъ составить сильную сторону, которая провозгласила королемъ генриха

Анжуйскаго, брата французскаго короля Карла IX. Но Генрихъ не долго нацарствовалъ въ Польшѣ: получивъ извѣстіе о смерти брата, онъ тайкомъ убѣжалъ изъ Польши во Францію,—и въ Польшѣ опять должны были начаться выборы. На этотъ разъ Іоаннъ отправилъ своего посланника съ грамотами къ знатнѣйшимъ панамъ, съ обѣщаніями наградъ въ случаѣ его избранія. Но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было мало: когда послы другихъ соискателей распространялись на счетъ выгодъ, какія Польша и Литва получатъ отъ избранія ихъ кандидатовъ, никто не слыхалъ, какія выгоды получатъ онѣ отъ избранія царя московскаго. Избранъ былъ въ 1575 году *Стефанъ Баторій*, воевода Трансильванскій (или князь Семиградскій), женившійся на сестрѣ Сигизмунда-Августа, Аннѣ.

Тѣмъ временемъ Іоаннъ упорно продолжалъ войну въ прибалтійскихъ областяхъ, гдѣ къ войнѣ съ поляками присоединилась и война со шведами, потому что царь хотѣлъ добыть также и Ревель съ другими эстонскими городами. Послѣ неудачной осады Ревеля Магнусомъ, Іоаннъ въ концѣ 1571 года самъ пріѣхалъ въ Новгородъ; приказавъ полкамъ собираться въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ. Но прежде ему захотѣлось попробовать, не согласятся ли шведы, испуганные его приготовленіями, уступить Эстонію безъ войны. Онъ предъявилъ шведскому королю громадныя требованія, а именно, чтобы тотъ призналъ его верховнымъ своимъ государемъ, допустилъ внесеніе своего герба въ русскій, а главное—отказался отъ Ливоніи. Требованія, разумѣется, не были приняты, и съ обѣихъ сторонъ нача-

лась оскорбительная переписка. «Воровство ваше все наруже, а прометываетесь какъ гадъ разными виды», писалъ царь, видя, что король не шлетъ пословъ.— «Ты до несносности глупъ, до грубости надмененъ и безъ всякаго воспитанія, что надобно думать, яко бы отецъ твой былъ монахъ или крестьянинъ», отвѣчалъ король.

Въ концѣ 1572 года Іоаннъ вступилъ въ Эстонію съ 80,000 войска и осадилъ городъ *Пайду* (Виттенштейнъ) [1]). 1-го января 1573 года городъ былъ взятъ: «первая крѣпость, взятая московитами штурмомъ», говоритъ ливонскій лѣтописецъ. Поручивъ дальнѣйшее веденіе войны своимъ воеводамъ, царь возвратился въ Новгородъ. Русскіе взяли нѣсколько крѣпостей, но при замкѣ *Лоде* (Коловертъ) были разбиты шведами. Въ іюлѣ 1575 года было заключено перемиріе со шведами на два года: Іоаннъ хотѣлъ обезпечить себя со стороны Финляндіи, чтобы сильнѣе дѣйствовать въ Ливоніи. Въ январѣ 1577 года русское войско, въ числѣ 50,000 человѣкъ, двинулось къ Колывани (Ревелю): осада, продолжавшаяся полтора мѣсяца, была неудачна. За то самъ царь совершилъ удачный походъ въ Ливонію: городъ за городомъ сдавались царю и его воеводамъ съ одной стороны, королю Магнусу—съ другой. Но съ отбытіемъ царя дѣла перемѣнились. Поляки и шведы взяли верхъ, въ 1578 году нанесли русскимъ сильное пораженіе близъ Вендена, при чемъ погибло четверо царскихъ

---

[1]) Подъ этимъ городомъ былъ убитъ печальной памяти Малюта Скуратовъ.

воеводъ; король Магнусъ, уже женившійся на царской племянницѣ, передался полякамъ. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу. Во Псковъ уже привезенъ былъ тяжелый нарядъ (артиллерія), назначенный для осады Ревеля. Но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на русской почвѣ.

Переговоры, начатые Стефаномъ Баторіемъ съ царемъ московскимъ, не привели ни къ чему. Іоаннъ относился къ нему свысока, даже не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ «братомъ», а звалъ только «сосѣдомъ», потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по «многомятежному человѣческому хотѣнію» (то есть по избранію сейма). Ливонію царь попрежнему называлъ «своей вотчиной» и уступокъ никакихъ не дѣлалъ.

Вступая на престолъ Стефанъ Баторій обѣщалъ возвратить Литвѣ области, завоеванныя у нея московскими государями, и хотѣлъ сдержать обѣщаніе. Кромѣ личныхъ достоинствъ—достоинствъ искуснаго полководца, средства къ успѣху у Баторія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, дававшее ему огромное преимущество предъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, передъ врагомъ, не знающимъ, откуда ждать нападенія, наконецъ предъ врагомъ, въ ратномъ искусствѣ далеко отставшимъ отъ западныхъ сосѣдей своихъ, потому что до сихъ поръ почти во всѣхъ значи-

тельныхъ битвахъ въ чистомъ полѣ русскіе войска оставались побѣжденными.

Іоаннъ, думая, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ ведена въ Ливоніи, отправилъ туда большое войско; но Баторій лѣтомъ 1579 года осадилъ Полоцкъ. Пришедшія на выручку московскія войска не могли пробраться къ городу и должны были удалиться въ Соколъ. Послѣ неудачнаго перваго приступа, Баторій сдѣлалъ 3-го августа второй приступъ. Жители Полоцка усердно помогали воинамъ, бросались тушить пожары, когда они вспыхивали отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; женщины и старики спускались на веревкахъ и подъ ядрами доставали воду изъ Двины. Но, несмотря на все упорство защиты, Полоцкъ, послѣ трехнедѣльной осады, былъ взятъ Баторіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, послѣ страшной рѣзни, былъ взятъ Соколъ. 1580 годъ былъ еще несчастнѣе для русскихъ: Баторій бралъ городъ за городомъ (Велижъ, Усвятъ, Великія Луки), а съ другой стороны шведскій полководецъ Делагарди бралъ верхъ надъ русскими въ Эстоніи.

Переписка между царемъ и королемъ продолжалась: чѣмъ болѣе уступалъ царь, тѣмъ горделивѣе становился король и тѣмъ болѣе усиливалъ свои требованія. Послы московскіе предложили Баторію отъ имени царя, Ливонію, за исключеніемъ четырехъ городовъ. Но король требовалъ всей Ливоніи, сверхъ того еще уступки Себежа и уплаты 400,000 золотыхъ венгерскихъ за военныя издержки. Царь былъ сильно раздосадованъ требованіями короля и написалъ ему укорительное письмо; «Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую унять;

а ты — говоришь въ письмѣ — ищешь того, какъ бы воевать». Во время похода ко Пскову, Баторій отправилъ изъ Заволочья къ царю обширное посланіе, въ которомъ смѣялся надъ тѣмъ, что онъ производитъ себя отъ Августа, осмѣивалъ его титулы, не оставилъ въ покоѣ и того, что мать его была дочерью литовскаго перебѣжчика, упрекалъ его въ тиранствѣ, оправдывался въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Называя Іоанна фараономъ московскимъ, волкомъ и проч., Баторій, между прочимъ, спрашиваетъ: «Для чего ты къ намъ не прибылъ съ войсками своими? для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? И бѣдная курица предъ ястребомъ и орломъ, птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, — а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься! Если не хочешь крови христіанской проливать (прибавлялъ Баторій), такъ уговоримся о мѣстѣ и о часѣ, сядемъ на коней и сразимся между собой».

Въ 1581 году Баторій взялъ крѣпость Островъ и осадилъ Псковъ, подъ стѣнами котораго и кончились его успѣхи.

Взявъ Островъ, 25-го августа войско королевское, въ числѣ, какъ говорятъ, 100,000 человѣкъ, появилось подъ Псковомъ. Городъ Псковъ былъ очень сильно укрѣпленъ: къ дѣтинцу (кремлю), построенному на косѣ, образуемой впаденіемъ Псковы въ Великую, и къ связанной съ нимъ Довмонтовой стѣнѣ прилегала еще (не существующая теперь) средняя стѣна; сверхъ того Запсковье тоже было укрѣплено. «Такого большаго города нѣтъ въ Польшѣ», говоритъ полякъ-очевидецъ:

«весь онъ обведенъ стѣнами; за стѣнами красуются церкви, какъ густой лѣсъ». Въ городѣ, обильно снабженномъ военными запасами, начальствовалъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій съ товарищами, изъ числа которыхъ выдѣляется тоже Шуйскій-Скопинъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи князя Михаила Скопина. Во Псковѣ было 7000 конницы и до 50,000 пѣхоты, считая и городское ополченіе.

О достопамятной оборонѣ Пскова, продолжавшейся съ 26-го августа по конецъ декабря, сохранилось подробное сказаніе въ «Повѣсти о Псковской осадѣ».

Баторій велѣлъ укрѣпиться подъ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ. Защитники Пскова тоже не теряли времени, стали строить внутреннія укрѣпленія. 7-го сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу. Изъ 20-ти большихъ орудій громили городскую стѣну, стараясь сдѣлать въ ней проломы для приступа. На другой день стѣна въ нѣсколькихъ мѣстахъ была сбита. Путь въ городъ былъ открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать они будутъ уже во Псковѣ. Распустивъ знамена, при звукахъ трубъ, пошли поляки, венгры и нѣмцы на приступъ. Въ городѣ по звону осаднаго колокола не только воины спѣшили къ своимъ мѣстамъ, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ, бѣжали на помощь своимъ и стали съ воинами въ самомъ опасномъ мѣстѣ — между развалинами каменной стѣны и новою деревянною стѣною, еще не достроенною. Но, несмотря на ужасный огонь, открытый по не-

пріятелю, онъ упорно шелъ впередъ, по трупамъ своихъ, достигъ крѣпости, сломилъ отчаянное сопротивленіе и ворвался... Уже на двухъ башняхъ (Покровской и Свиной) развѣвались королевскія знамена русскіе изнемогали и все больше и больше подавались подъ напоромъ враговъ. Облитый кровью, Шуйскій сошелъ со своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ... Въ это самое время духовенство вынесло изъ храма образъ Богоматери и мощи св. князя Всеволода-Гавріила и направлялось въ самый пылъ битвы. Увидя священное шествіе, бойцы ободрились и одушевились. Вдругъ съ ужаснымъ громомъ и трескомъ взлетѣла на воздухъ Свиная башня: воеводамъ удалось взорвать ее. Ровъ наполнился истерзанными тѣлами враговъ, овладѣвшихъ башней. Непріятель оторопѣлъ. Русскіе дружно ударили на враговъ и смяли ихъ. Къ мѣсту боя подоспѣли свѣжіе отряды воиновъ изъ болѣе отдаленныхъ частей города: враги не выдержали новаго напора и побѣжали... Дольше всѣхъ защищались венгры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ; наконецъ и они были сломлены. Жители помогали воинамъ: приносили воду, убирали раненыхъ, веревками тащили легкія пушки, брошенныя непріятелемъ у стѣнъ. Уже поздно ночью вернулись побѣдители въ городъ съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ. Осажденные потеряли 863 человѣка убитыми и 1626 человѣкъ ранеными, осаждающіе же болѣе 5000 человѣкъ убитыми.

Осажденные собрались въ соборной церкви принести благодареніе Богу за Его всесильную помощь

Воеводы сказали воинамъ и гражданамъ: «Такъ миновалъ для насъ первый день трудовъ, мужества, плача и веселія! Совершимъ, какъ мы начали! Пали сильные враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣхами стоимъ предъ алтаремъ Всевышняго. Гордый *исполинъ лишился хлѣба*, а мы въ христіанскомъ смиреніи насытились милосердіемъ небеснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, данный нами безъ лукавства и хитрости; не измѣнимъ церкви и государю ни робостію, ни малодушнымъ отчаяніемъ»! — Воины и граждане отвѣчали со слезами умиленія: «Мы готовы умереть за вѣру Христову! Какъ начали, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости». Послали гонца въ Москву съ радостною вѣстію: онъ счастливо миновалъ литовскій станъ.

Послѣ этого осаждающіе долго не могли ничего предпринять, по недостатку пороха. Когда былъ привезенъ порохъ, Баторій всячески пытался взять Псковъ: велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, пускать каленыя ядра, чтобы произвести пожаръ; написалъ увѣщаніе псковскимъ воеводамъ, обѣщая имъ и городу всякія льготы, если сдадутся, и грозя неминуемою гибелью въ случаѣ упорства. Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ непріятелемъ, то письмо короля съ этимъ увѣщаніемъ было пущено въ городъ со стрѣлою. Такимъ же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ: «За богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ! Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова. Готовыя на брань; а чья будетъ побѣда—Богъ покажетъ»!

Не удались Баторію и подкопы: осажденные вели противъ нихъ свои мины и рѣзались съ непріятелемъ подъ землею. Напрасны были и новые приступы: когда враги подходили къ стѣнѣ, прикрываясь большими щитами отъ пуль, и стараясь ломами пробить каменную стѣну, осажденные лили на нихъ горячую смолу, шестами съ крючьями оттаскивали ихъ отъ стѣны. Войско Баторія, несмотря на то, что числомъ вдвое превосходило осажденныхъ, совсѣмъ упало духомъ и отчаялось осилить городъ.

Не удалась Баторію даже попытка, овладѣть Печерскимъ монастыремъ. Монахи этого монастыря говорили осаждающимъ: «какую такую обиду чернецы нанесли королевскимъ людямъ, что они такъ тѣснятъ и осуждаютъ монастырь! Коли королевскіе (люди) хотятъ быть настоящими воинами, то пусть свое мужество покажутъ подъ Псковомъ».

Если дѣйствія Баторіевыхъ войскъ были не особенно успѣшны, за то успѣшно дѣйствовали шведы: они взяли Гапсаль, Нарву, Виттенштейнъ, Ямъ, Копоры и Корелу. Всѣ враги Іоанна находились между собою въ сношеніяхъ: не только польскій, но и шведскій король переписывался съ крымскимъ ханомъ. Шведы предлагали полякамъ придти къ нимъ на помощь подъ Псковъ. Но Баторій отклонилъ это предложеніе, опасаясь успѣховъ шведовъ въ Ливоніи. Отчасти это опасеніе, а еще болѣе обѣщаніе, данное сейму—кончить войну походомъ 1581 года, и неудача подъ Псковомъ побудили Баторія желать мира.

Тяжела становилась и для Іоанна война съ двумя сосѣдями: онъ рѣшился помириться съ Польшей. Угрожаемый опасною войною съ Баторіемъ, онъ отправилъ къ папѣ Григорію XIII, посла съ грамотою, въ которой онъ жаловался на Баторія, просилъ его помочь миру и выразилъ желаніе сблизиться съ нимъ и съ Цезаремъ (императоромъ нѣмецкимъ) на случай войны съ грозными тогда для Европы турками. Папа съ радостію согласился быть посредникомъ, надѣясь ввести въ Россіи католичество. Въ Москву былъ отправленъ папскій легатъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ, человѣкъ очень умный и ловкій. При посредствѣ Антонія Поссевина, въ декабрѣ 1581 года, въ деревнѣ *Киверова Гора*, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, начались мирные переговоры. До 6-го января 1582 года продолжались бурныя пренія и наконецъ заключено было перемиріе на 10 лѣтъ: Іоаннъ уступалъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ. Уже послѣ подписанія перемирія продолжались споры о титулѣ, и рѣшено было писать царя *Лифляндскимъ* и *Смоленскимъ* только въ московской грамотѣ. Поссевинъ кричалъ на пословъ и схватилъ одного изъ нихъ за шиворотъ...

Іоаннъ рѣшился помириться съ Баторіемъ для того, чтобы свободнѣе можно было воевать со шведами, отнять у нихъ завоеванные ими города и Ревель, слѣдовательно въ Эстоніи вознаградить себя за потерю Ливоніи. Русскія войска имѣли успѣхъ въ одномъ дѣлѣ со шведами: двукратный приступъ къ Орѣшку былъ отбитъ. Но когда въ началѣ 1583 года Делагарди приготовился опять вступить въ русскія владѣнія, то нов-

городскіе воеводы предложили ему миръ: въ августѣ 1583 года на рѣкѣ *Плюсѣ* (близъ Нарвы) заключено было на три года перемиріе, на основаніи котораго все, занятое шведами (въ томъ числѣ и русскіе города—Ямъ, Иваньгородъ и Копорье), осталось за ними. Это поспѣшное заключеніе перемирія объясняется непрочностью перемирія съ Польшею и особенно опаснымъ возстаніемъ Луговой Черемисы въ Казанской области. Но главною причиною этой поспѣшности слѣдуетъ считать убѣжденіе Іоанна въ томъ, что русскіе не могутъ имѣть успѣха въ войнѣ съ европейскими народами до тѣхъ поръ, пока не сравняются съ ними въ военномъ искусствѣ.

Такъ печально кончились замыслы Іоанна овладѣть Балтійскимъ побережьемъ. Но неудачный исходъ ливонской войны не долженъ закрывать отъ насъ всего значенія ея—какъ попытки въ свое время и какъ примѣра для временъ послѣдующихъ.

XXIII.

Народная пѣсня про осаду Пскова.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ, силушки смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ—сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ,
Онъ на Русь пошелъ. на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полотскій,
На другой-то на городъ на Велики-Луки,
На третій—на батюшку на Опсковъ градъ,

Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку, подъ Опсковъ градъ,
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ, собака, въ золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ же онъ, собака, возрадуется:
«Охъ вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мчитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы»!
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
„Бери своего коня Бахмута,
Поѣзжай во батюшку, во Псковъ градъ:
Въ городъ въѣзжай—не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай—не докладывай,
Во палаты входи—не бей челомъ,
Клади ярлыки на дубовы столы“.—
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
„Охъ ты гой еси, воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго.
Я на первомъ часу возьму Псковъ градъ,
На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить:
Стану пить, веселиться, прохлажатися.
Князей твонхъ, бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду“.
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій Иванъ Петровичъ:
„Блуденъ сынъ—король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Хоткѣвичемъ
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ.
Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,

Безъ бою и безъ драки великія
И безъ того уголовія смертнаго“!—
Какъ со-вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили;
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,—
Не туча съ тучей соходилася,
Не заря съ зарей сомыкалася,—
Соходилися два войска, два великія
Бѣлаго царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ удалой добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?—
Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу,
Побить силу королевскую,
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ:
Насилу король самь-третей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
„Не дай Боже, мнѣ во Руси бывать,
Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ“.

XXIV.

Антоній Поссевинъ.

По заключеніи перемирія въ Киверовой горѣ, папскій посолъ Антоній Поссевинъ, исполнивъ одну половину своего порученія, прибылъ въ Москву для достиженія самой главной и существенной цѣли своего посольства. Въ наказѣ, данномъ ему папою, говорилось: «Пріобрѣтя расположеніе и довѣренность государя московскаго, приступайте къ дѣлу, внушайте какъ можно искуснѣе мысль о необходимости принять католическую

религію, признать главою церкви первосвященника римскаго, признаваемаго таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наведите царя на мысль, какъ неприлично такому великому государю признавать митрополита Константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но симоніанъ и рабъ турокъ; что гораздо лучше и славнѣе для него будетъ, если онъ, вмѣстѣ съ другими государями христіанскими, признаетъ главою церкви первосвященника римскаго; съ этою цѣлью возьмите съ собою изложеніе вѣры, составленное на Тридентскомъ, въ греческомъ переводѣ. Такъ какъ, быть можетъ, монахи или священники московскіе, частью по грубости своей и отвращенію къ латинской церкви, частью изъ опасенія потерять свое значеніе, будутъ противиться нашему благочестивому намѣренію и употребятъ всѣ усилія, чтобъ не допустить государя оставить греческую вѣру, то старайтесь всѣми силами пріобрѣсть ихъ расположеніе; болѣе всего старайтесь пріобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ касающемся вѣры этого народа».

Прибывъ въ Москву, Антоній Поссевинъ сталъ просить позволенія говорить съ государемъ наединѣ о вѣрѣ, и между царемъ и посломъ папскимъ произошло любопытное преніе:

Іоаннъ. Мы съ тобою говорить готовы, только не наединѣ: намъ безъ ближнихъ людей въ это время какъ быть? Да и то поразсуди: ты, по наказу наивышняго папы и своею службою, между нами и Стефаномъ королемъ мирное постановленіе заключилъ, и теперь между нами, далъ Богъ, христіанство въ покоѣ. А если

мы станемъ говорить о вѣрѣ, то каждый по своей вѣрѣ ревнитель, каждый свою вѣру будетъ хвалить, пойдетъ споръ, и мы боимся, чтобъ отъ того вражда не воздвиглась.

Антоній. Ты государь великій, а мнѣ, наименьшему вашему подданному, какъ бранныя слова говорить? Папа Григорій XIII, сопрестольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи вѣры, а вѣра римская съ греческою одна. Папа хочетъ, чтобъ во всемъ мірѣ была одна церковь: мы бы ходили въ греческую, а славяне греческой вѣры приходили бы въ наши церкви. Если греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, то у насъ есть подлинныя греческія книги — Іоанна Златоуста собственноручныя и другихъ великихъ святителей. Ты будешь съ папою, цесаремъ и другими государями въ любви, и будешь не только на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, но и въ Цареградѣ государемъ будешь. Папа, цесарь и всѣ государи о томъ будутъ стараться.

Іоаннъ. Намъ съ вами не сойдтись о вѣрѣ: наша вѣра христіанская съ издавнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а римская церковь сама по себѣ: мы въ христіанской вѣрѣ родились и Божіею благодатію дошли до совершеннаго возраста—намъ уже 50 лѣтъ съ годомъ, намъ уже не для чего перемѣняться и на большое государство хотѣть; мы хотимъ въ будущемъ принять малое, а въ здѣшнемъ мірѣ и цѣлой вселенной не хотимъ, потому что это къ грѣху поползновеніе; намъ мимо своей вѣры истинной, христіанской, другой вѣры

хотѣть нечего. Ты говоришь, что ваша вѣра римская съ греческою одна: но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую. Греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: «отъ Ѳиопіи предваритъ руки ея къ Богу»; а Ѳиопія— все-равно, что Византія. Византія же просіяла въ христіанствѣ, потому и *греческая* слыветъ вѣра. А мы вѣру истинную христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашею вѣрою христіанскою римская вѣра во многомъ не сойдется; но мы объ этомъ говорить не хотимъ, чтобъ не было сопротивныхъ словъ. Да намъ на такое великое дѣло и дерзнуть нельзя безъ благословенія отца нашего и богомольца митрополита и всего освященнаго собора. Ты, Антоній, хочешь говорить: но ты затѣмъ отъ папы присланъ, самъ ты попъ, такъ ты и смѣло говоришь.

Антоній продолжалъ настаивать и увѣрять, что брани никакой не будетъ.

Іоаннъ. Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобою не хотимъ, чтобъ тебѣ не было досадно. А вотъ малое дѣло: у тебя борода подсѣчена; а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ. Ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь; и ты намъ скажи: отъ кого ты это взялъ, изъ котораго ученья?

Антоній. Я бороды не сѣку и не брѣю.

Іоаннъ. Сказывалъ намъ нашъ паробокъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорія носятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ; и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ христіанской съ римскою будетъ

разница: въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ побѣда, чтимъ его, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить.

Антоній. Папу достойно величать: онъ глава христіанъ, учитель всѣхъ государей, сопрестольникъ апостола Петра, Христова сопрестольника. Вотъ и ты, государь великій, и прародитель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владиміръ: и васъ, государей, какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать!

(Тутъ Поссевинъ поклонился царю въ ноги низко. Но это не произвело благопріятнаго впечатлѣнія).

Іоаннъ. Говоришь про Григорія папу слова хвастливыя, что онъ сопрестольникъ Христу и Петру апостолу, говоришь это мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ Господнимъ: «вы же не нарицайтеся учителіе» и проч. Насъ пригоже почитать по царскому величеству; а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостію. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако; тѣ, которые его носятъ, не ангелы. Папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопрестольникомъ Ему быть; да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же. Который же папа по Христову ученію, по преданію апостоловъ и прежнихъ папъ—отъ Сильвестра до Адріана—ходитъ, тотъ папа—сопрестольникъ этимъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа—волкъ а не пастырь.

Антоній. Если уже папа — волкъ, то мнѣ нечего больше говорить.

Потерпѣвъ неудачу въ главномъ своемъ намѣреніи, Поссевинъ настаивалъ, по крайней мѣрѣ, на томъ, чтобы католикамъ позволено было имѣть въ Москвѣ свою церковь и чтобы царь отпустилъ нѣсколько молодыхъ русскихъ людей въ Римъ для изученія латинскаго языка. Но и этого достигнуть онъ не могъ. Царь отвѣчалъ: «Теперь въ скорости такихъ людей собрать нельзя, которые бы къ этому дѣлу были годны; а какъ, дастъ Богъ, наши приказные люди такихъ людей наберутъ, то мы ихъ къ папѣ пришлемъ. А что ты говорилъ о венеціанахъ, то имъ вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними, только бы они ученія своего между русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили: пусть каждый остается въ своей вѣрѣ. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отымаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ государствѣ не ставили».

Поссевинъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царскимъ гонцомъ. Въ грамотѣ, отправленной къ папѣ, Іоаннъ писалъ: «Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего Антонія съ великою любовію приняли. Мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобъ христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскихъ и пребывало въ покоѣ... А что ты писалъ къ намъ и посолъ твой устно говорилъ намъ о вѣрѣ, то мы объ этомъ съ Антоніемъ говорили».

Гонцу было наказано: «Если папа или его совѣтники

станутъ говорить: государь вашъ папу назвалъ волкомъ и хищникомъ, то отвѣчать, что имъ слышать этого не случилось».

XXV.

Сношенія съ Англіей.

Начало нашихъ сношеній съ Англіею восходитъ къ 1557 году. Англійскіе купцы, видя, что новые пути, открываемые испанцами и португальцами, передаютъ въ ихъ руки міровую торговлю, задумали также найдти путь, который далъ бы ихъ торговлѣ самостоятельное и важное значеніе. Послѣ долгихъ совѣщаній съ знаменитымъ мореплавателемъ Себастіаномъ Каботою. они рѣшились отправить три корабля для открытія сѣверныхъ частей свѣта и новыхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Составившаяся для этой цѣли компанія купила три корабля и отправила ихъ въ сѣверныя моря, подъ начальствомъ Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиція отправилась 28-го мая 1553 года. Буря разнесла корабли, и Ченслеръ одинъ на своемъ кораблѣ достигъ Вардегуза (въ Норвегіи), гдѣ онъ условился соединиться съ своимъ товарищемъ. Но, прождавъ напрасно семь дней, онъ рѣшился ѣхать далѣе и 24-го августа достигъ большаго залива, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Испуганные появленіемъ большаго, никогда не виданнаго ими прежде судна, рыбаки хотѣли было убѣжать, но были схвачены и пред-

ставлены Ченслеру, который обошелся съ ними ласково. Послѣ этого окрестные жители начали пріѣзжать къ англичанамъ съ предложеніемъ съѣстныхъ припасовъ. Отъ нихъ англичане узнали, что страна, въ которую они попали, называется Россіею или Московіею, а царствуетъ въ ней государь Иванъ Васильевичъ. Русскіе въ свою очередь спросили у англичанъ, откуда они? Тѣ отвѣчали, что они посланы королемъ Эдуардомъ VI, должны доставить отъ него нѣкоторыя вещи царю, ищутъ дружбы русскаго государя и позволенія торговать съ его народомъ. Между тѣмъ мѣстное холмогорское начальство отписало къ царю о прибытіи иностранцевъ, спрашивая, что съ ними дѣлать? Царь отвѣчалъ, чтобы пригласили англичанъ къ нему въ Москву. Если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествіе, то могутъ торговать съ русскими. Но Ченслеръ не испугался долгаго и труднаго пути и отправился въ Москву еще до прихода отвѣтной грамоты царской, хотя мѣстное начальство (выборные головы) откладывали день за день его поѣздку подъ разными предлогами, все дожидаясь вѣстей изъ Москвы. Проживъ въ русской столицѣ 13 дней, Ченслеръ позванъ былъ къ государю. Пріемъ и угощеніе иностранца-гостя происходили по обычному церемоніалу пріема и угощенія пословъ. Получивъ отъ Іоанна грамоту, содержавшую благопріятный отвѣтъ на грамоту Эдуарда, просившаго у всѣхъ государей покровительства капитану Уилльоуби, Ченслеръ возвратился въ Англію, гдѣ уже не засталъ въ живыхъ Эдуарда: на мѣсто его царствовала Марія. Въ 1555 году Ченслеръ снова явился посломъ въ Москву; вмѣстѣ съ нимъ пріѣ-

ѣхали и двое агентовъ компаніи, составившейся для торговли съ Россіею. Англичанамъ дана была льготная грамота, въ силу которой имъ дозволено было торговать въ Москвѣ и другихъ городахъ безъ пошлины и безпрепятственно отъ другихъ народовъ, имѣть свои дома и т. д. Ченслеръ отправился въ Англію съ русскимъ посломъ Осипомъ Непеею. Страшная буря застигла ихъ у береговъ Шотландіи. Ченслеръ утонулъ, но Непея спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Русскимъ купцамъ, въ благодарность за льготы, данныя англичанамъ въ московскомъ государствѣ, также дано право свободно и безпошлинно торговать во всѣхъ мѣстахъ англійскихъ владѣній. Кромѣ того, Непея вывезъ изъ Англіи въ Москву многихъ мастеровъ, медиковъ, рудознатцевъ и другихъ.

По окончаніи ливонской войны, Іоаннъ завелъ переговоры съ англійскою королевою Елизаветою: онъ все еще не оставлялъ мысли о возвращеніи прибалтійскихъ береговъ, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этого можно было только въ союзѣ съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ. Еще въ 1569 году, Іоаннъ тайнымъ образомъ сдѣлалъ Елисаветѣ слѣдующія предложенія: онъ желаетъ, чтобъ королева была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ и наоборотъ, а онъ обязывается этимъ же самымъ относительно королевы. Англія и Россія должны быть во всѣхъ дѣлахъ заодно. Затѣмъ онъ просилъ, чтобы королева позволила пріѣзжать къ нему мастеровымъ, умѣющимъ строить корабли и управлять ими, позволила вывозить изъ Англіи въ Россію всякаго рода артиллерію и вещи необходимыя для войны. Наконецъ

онъ просилъ убѣдительно, чтобы между нимъ и королевою учинено было клятвенное обѣщаніе такого рода: если кто-нибудь изъ нихъ по несчастію принужденъ будетъ оставить свою землю, то имѣетъ право пріѣхать въ землю другаго для спасенія своей жизни. Это обязательство слѣдуетъ хранить въ величайшей тайнѣ.

Іоаннъ готовъ былъ уступить англичанамъ право исключительной торговли въ московскомъ государствѣ,— что, по его собственнымъ словамъ, было тяжелѣе дани,— лишь бы только пріобрѣсти дѣятельный союзъ европейскаго государства противъ главныхъ своихъ недруговъ, отнявшихъ у него Ливонію. Королевѣ же Елисаветѣ не было никакой выгоды втягиваться въ войны Іоанна съ сосѣдями. Поэтому на его предложеніе она отвѣчала уклончиво и неопредѣленно, что не будетъ дозволять, чтобы какое-нибудь лицо или государь вредилъ Іоанну или его владѣніямъ, не будетъ позволять этого въ той мѣрѣ, какъ по возможности или справедливости ей можно будетъ благоразумно этому воспрепятствовать; но противъ общихъ враговъ обязывается дѣйствовать оборонительно и наступательно. Присылала также Елисавета и людей, нужныхъ царю. Наконецъ было обѣщано принятіе царя и семейства его въ Англіи и содержаніе съ почетомъ. Въ грамотѣ, посланной царю съ Ѳедоромъ Писемскимъ, Елисавета писала: «Наша воля и хотѣнье, чтобъ всѣ наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты пріѣдешь къ своему истинному пріятелю и любимой сестрѣ».

XXVI.

Явленіе иконы Казанской Божіей Матери. 1579 г.

Въ 1579 году Казань пострадала отъ пожара, который, начавшись близь церкви св. Николая Тульскаго, истребилъ часть города, прилегавшую къ Кремлю, и окрестные посады, затѣмъ перешелъ въ самый Кремль и половину его обратилъ въ пепелъ. Православные, благодушно перенесшіе это несчастіе, стали снова устроять свои дома и созидать храмы Божіи. Но въ рукахъ невѣрныхъ, это несчастіе, постигшее городъ, сдѣлалось оружіемъ противъ православныхъ. Они видѣли въ пожарѣ гнѣвъ Божій на христіанство и выводили отсюда превосходство ислама надъ вѣрою Христовою. «И вѣра Христова—говоритъ лѣтописецъ—сдѣлалась притчею и поруганіемъ». Но Господь не оставилъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ и показалъ человѣколюбіе Свое—по выраженію лѣтописца — оттуда же, откуда испустилъ праведный гнѣвъ Свой на нихъ за грѣхи ихъ. На верженіе камня» [1]) отъ того мѣста, гдѣ начался пожаръ (нынѣ здѣсь находится холодная церковь Казанскаго монастыря), стоялъ домъ одного стрѣльца, сгорѣвшій вмѣстѣ съ другими во время общаго пожара. Когда стрѣлецъ на-

1) То есть на такое разстояніе, на какое пролетѣлъ бы брошенный камень.

мѣревался начать постройку новаго дома на своемъ пепелищѣ, девятилѣтней дочери его Матронѣ, стала являться во снѣ Божія Матерь. Въ первое свое явленіе Богоматерь сказала отроковицѣ, что въ землѣ находится сокрытою Ея икона — на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ ихъ, и повелѣвала ей сказать объ этомъ архіепископу и воеводамъ. Но отроковица не посмѣла открыть тотчасъ же своего видѣнія: спустя уже нѣсколько времени она сказала объ немъ матери. Однако мать, женщина простая и занятая житейскими хлопотами, или не поняла разсказа дочери или не обратила на него вниманія, считая бывшее ея дочери видѣніе грезами. Божія Матерь явилась отроковицѣ во второй разъ, повелѣвая разсказать о бывшихъ ей явленіяхъ безъ всякаго сомнѣнія и боязни. Матрона снова открыла матери свой чудесный сонъ и съ того времени не переставала повторять о видѣніи, занимавшемъ всю ея душу. Но мать попрежнему оставила безъ вниманія слова отроковицы. Наконецъ, Богоматерь явилась ей своею иконою въ третій разъ. Это было такъ. Однажды отроковица во время сна у себя дома была перенесена сверхъ естественною силою на средину двора и увидѣла здѣсь икону Пресвятой Богородицы, отъ лика которой исходили огненные лучи столь сильные, что Матрона боялась быть сожженною ими. Вмѣстѣ съ этимъ отъ иконы послышался страшный голосъ, говорившій: «Если ты не повѣдаешь глаголовъ моихъ, Я явлюсь въ другомъ мѣстѣ,— но ты погибнешь». Отъ этого страшнаго видѣнія Матрона пала на землю и долго лежала, какъ мертвая. Очнувшись она стала громко звать мать свою, разска-

зала ей слышанное стъ иконы Богоматери и просила немедленно идти къ воеводамъ и архіепископу. Мать вняла на этотъ разъ неотступной просьбѣ дочери и отправилась вмѣстѣ съ нею къ градоначальникамъ: боярину-воеводѣ князю Андрею Ивановичу Ногтеву и дьякамъ Михаилу Битяговскому и Василію Шулепину. Мать заставила саму имѣвшую видѣніе разсказать имъ свое видѣніе. Отроковица разсказала подробно о троектратномъ явленіи ей иконы Богоматери пересказала все, что говорила ей Владычица во время своихъ явленій, и указала мѣсто, гдѣ сокрыта икона. Но воевода и дьяки не только не повѣрили сказанному, а, кажется, еще посмѣялись надъ простотою разсказчицъ, которыя вышли отъ нихъ со слезами и отправились къ архіепископу Іереміи. Отроковица Матрона повторила и ему то же самое, что говорила мірскимъ властямъ. Но и здѣсь мать съ дочерью не имѣли никакого успѣха: архіепископъ, неизвѣстно почему, также не повѣрилъ разсказу. Возвратившись домой въ 12-мъ часу дня (это было 8 іюля) мать сама взяла заступъ и начала копать землю въ указанномъ Матроною мѣстѣ. Она копала долго, но ничего не находила. Вскорѣ къ ней присоединились и другіе, взрыли все мѣсто, —но такъ же безуспѣшно. Тогда отроковица сама взяла заступъ и начала вмѣстѣ съ другими разрывать то мѣсто, гдѣ была въ ихъ домѣ печь. Взрывъ болѣе двухъ локтей въ глубину, труждающіеся нашли наконецъ искомое сокровище: показалась икона Пресвятой Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, завернутая въ рукавъ вѣт-

хой одежды изъ сукна вишневаго цвѣта, но свѣтлая, безъ малѣйшей порчи дерева и красокъ, какъ будто она только недавно была написана. Нельзя думать, чтобы икона эта была сокрыта въ землю послѣ взятія Казани, такъ какъ при владычествѣ русскихъ въ этомъ не могло представляться уже никакой надобности. Скорѣе можно полагать, что еще во время господства татаръ надъ Казанью какой-нибудь русскій плѣнникъ, томившійся здѣсь въ неволѣ, а можетъ быть, и мусульманинъ, обратившійся въ христіанство, находясь среди невѣрныхъ, предъ смертію или боясь преслѣдованій отъ невѣрныхъ, скрылъ въ землю свое сокровище. Обрѣтенная икона была, какъ оказалось впослѣдствіи, списокъ съ чудотворной иконы Богоматери, извѣстной подъ именемъ Одигитріи [1]).

Вѣсть о чудесномъ обрѣтеніи иконы немедленно разнеслась по всему городу,—всѣ жители Казани стекались на пепелище воина, отца отроковицы Матроны. Послано было извѣстіе воеводамъ и архіепископу, которые прибыли на мѣсто обрѣтенія и со слезами просили предъ иконою Богоматери прощенія въ своемъ невѣріи. По распоряженію архіепископа, обрѣтенная икона отнесена была въ ближайшую къ мѣсту обрѣтенія церковь св. Николая Тульскаго. По совершеніи молебствія въ этомъ храмѣ, св. икона съ торжествомъ

---

[1]) Чудотворный образъ Одигитріи — Путеводительницы, по преданію, написанъ св. евангелистомъ Лукою и пересланъ царицею Евдокіею изъ Іерусалима въ Константинополь Пульхеріи, которая и поставила его во Влахернскомъ Константинопольскомъ храмѣ.

была препровождена въ Благовѣщенскій соборъ и здѣсь на пути явила первое чудо, исцѣливъ слѣпца Іосифа, который уже три года ничего не видѣлъ. Другой слѣпецъ, Никита, получилъ также исцѣленіе отъ Пресвятой Богородицы по принесеніи чудотворнаго Ея образа въ соборъ. Такъ начались чудотворенія отъ иконы Казанской Божіей Матери: точно такъ же начались они и отъ Пресвятой Богородицы Одигитріи, которая и названа такъ потому, что Богоматерь. явившись во снѣ двумъ слѣпцамъ, указала имъ путь во Влахернскую церковь, гдѣ они получили прозрѣніе предъ св. Ея иконою [1]).

На другой день въ соборномъ храмѣ совершена была литургія. Архіепископъ и градоначальники, снявъ списокъ съ новоявленнаго образа и описавъ обрѣтеніе его и чудеса, отъ него бывшія, отправили все это въ Москву къ царю. Царь повелѣлъ на мѣстѣ обрѣтенія, въ честь новоявленнаго образа, устроить женскій монастырь для 40 инокинь и поставить въ немъ этотъ образъ. Матрона, обрѣтшая святыню, постригшись подъ именемъ Мавры, была первою инокинею, а потомъ и настоятельницею этого монастыря. Въ 1594 году, по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича, заложенъ былъ большой каменный храмъ во имя Успенія Богоматери и освященъ митрополитомъ Гермогеномъ. Тогда же увеличенъ былъ штатъ инокинь до 64, а монастырь украшенъ богатыми иконами, ризами и прочею утварью.

---

[1]) Замѣчательно, что и впослѣдствіи при чудотворномъ Казанскомъ образѣ Богоматери, ни одинъ изъ недуговъ не былъ столь часто врачуемъ, какъ недугъ слѣпоты.

Чудотворный образъ Богоматери обложенъ золотомъ, драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ отъ царскихъ щедротъ. Императрица Екатерина II украсила вѣнецъ этой иконы брилліантовою короною.

До 1612 года чудотворная Казанская икона Божіей Матери была чтима только мѣстно — въ Казани, и празднованіе ей совершалось 8-го іюля, въ день ея обрѣтенія. Въ 1612 году, 22-го октября, при сраженіи русскихъ съ поляками въ Москвѣ, списокъ этой иконы находился у князя Димитрія Махайловича Пожарскаго. Такъ какъ молитвами и заступленіемъ Пресвятой Владычицы Богородицы, по вѣрѣ главнаго вождя русскаго воинства къ чудотворной иконѣ Ея Казанской, Московское государство было очищено отъ поляковъ, то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ память этого событія, установилъ праздновать въ Москвѣ, Казанской иконѣ Богоматери два раза въ годъ: въ день обрѣтенія св. иконы Ея—8 іюля и въ день очищенія Москвы отъ Поляковъ—22 октября, съ учрежденіемъ двухъ крестныхъ ходовъ изъ Успенскаго собора во Введенскую на Лубянкѣ церковь, гдѣ княземъ Пожарскимъ поставленъ былъ списокъ съ чудотворной иконы Казанской. Въ 1636 году 15 октября была освящена новопостроенная церковь во имя Казанской иконы Богоматери на Красной площади противъ Земскаго дворца (что нынѣ Казанскій соборъ). Съ этого времени оба крестные хода стали совершать въ этотъ соборъ, куда была перенесена и икона князя Пожарскаго.

Но до 1649 года праздникъ въ честь чудотворной Казанской иконы Божіей Матери, кромѣ Казани, совер-

шаемъ былъ только въ Москвѣ. Въ этомъ же году царь Алексѣй Михайловичъ, обрадованный рожденіемъ сына Димитрія, дарованнаго ему 1648 года 21 октября, во время всенощной на праздникъ Казанской иконы Богоматери, въ благодареніе Богу и Пресвятой Богородицѣ, установилъ день 22-го октября праздновать по всей Россіи.

XXVII.

Покореніе Сибири.
1581 г.

Мрачный горизонтъ послѣднихъ печальныхъ лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго неожиданно озарился однимъ свѣтлымъ событіемъ завоеваніемъ Сибири, третьяго татарскаго царства, украсившаго новымъ вѣнцомъ главу московскаго царя: къ прежнимъ титуламъ царя казанскаго и астраханскаго онъ присовокупилъ еще титулъ царя сибирскаго.

Между тѣмъ какъ на западѣ враждебныя сосѣдки— Польша и Швеція успѣли соединенными силами оттолкнуть московское государство отъ Балтійскаго моря, движеніе русскихъ на сѣверо-востокъ не только не прекращалось, но усиливалось болѣе и болѣе. Наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе неудачъ на западѣ, русскому человѣку удалось перейдти за Каменный Поясъ (Уральскія горы), отдѣляющій Европу отъ Азіи.

Послѣ завоеванія Казани, многіе ногайскіе князья

и мелкіе владѣльцы прикавказскіе, какъ мы видѣли, стали обращаться въ Москву съ просьбою о помощи другъ противъ друга и съ предложеніемъ подданства, чтобы имѣть въ царѣ московскомъ на всякій случай сильнаго покровителя и надежную помощь. Точно такъ же поступилъ, подъ вліяніемъ слуховъ о славныхъ побѣдахъ царя московскаго, и владѣлецъ Сибири—татарскаго юрта (царства), занимавшаго средину нынѣшней Тобольской губерніи. Незначительное само по себѣ, это царство было однако не незначительно въ той пустынной странѣ, гдѣ на громадныхъ пространствахъ были рѣдко разбросаны малочисленные роды разноплеменныхъ и разноязычныхъ обитателей. Въ январѣ 1555 года пришли—говоритъ лѣтопись—послы къ царю отъ сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли сибирской, поздравили государя съ царствомъ казанскимъ и били челомъ, чтобъ государь взялъ въ свое имя князя ихъ и всю землю сибирскую и заступилъ отъ всѣхъ непріятелей, положилъ на нихъ дань свою и прислалъ своего человѣка для сбора ея. Іоаннъ исполнилъ ихъ челобитье. Послы обязались за своего князя и за всю землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человѣка по соболю и по бѣлкѣ сибирской; черныхъ же людей (плательщиковъ дани) они сказали у себя 30,700 человѣкъ. Отправлены были въ Сибирь посолъ и сборщикъ дани, Дмитрій Куровъ. Послѣдній возвратился въ Москву въ концѣ 1556 года вмѣстѣ съ сибирскимъ посломъ Боярдою. Едигеръ прислалъ дани только 700 соболей, объявивъ чрезъ посла, что воевалъ ихъ Шибанскій царевичъ и взялъ въ плѣнъ много людей, вслѣдствіе чего

и мѣховъ собрать не съ кого. Однако, по свидѣтельству Курова, сибиряки обманули царя: дань можно было собрать сполна, да не захотѣли. Царь положилъ опалу на Едигерова посла Боянду, велѣлъ взять у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь отправить служилыхъ татаръ съ грамотою о высылкѣ полной дани. Въ сентябрѣ 1557 года посланные татары возвратились съ новыми послами сибирскими, которые привезли 1000 соболей, привезли и грамоту съ княжою печатью: Едигеръ обязывался быть у царя въ холопствѣ и платить каждый годъ всю дань сполна.

Но не трудно понять, что такая зависимость сибирскаго царства отъ московскаго царя не могла быть прочною. Едигеръ поддался русскому царю для того, чтобы имѣть отъ него помощь противъ своихъ недруговъ; а между тѣмъ ему трудно было разсчитывать на дѣйствительную помощь по самой отдаленности его владѣній отъ московскаго царя, его защитника. Съ другой стороны эта же отдаленность умаляла страхъ во врагахъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть сибирскимъ царствомъ. При томъ же, въ случаѣ нужды, они могли умилостивить московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь, подчинившійся ему. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Едигеръ, говорившій одному изъ русскихъ людей: Теперь собираю дань, къ государю вашемуословъ отправлялъ. «Теперь у меня война съ казацкимъ царемъ (Киргизъ-Кайсацкимъ). Одолѣетъ меня царь казацкій, сядетъ на Сибири: но и онъ государю дань станетъ не давать». Какъ говорилъ Едигеръ, такъ дѣй-

ствительно и случилось. Князекъ Кучумъ, явившійся изъ киргизъ-кайсацкихъ степей, разбилъ Едигерово войско, самого Едигера и брата его Бекбулата убилъ и завладѣлъ сибирскимъ царствомъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ сталъ требовать дани съ новаго царя сибирскаго. Кучумъ обязался-было платить дань; но потомъ, когда пріѣхалъ къ нему царскій посолъ, Кучумъ—убилъ его.

Этимъ и закончилась зависимость сибирскаго царства отъ Москвы, не имѣвшая прочныхъ основаній.

Недолго однако, сибирское царство пользовалось независимостью, и покоренію его способствовали богатые промышленники Строгонова, главные заселители Пермскаго края, примыкавшаго къ Уральскому хребту.

Первые русскіе поселенцы стали являться въ Пермскомъ краѣ въ XI столѣтіи: это были удальцы Новгородской вольницы. Къ нимъ присоединялись потомъ выходцы и бѣглецы съ разныхъ сторонъ. Власть московскаго государя начала утверждаться здѣсь со временъ Іоанна III: именно въ 1472 году царскій воевода князь Ѳедоръ Пермскій явился съ войскомъ около Соликамска, и край въ нѣсколько мѣсяцевъ былъ покоренъ окончательно. Съ половины XVI вѣка главными дѣятелями въ этомъ краѣ являются Строгоновы.

Отечествомъ рода Строгоновыхъ была Ростовская земля. Уже около половины XV вѣка Строгоновы являются людьми очень богатыми: они выкупили великаго князя Василія Васильевича Темнаго, попавшаго

въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ [1]). Въ благодарность за эту услугу, Василій Темный отдалъ Строгоновымъ въ оброчное содержаніе большое количество земли на сѣверо-востокѣ. При великомъ князѣ Іоаннѣ III главнымъ представителемъ этой богатой фамиліи былъ Лука Строгоновъ; а при сынѣ Іоанна III, Василіи Іоанновичѣ, внуки Луки Строгонова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости. Въ царствованіе Іоанна IV Строгоновы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы (главнаго притока Волги съ лѣвой стороны). Въ 1558 году Григорій Анисіевъ Строгоновъ билъ царю челомъ и сказывалъ: въ 88-ми верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, и всего пустаго мѣста здѣсь 146 верстъ. До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не ставили, и въ царскую казну не поступало никакой пошлины; и теперь эти земли не отданы никому. Григорій Строгоновъ билъ челомъ, что хочетъ на этомъ мѣстѣ поставить городокъ, рубить лѣсъ, пахать пашню, ставить

---

[1]) Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, уговаривая въ 1610 году Строгоновыхъ ссудить его значительною суммою денегъ, пишетъ въ своей грамотѣ къ нимъ: «Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна великаго князя Василія Васильевича, какой великой чести сподобились?» Хотя выкупъ сдѣланъ былъ, быть можетъ, на деньги не однихъ только Строгоновыхъ, во всякомъ случаѣ имъ принадлежала наибольшая доля участія въ этомъ дѣлѣ.

дворы, искать разсолу, ставить варницы и варить соль. Развѣдавъ въ точности, что эти мѣста дѣйствительно искони лежатъ впустѣ и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, царь отдалъ ихъ Григорію Строгонову съ тѣмъ, чтобы онъ не принималъ къ себѣ изъ другихъ городовъ людей тяглыхъ (обязанныхъ платить подати, состоящихъ въ *тяглѣ*) и письменныхъ (приписанныхъ къ извѣстному мѣсту), также чтобы не принималъ воровъ, людей боярскихъ, бѣглыхъ съ имѣніемъ, разбойниковъ. Купцы, которые пріѣдутъ въ городокъ, построенный Строгоновымъ, торгуютъ въ немъ безпошлинно. Ставить варницы, варить соль, ловить по рѣкамъ и озерамъ рыбу Строгоновъ можетъ безоброчно; а гдѣ найдетъ руду серебряную, мѣдную или оловянную, то дастъ знать объ этомъ царскимъ казначеямъ, самому же ему тѣхъ рудъ не разрабатывать безъ царскаго вѣдома. Льготы Строгонову дано на 20 лѣтъ: какіе неписьменные и нетяглые люди придутъ къ нему жить въ городъ и на посадъ и около города на пашни, на деревни и на починки, съ тѣхъ не брать никакой дани, ни подати, ни оброка впродолженіе 20-ти лѣтъ. Которые люди поѣдутъ мимо того городка, изъ московскаго ли государства или изъ иныхъ земель, съ товарами или безъ товара, съ тѣхъ пошлины не брать никакой, торгуютъ ли они тутъ или не торгуютъ. Но если самъ Строгоновъ повезетъ или пошлетъ соль или рыбу по другимъ городамъ, то ему съ соли и съ рыбы всякую пошлину давать, какъ берутся пошлины съ другихъ торговыхъ людей. Поселившихся у Строгонова людей пермскіе намѣстники и тіуны ихъ не судятъ ни въ

чемъ: вѣдаетъ и судитъ своихъ слобожанъ самъ Григорій Строгоновъ во всемъ. Если же людямъ изъ другихъ городовъ будетъ дѣло до Строгонова, то они въ Москвѣ берутъ управныя грамоты, и по этимъ грамотамъ истцы и отвѣтчики безъ приставовъ становятся въ Москвѣ передъ царскими казначеніями на Благовѣщеньевъ день. Когда пройдутъ урочные 20 лѣтъ, Григорій Строгоновъ обязанъ будетъ возить всѣ подати въ царскую казну въ Москву на Благовѣщеньевъ день.

Прикамская пустынная сторона составляла окраину, или украйну, на которую нападали дикіе зауральскіе и пріуральскіе народцы. Правительство могло давать льготныя грамоты населителямъ этихъ пустынныхъ пространствъ, но не могло защищать ихъ отъ нападеній враждебныхъ сосѣдей: насельникамъ приходилось защищаться самимъ своими средствами, приходилось строить городки или острожки, снабжать ихъ нарядомъ (артилеріею), содержать ратныхъ людей. Само собою разумѣется, что это было доступно только для такихъ насельниковъ, которые обладали обширными средствами. Отсюда уясняется важное значеніе *именитыхъ людей* Строгоновыхъ, которые одни, по своимъ средствамъ, могли заселить прикамскую страну, приблизить русскія поселенія къ Уралу и черезъ это дать возможность распространить ихъ—въ близкомъ или далекомъ будущемъ—и за Уралъ.

Основавъ городокъ, Строгоновъ нуждался для наряда пушекъ и пищалей въ селитрѣ. По его челобитной, царь дозволилъ ему на Вычегодскомъ посадѣ и

въ Усольскомъ уѣздѣ сварить селитры, но не больше 30-ти пудовъ, при чемъ наказывалъ старостамъ тѣхъ мѣстъ: «берегите накрѣпко, чтобъ при это селитряной варкѣ отъ Григорья Строгонова крестьянамъ обидъ не было ни подъ какимъ видомъ, чтобъ на дворахъ изъ-подъ избъ и хоромъ онъ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобъ онъ селитры не продавалъ никому». Новопостроенный городокъ Строгоновъ назвалъ *Канкоромъ*. Но черезъ 5 лѣтъ одного города оказалось мало: въ 1564 году Строгоновъ билъ челомъ, чтобъ царь позволилъ ему поставить другой городокъ въ 20-ти верстахъ отъ Канкора. Тутъ нашли разсолъ, ставятъ варницы и хотятъ варить соль; но безъ городка люди жить не смѣютъ. Царь исполнилъ и эту просьбу, и явился новый городокъ—*Кердеганъ* со стѣнами въ 30 сажень, а съ приступной стороны закладенный, вмѣсто глины, камнемъ. Въ 1566 году братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Аникія Ѳедорова[1]), билъ челомъ, чтобъ государь взялъ ихъ городки Канкоръ и Кердеганъ и всѣ ихъ промыслы въ опричнину (подъ свое покровительство): и эта просьба была уважена. Въ 1568 году тотъ же Яковъ просилъ, чтобы ему додано было земли еще на 20 верстъ къ прежнему пожалованію, обязываясь также построить на свой счетъ крѣпости съ скорострѣльнымъ нарядомъ. Земля дана была

[1]) Въ 1560 году Аника (Іоанникій) Строгоновъ основалъ Пыскорскій монастырь и около того же времени—Вознесенскій монастырь и много приходскихъ церквей.

ему на такихъ же условіяхъ, какъ и прежняя; но поселенцы освобождались отъ податей только на 10 лѣтъ.

До 1572 года въ прикамскихъ областяхъ все было тихо и благополучно; но въ этомъ году Пермскій воевода донесъ царю, что 40 человѣкъ возмутившихся черемисъ, вмѣстѣ съ остяками, башкирами и буинцами, приходили войною на Каму и побили здѣсь пермичей 87 человѣкъ. Получивъ эти вѣсти Іоаннъ послалъ Строгоновымъ грамоту, въ которой писалъ: «Вы бы жили съ великимъ береженьемъ, выбрали у себя голову добраго да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, съ всякимъ оружіемъ; велѣли бы прибрать также остяковъ и вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли бы жить въ острогѣ (крѣпости). Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, казаками, остяками и вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣ́нниковъ, черемису, остяковъ, вотяковъ и ногаевъ, которые намъ измѣнили». Строгоновы исполнили царскій приказъ: выбранный ими голова съ охочими людьми ходилъ на государевыхъ измѣнниковъ, однихъ побилъ, а другихъ привелъ къ присягѣ, что впередъ будутъ вѣрно служить государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, дѣятельно-предпріимчивые Строгоновы не могли не обратить вниманія и на земли Зауральскія, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ, чѣмъ страны Прикамскія. Скоро имъ представился благопріятный случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ земліцъ* за Ураломъ. А случай этотъ былъ слѣдующій. Новый сибирскій царь

(салтанъ) Кучумъ началъ дѣйствовать враждебно противъ московскаго государства, побивалъ и бралъ въ плѣнъ остяковъ, платившихъ дань въ Москву; въ іюлѣ 1573 года сибирскій царевичъ Маметкулъ [1]) приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройдти къ Строгоновскимъ городкамъ и въ Пермь великую, причемъ побилъ много остяковъ, московскихъ данниковъ, увелъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и убилъ государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Не доходя пяти верстъ до Строгоновскихъ городковъ, Маметкулъ возвратился назадъ, напуганный разсказами плѣнниковъ, что въ этихъ городкахъ собралось много ратныхъ людей. Увѣдомивъ царя о нападеніяхъ сибирскаго салтана и царевича, Строгановы печаловались на то, что они не смѣютъ безъ царскаго вѣдома послать своихъ наемныхъ казаковъ противъ сибирской рати; а между тѣмъ зауральскіе остяки просятъ, чтобъ государь оборонялъ ихъ отъ сибирскаго салтана, обязываясь съ своей стороны платить дань въ Москву. Поэтому Яковъ и Григорій Строгоновы просили государя дозволить имъ на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, впадающимъ въ Тоболъ, до верховьевъ ихъ, на удобномъ мѣстѣ дѣлать крѣпости, нанимать сторожей и держать на свой счетъ огненный нарядъ, вырабатывать желѣзо, пахать пашни и владѣть угодьями. Царь далъ Строгоновымъ право укрѣпляться и за Ураломъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они

---

[1]) Одни называютъ Маметкула сыномъ, а другіе—племянникомъ Кучума.

завели селенія по Камѣ и Чусовой, съ обязанностью надзирать и за другими промышленниками, которые вздумаютъ поселиться по Тоболу и другимъ рѣкамъ сибирскимъ. Вмѣстѣ съ этимъ правомъ Строгоновы получили право вести войну не только оборонительную, но также и наступательную—посылать войско на сибирскаго салтана, брать сибирцевъ въ плѣнъ и дѣлать ихъ данниками московскаго царя. Эта наступательная война была и необходима, и неизбѣжна: прежде чѣмъ взять въ свое владѣніе землю за Ураломъ, завести на ней промыслы, надобно было очистить ее отъ сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностію. Но изъ кого могли Строгоновы составить свое войско для веденія наступательной войны съ сибирскимъ царемъ? На охочихъ инородцевъ-остяковъ, вогуличей, югричей, самоѣдовъ, была плохая надежда: для этого требовались люди болѣе вѣрные, болѣе живые, устойчивые, воинственные и предпріимчивые. Строгоновы нуждались для достиженія своей цѣли въ отыскивателяхъ новыхъ путей, новыхъ землицъ, нуждались въ казакахъ.

И казаки явились.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ московскаго государства являются еще съ XV вѣка вольные, гуляющіе люди, охочіе до войны—казаки [1]).

[1]) Слово *казакъ*—чисто татарское и означало сперва вольнаго, бездомовнаго бродягу, а потомъ низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ. Прежде появленія русскихъ казаковъ, существовали казаки татарскіе, въ томъ же значеніи вольныхъ бродячихъ удальцевъ.

Одни изъ нихъ жили по станицамъ: это были казаки *городовые*. Они несли государеву службу, обороняя границы отъ нападеній разбойничьихъ, татарскихъ шаекъ. Другіе, въ полномъ смыслѣ вольныя «степныя птицы», уходили изъ подъ всякаго надзора, «гуляли» въ степномъ раздольи, нападали въ свою голову на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, рыбачили по рѣкамъ, разбивали купеческіе караваны татарскіе, да и русскимъ купцамъ порою спуску не давали. Шайки такихъ казаковъ гуляли и по Дону (впадающему въ Азовское море) и по Волгѣ. Уже при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ рязанскіе казаки хорошо знали мѣста по Дону; а при сынѣ Василія они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе *донскихъ*, и становятся страшны ногаямъ, крымцамъ и азовцамъ. Впрочемъ толпы донскихъ казаковъ состояли не изъ однихъ только жителей рязанской области: на Донъ шли также и жители Сѣверской украйны, издавна славившіеся своею отвагою. Равнымъ образомъ и городовые казаки, находившіеся подъ ближайшимъ надзоромъ государства, провинившись въ чемъ-нибудь, уходили на Донъ, гдѣ встрѣчали всегда радушный пріемъ и увеличивали собою толпы буйной вольницы. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, несмотря на то, что онъ въ мирѣ съ московскимъ царемъ, грабятъ татарскихъ купцовъ по Дону, царь отвѣчалъ: «Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобъ ихъ переловить; но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ, и которыхъ до-

будемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать и, переловивши, къ намъ присылали. А гости (купцы) ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ (въ степи) всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ». Дѣйствительно, очень мудрено было изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ *воровскихъ* казаковъ.

Надѣясь на безнаказанность, донскіе казаки не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполовину: они нападали не на однихъ ногаевъ, азовцевъ и крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ и русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей: казаковъ ловили и казнили; другіе, по выраженію лѣтописца, разбѣжались, какъ волки,—и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгоновыхъ вступить къ нимъ въ службу, на что и согласилась съ радостію.

Главнымъ предводителемъ, или атаманомъ этой шайки донскихъ казаковъ былъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ермакъ былъ росту средняго, бороду имѣлъ черную, волосы кудрявые, глаза свѣтлые и быстрые. Это былъ удалецъ богатырской силы, притомъ очень ловкій, сметливый. Роду онъ былъ простаго. Дѣдъ его былъ посадскимъ человѣкомъ города Суздаля и «жилъ въ великой ску-

дости». Ища себѣ пропитанія, Аѳанасій Григорьевъ Алениnъ (такъ назывался дѣдъ Ермака) переѣхалъ въ городъ Владиміръ, гдѣ сталъ извозничать. Занимаясь извозомъ, онъ свелъ знакомство съ разбойниками, жившими въ знаменитыхъ муромскихъ лѣсахъ. Въ скоромъ времени онъ попалъ въ тюрьму вмѣстѣ съ разбойниками, которыхъ возилъ и укрывалъ. Однако ему удалось бѣжать изъ тюрьмы: захвативъ съ собою жену и двоихъ сыновей, Родіона и Тимоѳея, онъ переѣхалъ жить въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго (Волжскаго), гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ вотчины Строгоновыхъ, и слыли здѣсь *Поволь-скими.* У нихъ родились сыновья: у Родіона Димитрій да Лука, у Тимоѳея—Гаврила, Фролъ и Василій, главный герой нашего разсказа. Василій [1]) былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Нанялся онъ работать на баркахъ (стругахъ) и ходилъ во Волгѣ и Камѣ. Онъ былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, и товарищи прозвали его Ермакомъ, потому что *ермакомъ* назывался дорожный артельный таганъ [2]). Такъ за нимъ это прозвище и осталось на всю жизнь. Работа бурлацкая скоро прискучила Ермаку, затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ донскимъ казакамъ, которые въ скоромъ времени выбрали его за удаль старшиной Качалинской станицы, чтобы онъ охранялъ рубежъ отъ Астрахани до Дона. Но Ермакъ не усидѣлъ долго и у донскихъ казаковъ:

---

[1]) Въ *Ремезовской лѣтописи* Ермакъ названъ *Германомъ*, а въ другихъ повѣствованіяхъ — *Ермолаемъ*.

[2]) По вольскому нарѣчію *ермакъ* значитъ еще жерновой ручной камень.

набравъ себѣ шайку молодцовъ на-подборъ, опъ ушелъ съ ними на Волгу разбойничать. Главными помощниками его были: Иванъ Кольцо (который, по словамъ царской грамоты къ ногаямъ, былъ присужденъ къ смертной казни), Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха. Походили на нихъ и остальные товарищи Ермака.

Мы видѣли подвиги Ермаковой шайки и знаемъ, чѣмъ они закончились для нея и къ чему привели.

Атаманъ говорилъ донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
А и вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена.
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани—жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозный царь государь Иванъ Васильевичъ;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
Пойдемте мы въ усолья къ Строгоновымъ,
Къ тому Григорью Григорьевичу.

Однако въ это время не было уже въ живыхъ ни Якова, ни Григорія Строгоновыхъ. Остался третій братъ, Семенъ Аникіевъ, съ двумя племянниками—Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, причемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ.

Казаки явились къ Строгоновымъ въ чусовскіе городки, въ числѣ 540 человѣкъ, въ концѣ іюня 1579 года и оставались здѣсь до сентября 1581 года. Въ это

время, по словамъ лѣтописца, они помогали Строгоновымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей. Въ іюлѣ 1581 года 680 человѣкъ вогуличей, подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Агтакова, напали неожиданно на строгоновскія владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ плѣнъ людей; но ратные люди изъ городовъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ плѣнъ самого мурзу Бегбелія. Вслѣдъ затѣмъ Строгоновы рѣшились отпустить казаковъ Ермака съ товарищами за Уральскія горы для достиженія той цѣли, съ какою отцы ихъ испросили царскую грамоту въ 1574 году.

Еще задолго до царя Кучума (читаемъ мы преданіе, записанное въ лѣтописи) разныя небесныя знаменія предвозвѣщали паденіе сибирскаго царства: на воздухѣ являлся городъ съ христіанскими церквами; вода въ рѣкѣ Иртышѣ казалась кровавою; Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры. При Кучумѣ эти знаменія умножились. Разсказывали, что отъ Иртыша приходитъ бѣлый волкъ, а отъ Тобола—черная гончая собака и грызутся между собою. Бѣлый волкъ—по объясненію спбирскихъ шамановъ (волхвовъ, кудесниковъ)—означалъ Кучумову рать, а черная собака — русскихъ. «Быть войнѣ! Погибнетъ царство сибирское отъ русскихъ!» такъ проповѣдывали шаманы, ходя по улицамъ.

Какъ бы то ни было, послѣдній часъ существованія сибирскаго царства уже пробилъ, и побѣдитель Кучума былъ на пути къ своему великому дѣлу, обезсмертившему его имя.

Два года съ небольшимъ прожилъ Ермакъ съ товарищами у Строгоновыхъ. Наконецъ 1-го сентября 1581

года Семенъ, Максимъ и Никита Строгоновы отпустили казаковъ на сибирскаго салтана, присоединивъ къ нимъ ратныхъ людей изъ своихъ городковъ—литовцевъ, нѣмцевъ (плѣнныхъ), татаръ и русскихъ, всего 300 человѣкъ; а въ цѣломъ отрядѣ Ермака съ казаками было 840 человѣкъ. Строгоновы дали имъ жалованье, снабдили ихъ съѣстными запасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и пищалями, дали проводниковъ, *вожей*, знающихъ сибирскій путь, и толмачей, знающихъ басурманскій языкъ, и наконецъ священника для совершенія разныхъ христіанскихъ требъ [1]). Отстоявъ напутственный молебенъ, Ермакъ двинулся съ своимъ отрядомъ въ походъ.

Но въ тотъ самый день, когда Ермакъ съ своею дружиною пошелъ на очищеніе сибирской земли, толпы дикарей, подъ предводительствомъ пелымскаго князя, напали на пермскія мѣста, на Чердынь и на строгоновскія владѣнія. Строгоновы отправили въ Москву грамоту съ жалобою, что вогуличи пожгли ихъ слободки и деревни, усольскія варницы и мельницы, хлѣбъ всякій и сѣно, крестьянъ съ женами и дѣтьми въ плѣнъ взяли, — и просили, чтобы царь велѣлъ имъ дать на по-

---

[1]) У предковъ нашихъ въ подобныхъ случаяхъ всегда дѣлалось такъ, что если отрядъ искателей новыхъ мѣстъ былъ значителенъ и имѣлъ цѣлью водвореніе въ новой странѣ, то онъ бралъ съ собою священника, потому что „нельзя же было христіанскимъ душамъ умирать безъ причастія среди басурманъ“, но отнюдь не для того, чтобы съ его благословенія разстрѣливать людей не вѣровавшихъ во Христа, какъ то дѣлалось въ Новомъ Свѣтѣ испанцами.

мощь ратныхъ людей съ ружьями. Между тѣмъ чердынскій воевода Перепелицынъ, вѣроятно, не поладившій со Строгоновыми, донесъ царю, что въ то самое время, какъ пелымскій князь напалъ на Пермь, Строгоновы, вмѣсто того, чтобы защищать эту область, отправили своихъ казаковъ воевать сибирскаго салтана. Вслѣдствіе этого донесенія царь велѣлъ отправить къ Строгоновымъ грамоту, въ которой говорилось, между прочимъ: «Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человѣкъ до 100, съ какимъ-нибудь атаманомъ; остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь, непремѣнно тотчасъ. А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя, и пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ пермскими мѣстами отъ вогуличей, пелымцевъ и отъ сибирскаго салтана,—то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать».

Воинъ Оничковъ, отправленный царемъ съ приказомъ — взять и отвести въ Пермь Ермака съ товарищами и *не задирать* сибирскаго салтана, не могъ исполнить царскаго приказа: Ермака нельзя было воротить,— онъ былъ уже далеко.

Походъ свой Ермакъ началъ по рѣкѣ Чусовой (лѣ-

вому притоку Камы). Четыре дня казаки плыли на стругахъ и челнахъ вверхъ по этой рѣкѣ до устья рѣки Серебрянной. Рѣка Чусовая—рѣка быстрая и каменистая: казаки уставали и принуждены были часто останавливаться на отдыхъ. Разъ пристали они къ большому камню, имѣвшему около 25 саженей въ вышину 30 саженей въ длину; въ камнѣ было отверстіе въ ростъ человѣка. Казаки полѣзли въ это отверстіе и нашли большую пещеру, а въ ней множество самодѣльныхъ покоевъ. Отдохнувъ тутъ казаки поплыли далѣе. Въ пѣснѣ поется, что они тутъ и зимовали:

И нашли они пещеру каменну
На той на Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю,
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много—не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе,
На другой сторонѣ въ такую жъ пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Камень этотъ до сихъ поръ называется *Ермаковымъ камнемъ* [1]).

---

[1]) *Ермакъ-Камень*, береговая известняковая скала, на правой сторонѣ рѣки Чусовой, въ 34 верстахъ ниже Кыковскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки, образуетъ вертикальную стѣну около 25 сажень высотою и до 30 сажень длиною. По срединѣ стѣны, обращенной къ рѣкѣ, въ 10 саженяхъ отъ поверхности воды, находится входъ въ обширную пещеру, раздѣленную на множество гротовъ. По мѣстному преданію, Ермакъ зимовалъ въ этой пещерѣ во время похода своего въ Сибирь и схоронилъ въ ней всѣ свои сокровища. Поэтому гора и пещера носятъ названіе *Ермаковыхъ*. Церренеръ говоритъ, что Ермакъ-камень тянется вдоль по берегу, по крайней мѣрѣ, футовъ на 350, что

Когда казаки добрались до верховьевъ Чусовой рѣки, то здѣсь мѣстами стало такъ мелко, что вода уже не подымала струговъ. Ермакъ ухитрился: онъ снялъ съ своихъ судовъ паруса и запрудилъ ими рѣку, растянувъ ихъ поперекъ ея и устроивъ такимъ образомъ какъ бы шлюзы или плотину,—вода поднялась, и всѣ струги, одинъ за другимъ, прошли черезъ мель. Изъ Чусовой въѣхали въ рѣку Серебряную или Серебрянку, по которой плыли два дня до сибирской дороги. Здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавъ его *Ермаковымъ Кокуемъ-Городомъ*. Съ этого мѣста перевезлись волокомъ черезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагилъ, а отсюда спустились въ рѣку Туру, притокъ Тобола.

Здѣсь начиналась сибирская страна, сибирское царство. До сихъ поръ казаки никакой помѣхи не встрѣ-

---

высота его доходитъ до 200 футовъ и что въ немъ находится Ермакова пещера, въ которой знаменитый атаманъ укрывался нѣкоторое время отъ нападенія Вогуловъ. Академикъ Георги, посѣтившій въ январѣ 1771 года вогульскія деревушки, Бабенки и Копчикъ, говоритъ: «Ермакова пещера заключается въ отвѣсной скалѣ изъ сѣраго извѣстняка, которая тянется по правому берегу рѣки сажень на 50 и имѣетъ высоты 28 сажень. Почти въ срединѣ—пещера, въ которой Ермакъ скрывался нѣсколько разъ отъ Вогуловъ и которая поэтому носитъ его имя. Онъ находится въ гладкой стѣнѣ, и попасть въ нее можно только по свѣшенной сверху веревкѣ. Да при томъ нужно имѣть ловкость и навыкъ кровельщика, чтобы влѣзть внутрь ея съ веревки, такъ какъ передъ входомъ въ пещеру нѣтъ въ скалѣ никакого уступа. Въ этой пещерѣ—сводъ, подобный своду пекарной печи; длина ея около 2-хъ сажень».

чали; рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: земля здѣсь была дикая, почти совсѣмъ безлюдная; если и встрѣчались изрѣдка люди, то, поглазѣвъ только на казаковъ, уходили прочь. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе: здѣсь народъ былъ уже не кочевой, бродячій, а осѣдлый, пахотный. Здѣсь казаки впервые встрѣтили городокъ (теперь городъ Туринскъ), гдѣ властвовалъ князекъ Епанча, подручникъ Кучума. Тутъ пришлось уже пустить въ дѣло оружіе, потому что съ берега стали стрѣлять изъ луковъ по казакамъ. Они дали залпъ изъ ружей. Нѣсколько татаръ упало; остальные въ ужасѣ ударились въ бѣгство: никогда еще они не видѣли огнестрѣльнаго оружія. Городокъ Епанчи былъ разоренъ казаками.

На рѣкѣ Тавдѣ казаки схватили нѣсколько татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ Ермаку подробно о своемъ салтанѣ и о его приближенныхъ:

«Кучумъ живетъ въ городѣ Сибири [1]), а городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучумъ теперь слѣпъ, однако все еще онъ сильный царь и всѣхъ въ страхѣ держитъ; подъ его рукою много князьковъ, и всѣ ему дань платятъ. Есть у него и храбрые воины, особливо родственникъ его Маметкулъ: это такой богатырь, какого другаго не сыщешь во всей нашей землѣ. Кучума царя многіе не любятъ за то, что онъ сталъ насильно вводить магометову вѣру. Есть у него войско и всякихъ снарядовъ военныхъ много; а только нѣтъ

---

[1]) Происхожденіе этого названія—до сихъ поръ еще вопросъ.

у него такихъ луковъ, какъ ваши. А были бы у него такіе луки, онъ всѣ бы земли покорилъ. Сибирь-городъ съ бухарцами торгуетъ: пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами и берутъ у насъ мѣха. А идти къ Сибири вамъ теперь Тавдою рѣкою, а Тавда въ Тоболъ вошла; стало быть, пойдете вы Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ,—тутъ скоро и Сибирь будетъ».

Ермакъ отпустилъ Таузака къ Кучуму, чтобы онъ своими разсказами о казакахъ настращалъ хана. Таузакъ, не словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучуму:

«Русскіе воины сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя,—все на-вылетъ пробиваютъ».

На ружье, конечно, всего болѣе и надѣялась горсть храбрецовъ, задумавшая ни болѣе, ни менѣе, какъ завоевать цѣлое царство и покорить десятки тысячъ людей!

На рѣкѣ Боболѣ, татары попытались остановить Ермака, протянувъ поперекъ рѣки желѣзныя цѣпи. Изворотливый Ермакъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ велѣлъ навязать пуковъ изъ хворосту, напялилъ на эти пуки залишнее казацкое платье и разставилъ ихъ въ лодкахъ; а самъ высадился на берегъ съ своими казаками и напалъ на татаръ съ тыла. Видя, что и въ лодкахъ казаки, и на берегу казаки, татары ударились бѣжать; а Ермакъ, снявъ цѣпи, поплылъ дальше.

Казаки плыли внизъ по Тоболу, и не разъ приходилось имъ разгонять выстрѣлами толпы туземцевъ. Кучумъ, хотя и былъ напуганъ и разсказами бѣглецовъ о большихъ силахъ врага, и разными зловѣщими предсказаніями и предзнаменованіями, тѣмъ не менѣе не былъ намѣренъ сдаваться безъ боя. Собралъ онъ все свое войско. Расположившись самъ станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола (неподалеку отъ нынѣшняго города Тобольска), подъ горою Чувашьею, онъ устроилъ здѣсь новую засѣку на всякій случай, а царевича Маметкула отрядилъ съ большимъ войскомъ (въ 10,000 человѣкъ) впередъ, навстрѣчу казакамъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ. Завязалась кровопролитная битва, продолжавшаяся цѣлыхъ 5 дней. Увидѣвъ множество непріятелей, казаки сперва было-смѣшались; но Ермакъ бросился впередъ и ободрилъ ихъ. Стали казаки стрѣлять по татарамъ и многихъ изъ нихъ повалили. Сначала татары испугались выстрѣловъ, но потомъ оправились и начали биться съ казаками. Долго они бились. Досталось и казакамъ; однако Маметкулъ не могъ одолѣть ихъ и побѣжалъ, сгубивъ много своего войска. А казаки поплыли дальше. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ или карачей защищалъ свой городокъ: казаки разгромили его, взяли медъ и царское богатство, затѣмъ отправились дальше. Непріятели настигли ихъ на Иртышѣ: татаръ собралось такое множество, что отъ стрѣлъ ихъ не было проѣзду. Ермакъ причалилъ къ берегу, кинулся на татаръ и побилъ ихъ крѣпко; но казаки поплатились за свою побѣду нѣсколь-

кими убитыми и всѣ до единаго были переранены. Положеніе казаковъ становилось опаснымъ. Татары, вѣрно, разглядѣли, что враговъ не слишкомъ-то много, и всѣми силами налегли на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы Кучумовой. Скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода. Надо было выбить Кучума изъ его засѣки и овладѣть столицей.

Наступала ночь. Казаки тихо подвигались противъ воды по быстрому Иртышу. Ермакъ сталъ думать, что ночью не годится плыть, что навѣрно гдѣ нибудь засѣли татары: столица была близко,—стало быть, не пропустятъ же они ихъ безъ боя. Да и устали казаки: не мѣшало бы отдохнуть. Замѣтивъ невдалекѣ городокъ Атикъ-Мурзы, Ермакъ взялъ его ужъ почти ночью и засѣлъ тамъ съ своими казаками.

И вотъ настала ночь—осенняя, темная. Подъ Чувашьею горою горѣли огни; копошились татары, готовясь къ завтрашнему бою; шумъ и гулъ изъ стана ихъ несся по рѣкѣ. Казакамъ не спалось; сердце у нихъ щемило отъ тревоги. Да и было о чемъ призадуматься: силы у Кучума было гораздо больше—на каждаго русскаго приходилось, пожалуй, по 20-ти татаръ. Собрались казаки въ кругъ и стали толковать, какъ быть: впередъ ли идти или назадъ вернуться? Одни кричали, что надо уходить домой, что разнаго добра ужъ набрано вдоволь, что идти на Кучума—значитъ лѣзть на вѣрную смерть; отъ труднаго похода и частаго боя у нихъ и 500 человѣкъ въ живыхъ не осталось, а у Кучума ратныхъ людей многія тысячи. Другіе, которые

были посмѣлѣе, и во главѣ ихъ самъ Ермакъ, разсуждали иначе:

«Братцы!—говорили они—куда намъ бѣжать? Время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога,—Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, данное нами честнымъ людямъ (Строгоновымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ».

Согласились съ этимъ всѣ и порѣшили—оставаться и биться до смерти.

23-го октября, на разсвѣтѣ, казаки, усердно помолившись Богу, двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли русскимъ. Наконецъ татары сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ ужъ ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки здѣсь показали себя богатырями: несмотря на то, что враги были въ 20 разъ многочисленнѣе, казаки сломили ихъ. Сибиряки бросились назадъ въ засѣку,—туда же вломились вслѣдъ за ними и казаки, а впереди всѣхъ Ермакъ и атаманъ Кольцо.

Не ясенъ то соколъ по небу разлетываетъ,—
Младъ Ермакъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ

По тыя по силы татарскія:
Куда махнетъ палицей—туда улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.

Наконецъ казаки ранили Маметкула, главнаго героя татарскаго и опору Кучума. Татары выволокли раненаго царевича изъ боя и бросились бѣжать во всѣ стороны. Старый ханъ, стоявшій до того времени на горѣ и молившійся съ своими муллами Богу о дарованіи побѣды надъ русскими, услыхавъ, что войско его побито и что всѣ покинули его, горько заплакалъ, оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ Сибирь, забралъ здѣсь, сколько могъ, пожитковъ и бѣжалъ дальше.

Утомившіеся отъ боя казаки не гнались ужъ за обратившимися въ бѣгство татарами, а пошли въ свой городокъ, поставили сторожей и крѣпко уснули. Трое сутокъ отдыхали они послѣ своей славной побѣды, которая и имъ обошлась недешево: въ одномъ только послѣднемъ сраженіи пало ихъ 107 человѣкъ [1]); немало было и раненыхъ.

Похоронивъ съ честію своихъ убитыхъ товарищей, казаки 26-го октября тронулись къ городу Сибири и чрезъ три дня были у него. Не велика была столица Кучума; съ одной стороны защищённая крутымъ берегомъ Иртыша, а съ другихъ сторонъ—тройнымъ валомъ и рвомъ. Дома въ ней были изъ дерева и изъ нежженнаго кирпичу. Подошли казаки осторожно къ городу и прислушиваются: ничего не слыхать, словно

---

1) Въ синодикѣ тобольской соборной церкви означено именно 107 убитыхъ въ этомъ дѣлѣ казаковъ.

всѣ въ городѣ вымерли. Ермакъ думаетъ: «Навѣрное, коварные татары устроили засаду и притаились. Нужно напередъ все высмотрѣть, чтобы не попасть, по оплошности, въ нечаянную бѣду». Послалъ онъ нѣсколько казаковъ на развѣдки. Высмотрѣвъ все въ городѣ и вокругъ города, посланные казаки возвратились съ извѣстіемъ, что нигдѣ нѣтъ ни души. Тогда русскіе вошли въ опустѣлый городъ, изъ котораго всѣ жители разбѣжались невѣдомо куда. Многое множество золота, серебра, мѣховъ и разныхъ другихъ, дорогихъ вещей нашли тутъ казаки и все по-братски подѣлили между собою.

Пріупыли-было побѣдители въ пустомъ рынкѣ. Идти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ запасы у нихъ кончались и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ. Такъ прожили они три дня. Наконецъ на четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ остяцкій князь съ дружиною, принесъ много даровъ и запасовъ и сказалъ: «Я былъ въ бою подъ Чувашьей горою и увидѣлъ, что тебя побѣдить нельзя, сказалъ объ этомъ своему народу, и вотъ мы пришли къ тебѣ съ подарками. Будь нашимъ заступникомъ!» Казаки обрадовались. Ермакъ ласково обошелся съ княземъ и сказалъ: «Ступайте, живите на прежнихъ мѣстахъ: никто васъ не тронетъ». За остяками стали приходить съ Иртыша и Тобола татары съ женами и дѣтьми, Ермакъ приводилъ всѣхъ приходившихъ къ присягѣ государю, обнадеживалъ ихъ его милостію, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ

ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Съ первыхъ же недѣль своей зимовки казаки увѣрились, что теперь имъ нечего безпокоиться, что подвиги ихъ надолго упрочили въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе: они довѣрчиво стали выходить изъ города Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ товарищей на порядочное разстояніе. Такъ, однажды (это было 5-го декабря) 20 казаковъ отправились на Абалацкое озеро [1]) ловить рыбу. Они устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой, но стражи не разставили. А Маметкулъ былъ недалеко и сторожилъ ихъ. Воспользовавшись ихъ безпечностью, онъ подкрался къ нимъ и умертвилъ всѣхъ до единаго. Услышавъ объ этомъ, Ермакъ пошелъ мстить за товарищей, настигъ татаръ при Абалакѣ [2]) и бился съ ними до ночи. Ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь.

Весною, по водополью, пришелъ къ Ермаку одинъ татаринъ и сказалъ, что Маметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ, верстъ за 100 отъ города Сибири. Ермакъ тотчасъ же отрядилъ часть казаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, побили много татаръ, а самого

---

[1]) «Подъ высокимъ берегомъ Иртыша, на лугу, есть озеро продолговатое, кривое, узкое, которое соединяется съ рѣкою и называется Абалацкимъ, а по-татарски Эбалакъ-Бюрень» (*Миллеръ*, Сибирская Исторія, 138).

[2]) Это названіе сохранилось и понынѣ въ названіи селенія Абалацкаго, верстахъ въ 5-ти отъ бывшей Сибири, вверхъ по Иртышу.

Маметкула взяли въ плѣнъ и привезли къ Ермаку въ Сибирь. Ермакъ обрадовался, говорилъ ласковыя рѣчи царевичу, утѣшалъ его и сталъ отпускать ему самый лучшій кормъ, а своимъ на строго приказалъ, чтобы никто не смѣлъ обижать его. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ (притокъ Иртыша). Но вслѣдъ за этою печальною вѣстью пришла другая дурная вѣсть: скоро дали знать старому хану, что на него идетъ князь Сейдякъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата, чтобы отомстить за смерть отца. Наконецъ ему измѣнилъ его карача (воевода, близкій человѣкъ) съ своими людьми. Горько заплакалъ старикъ Кучумъ, говоря: «кого Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ».

Лѣто 1582 года, Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ, между прочимъ, остяцкій городъ Назымъ [1]) и плѣнилъ его князя, но за то потерялъ въ этомъ походѣ храбраго атамана своего Никиту Пана съ его дружиною, котораго сильно жалѣлъ.

Возвратившись изъ похода въ городъ Сибирь, Ермакъ увидѣлъ, что ему нужна подмога, потому что людей у него осталось мало: пришелъ онъ въ сибирскую землю съ 840, а теперь оставалось всего 300 че-

---

[1]) Рѣка Назымъ впадаетъ въ Обь выше Иртыша съ сѣверной стороны; недалеко отъ устья этой рѣки видны развалины остяцкаго городка, вѣроятно, Назыма.

ловѣкъ. Съ такою малой силою нельзя было держаться въ далекомъ краю противъ великаго множества враговъ. И вотъ Ермакъ шлетъ о себѣ вѣсть Строгоновымъ: «Кучума салтана одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ». Строгоновы поспѣшили обрадовать этою вѣстью царя, который за ихъ службу и радѣнье пожаловалъ—Семена городами: Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ далъ право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю какъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ.

Но скоро въ Москву явилось особое посольство отъ самого Ермака Тимоѳеевича.

Проявился въ Сибири славный крѣпкій казакъ,
Славный крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ-то Ермакъ—онъ сражался, не робѣлъ,
Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю послалъ поклонъ:
„Ой ты гой еси, надёжа—православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все неорленые;
А теперича, надёжа—православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство сибирское!“

Въ большой Кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Іоаннъ Васильевичъ Грозный сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой одеждѣ, украшенной образами и дорогими каменьями. По правую руку стоялъ царевичъ Ѳеодоръ,

по лѣвую—Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены были рынды (царскіе тѣлохранители въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами. Раздался звукъ трубъ и звонъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые двумя стольниками, посланные Ермака. Позади ихъ несли дорогіе мѣха, разныя старинныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія. Во главѣ посольства шелъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, проницательными глазами, съ черной, густою, но короткою бородою, подернутою легкою просѣдью. Это былъ Иванъ Кольцо, первый сподвижникъ Ермака.

«Великій государь!—сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ—новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ: казанскому и астраханскому еще и это сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!»

Съ этими словами посолъ Ермаковъ вмѣстѣ съ товарищами своими опустился на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

— Встаньте, добрые слуги мои!—сказалъ Іоаннъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!

Вставъ съ земли Иванъ Кольцо подалъ царю, Ерма-

кову грамоту о покоренiи Сибири. Эта грамота сильно обрадовала царя: онъ простилъ казакамъ всѣ прежнiя вины ихъ, хвалилъ Ермака и всѣхъ его сподвижниковъ, велѣлъ по церквамъ служить молебны и звонить во всѣ московскiе колокола. Давно уже (говорятъ современники) не бывало такой радости въ унылой Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божiя къ Россiи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ: народъ толпился въ церквахъ; на площадяхъ, на улицахъ; вездѣ шли толки про Ермака и его казаковъ, причемъ наряду съ правдою разсказывалось много и такихъ чудесъ, какихъ на самомъ дѣлѣ и не бывало. Ивана Кольцо и бывшихъ съ нимъ казаковъ царь пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ—деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири казакамъ онъ послалъ свое полное большое жалованье, а Ермаку—богатую шубу съ своего царскаго плеча, серебряный ковшъ и два дорогихъ панцыря (доспѣха). Въ своей милостивой грамотѣ, посланной Ермаку, царь величалъ его *княземъ сибирскимъ*. Для принятiя у Ермака завоеванныхъ имъ сибирскихъ городовъ отправлены были воеводы—князь Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ, ся пятью сотнями стрѣльцовъ.

Иванъ Кольцо возвратился съ царскими воеводами и ратными людьми въ городъ Сибирь 1 марта 1583 г. Воеводы объявили Ермаку и казакамъ государеву милость и отдали имъ государево жалованье. Атаманъ и казаки много радовались и веселились, что государь не только простилъ имъ прежнiя вины, но и за новую службу не оставилъ своею царскою милостью.

Стали они дарить царскихъ воеводъ, чѣмъ кто могъ—соболями, лисицами и другимъ дорогимъ мѣхомъ; а Ермакъ, на радости, задалъ большой пиръ всѣмъ ратнымъ людямъ.

Плѣнный царевичъ Маметкулъ былъ отправленъ въ Москву: царь принялъ его ласково, взялъ его въ свою службу и далъ ему вотчины. Служа впослѣдствіи въ нашихъ ополченіяхъ этотъ царевичъ писался въ разрядахъ обыкновенно *Алтауловичемъ* (разрядн. кн 1590 и 1598 гг.); слѣдовательно, отцемъ его былъ Алтаулъ, а не Кучумъ и не Муртаза, какъ думаютъ нѣкоторые.

Мы видѣли, какой радости предались Ермаковы казаки, по возвращеніи изъ Москвы ихъ посольства, привезшаго имъ царскую благодарность и милость. Но счастье Ермака и сподвижниковъ его было непродолжительно: за ясными днями послѣдовали для нихъ дни тяжелые и печальные.

Князь Семенъ Болховской привезъ съ собою въ Сибирь мало запасовъ, полагая, что у казаковъ заготовлено ихъ вдоволь; а казаки между тѣмъ вовсе не ждали, что царскія войска придутъ зимою, и запаслись на зиму только для себя. Поэтому заготовленные запасы скоро вышли. Страшные морозы, вьюги мятели, препятствуя казакамъ выходить на охоту и рыбную ловлю, мѣшали въ то же время доставкѣ хлѣба изъ сосѣднихъ юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ хлѣбопашествомъ. Отъ недостатка свѣжей пищи открылась болѣзнь (цынга), обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ холодномъ, сыромъ климатѣ. Болѣзнь и голодъ произвели большую смертность: стали умирать ежедневно

и казаки, и московскіе ратники; въ числѣ прочихъ умеръ и самъ воевода Болховской. Правда, наступившая весна способствовала прекращенію болѣзни и голода; но бѣдствія казаковъ еще не кончились этимъ: борьба съ суровою природою оказалась для мужественныхъ казаковъ менѣе опасною, нежели борьба съ вѣроломными жителями страны, не терявшими надежды уничтожить все дѣло Ермака, стоившее ему и его сподвижникамъ столькихъ трудовъ...

Мы говорили прежде, что одинъ князекъ или карача, имѣвшій многолюдный улусъ на Тарѣ, оставилъ своего верховнаго владыку Кучума въ невзгодѣ. Этотъ-то карача, имѣвшій лазутчиковъ въ Искерѣ (Сибири), вдругъ присылаетъ Ермаку подарки съ такою льстивою рѣчью: «Хочу быть вѣрнымъ слугою московскаго царя; а ты пришли въ мой улусъ своихъ казаковъ, чтобъ они защитили меня и людей моихъ отъ непріятелей моихъ— ногаевъ. Казаковъ я приму съ честью и награжу ихъ за службу ихъ». Повѣрилъ довѣрчивый Ермакъ хитрому татарину и, посовѣтовавшись съ своими казаками, отрядилъ къ нему 40 добрыхъ воиновъ подъ командою атамана Ивана Кольца. Эта горсть отважныхъ удальцовъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но они шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и сдѣлались жертвою своей довѣрчивости: карача напалъ на казаковъ врасплохъ со множествомъ своихъ татаръ и перерѣзалъ всѣхъ до одного [1]). «Слышно-же быть — говоритъ лѣтописецъ — въ

[1]) Въ синодикѣ тобольской соборной церкви, убіеніе Ивана Кольцо съ дружиною, означено 17-го апрѣля.

градѣ атаманомъ и казакомъ, что Иванъ Кольцо съ дружиною, побіени быша и рыдаху»... Больше всѣхъ плакалъ Ермакъ о своемъ вѣрномъ сподвижникѣ и его товарищахъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ, считая себя нѣкоторымъ образомъ виновникомъ (хотя и невиннымъ) преждевременной смерти ихъ, потому что повѣрилъ вѣроломному карачѣ.

Обрадовавшись чувствительной потерѣ Ермака, окрестные народцы, бывшіе данниками московскаго государя, возмутились противъ русскихъ, убили въ разъѣздѣ атамана Якова Михайлова [1]) и соединились съ карачею собравшимъ большую силу. Татары подступили къ городу Сибири и обложили его со всѣхъ сторонъ: карача намѣревался уморить казаковъ голодомъ. Казаковъ и стрѣльцовъ было мало, но они отсиживались долго и крѣпко. Наступилъ іюнь; у осажденныхъ стали выходить запасы, и Ермакъ рѣшился въ крайности на отчаянное дѣло. Жалѣя людей, онъ до сихъ поръ не дѣлалъ вылазокъ; стрѣлять же изъ легкихъ пушекъ не было цѣли, потому что непріятель стоялъ не подъ самымъ городомъ и не подходилъ близко къ городскому валу. Наконецъ Ермакъ рѣшился сдѣлать вылазку и выбралъ для этого темную ночь. Казаки вышли тайкомъ изъ города и прокрались сквозь непріятельскіе обозы къ становищу карачи, на урочищѣ, называемомъ Сауска-

---

[1]) «Тогда атаманъ Яковъ Михайловъ, хотя надъ окаянными промыслъ учинити, пойде подъ нихъ въ подсмотръ; они же яша его и убиша» (Строгоновская лѣтопись).

номъ [1]). Татары спали мирно, не подозрѣвая опасности. Казаки кинулись на нихъ и начали ихъ рѣзать. Заметались татары съ просонокъ: слышатъ стоны и крики, а ничего въ потьмахъ не видятъ и не понимаютъ. Много было побито татаръ, и въ числѣ ихъ были убиты два сына карачи. Когда занялась заря, татары нѣсколько ободрились и кинулись на казаковъ; однако и казаки не сробѣли: забравшись въ обозъ карачи они стали оттуда отстрѣливаться. Бой продолжался до полудня. Наконецъ татары не выстояли и ударились въ бѣгство. Самъ карача бѣжалъ за Ишимъ. Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, пошелъ въ догоню за нимъ вверхъ по Иртышу. Онъ покорилъ тутъ много городковъ. Одинъ князь, по имени Еличай, привелъ къ Ермаку свою красавицу дочь, невѣсту сына Кучумова, предлагая ему взять ее себѣ въ жены. Но цѣломудренный атаманъ отказался отъ этого предложенія. Близъ устья Ишима, въ кровопролитной схваткѣ съ жителями, Ермакъ лишился пяти мужественныхъ казаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ сибирскихъ пѣсняхъ [2]), взялъ еще городокъ Ташатканъ и, достигнувъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, возвратился домой.

Немного уже осталось у Ермака людей изъ числа тѣхъ, которые пришли вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь три года тому назадъ: всѣ главные сподвижники его по-

---

[1]) «Саускань до града Сибири 10 поприщъ» (Есиповская лѣтопись).

[2]) Эти татарскія пѣсни начинаются словами: *Янымъ, янымъ, бишъ казакъ*,—то-есть: *Воины, воины, пять казаковъ*.

гибли въ славныхъ бояхъ. Наконецъ и для него самого пробилъ послѣдній, роковой часъ.

Утвердившись въ Сибири, казаки завязали торговыя сношенія съ бухарцами, и бухарскіе караваны уже два года къ урочному времени являлись въ городъ Сибирь на ярмарку, но теперь что-то запоздали. Въ началѣ августа Ермакъ получилъ извѣстіе, что Кучумъ собирается перехватить на дорогѣ бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь [1]). Отобравъ сейчасъ же 50 человѣкъ самыхъ отважныхъ и надежныхъ казаковъ, Ермакъ пустился съ ними на поиски вверхъ по Иртышу. Плыли цѣлый день, выходили во многихъ мѣстахъ и на берегъ, но нигдѣ не встрѣтили ни купцовъ, ни кучумовыхъ людей. Наступала уже ночь, — приходилось возвращаться домой. Но за цѣлый день казаки до того истомились, что необходимо было дать имъ отдыхъ. И вотъ на возвратномъ пути казаки причалили къ острову при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ. Привязавъ лодки, они вышли на островъ, разбили шатры и отъ большой усталости, заснули всѣ до одного крѣпкимъ сномъ, не поставивъ даже сторожей. Всегда очень осторожный и бдительный, Ермакъ на этотъ разъ оплошалъ, — точно злая судьба захотѣла посмѣяться надъ нимъ...

Ночь была темная, ненастная; лилъ сильный дождь; крѣпкій вѣтеръ свистѣлъ и вылъ; по рѣкѣ ходили волны, своимъ однообразнымъ шумомъ и плескомъ еще болѣе

---

[1]) Всего вѣроятнѣе, что самъ Кучумъ послалъ съ *ложною* вѣстью о бухарскомъ караванѣ своего татарина къ Ермаку, чтобы заманить послѣдняго въ сѣти.

усыпленія казаковъ. Какъ убитые, спали казаки послѣ трудоваго дня, забывъ и про татаръ. А татары были близко, съ другой стороны рѣки подстерегая казаковъ: Кучумъ цѣлый день не терялъ слѣдовъ своего злѣйшаго врага. Въ самую глухую ночную пору онъ послалъ одного татарина искать бродъ къ острову, потому что лодокъ у татаръ не было. Этотъ татаринъ былъ за что-то приговоренъ къ смерти, но Кучумъ обѣщалъ помиловать его, если онъ доберется до казаковъ, не переполошивъ ихъ. Татаринъ поѣхалъ верхомъ на лошади, нащупалъ бродъ, высмотрѣлъ казаковъ и вернулся къ Кучуму съ вѣстію, что казаки всѣ крѣпко спятъ и сторожей не выставили. Кучумъ не повѣрилъ такому невѣроятному извѣстію и приказалъ татарину въ другой разъ пробраться къ казакамъ и привезти ему какой-нибудь *знакъ*, вещественное доказательство справедливости своихъ словъ. Татаринъ отправился снова, перебрелъ рѣку и осторожно, какъ кошка, подползъ къ одному изъ шатровъ. Просунувъ подъ шатеръ руку, онъ вытащилъ три пищали и три пороховницы, затѣмъ ползкомъ добрался до берега и привезъ ихъ къ Кучуму. *заиграло тогда сердце Кучумово*, какъ сказано въ лѣтописи. Большой толпой, но тихо и осторожно стали татары переправляться къ острову. Казаки продолжали крѣпко спать, ничего не слыша за воемъ вѣтра и шумомъ волнъ. И вотъ татары уже перебрались благополучно на островъ, подкрались къ безпечно спящимъ казакамъ, бросились на нихъ разомъ и стали рѣзать безотпорно, какъ барановъ. Такъ плачевно погибли наши казаки, бывшіе для татаръ страхомъ и грозою. Только

два человѣка спаслись отъ татарскаго ножа: одинъ изъ спасшихся въ эту злополучную ночь добрался до города Сибири и принесъ товарищамъ ужасную вѣсть о гибели своихъ. Другой былъ самъ Ермакъ. Услыхавъ стоны и суматоху, онъ вскочилъ на ноги, схватилъ саблю и бросился на татаръ, успѣвъ уложить нѣсколькихъ изъ нихъ. Но татары начали сильнѣе напирать на него. «Ко мнѣ, братцы! ко мнѣ, товарищи!» закричалъ громко атаманъ. Никто не откликался, никто не являлся на его зовъ: одни изъ казаковъ лежали уже бездыханные, другіе копошились подъ татарами. Увидѣлъ Ермакъ, что дѣло поправить уже нельзя, кинулся къ берегу, порубилъ на дорогѣ еще нѣсколько татаръ и бросился къ лодкамъ,—но лодки отнесло бурею на средину рѣки. Тогда Ермакъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкамъ; но тяжелый доспѣхъ, царскій подарокъ, не далъ ему плыть, тянулъ его ко дну, а татары пускали въ него стрѣлы. Ослабѣлъ Ермакъ и утонулъ. Это было 5-го августа 1584 года [1]).

13-го августа тѣло Ермака приплыло къ селенію *Епанчинскіе юрты*, въ 12-ти верстахъ отъ Абалака. Татаринъ Янишъ, внукъ князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ человѣчьи ноги, петлею вытащилъ утопленника, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и со-

---

[1]) Въ синодикѣ тобольской соборной церкви записано: «Атаману Ермаку съ товарищи сороки человѣкомъ, вѣчная память... и которые побіени съ нимъ казаки по Вагаю рѣкѣ на перекопи; а имена ихъ въ синодикѣ написаны».

звалъ всѣхъ жителей селенія на пріятное зрѣлище—смотрѣть на бездушнаго исполина, наводившаго страхъ при жизни. Кучумъ и самые отдаленные князья Остяцкіе, извѣщенные о драгоцѣнной находкѣ, съѣхались насладиться местію надъ ненавистнымъ, хотя уже безвреднымъ врагомъ: положивъ тѣло Ермака на рундукъ (возвышенную площадку), злобные татары пускали въ него стрѣлы; изстрѣлявъ же его совершенно, они зарыли его въ землю, а доспѣхи Ермака взяли себѣ. Верхняя кольчуга Ермакова отдана была жрецамъ Бѣлогорскаго идола, нижняя—мурзѣ Кандаулу, кафтанъ—князю Сейдяку, а сабля съ поясомъ—мурзѣ Карачѣ. Стрѣлецкій сотникъ, Ульянъ Моисеевъ Демезовъ, узналъ въ 1650 году всѣ обстоятельства и подробности дѣла о смерти Ермака отъ Калмыцкаго тайши (начальчика племени) Аблая, сильно желавшаго имѣть броню Ермакову и наконецъ получившаго ее отъ потомковъ Кандауловыхъ, согласно повелѣнію царя Алексѣя Михайловича.

Горько заплакали казаки, узнавъ о смерти своего удалаго атамана, и пришли въ совершенное отчаяніе. «Пропали мы теперь совсѣмъ», говорили они и рѣшились возвратиться въ русскую землю. Ихъ оставалось около 150 человѣкъ—казаковъ и московскихъ ратниковъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгоновской дружины, подъ главнымъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Со смертію Ермака для нихъ все кончилось, и 15-го августа они вышли изъ города Сибири съ тяжелымъ сердцемъ, покидая гробы своихъ товарищей, теряя всѣ плоды своихъ кровавыхъ трудовъ.

Эти—теперь уже не гордые и отважные завоеватели, а несчастные изгнанники поплыли по Тоболу вверхъ, къ великой радости Кучума. Городъ Искеръ опустѣлъ. Въ него вошелъ сначала сынъ Кучумовъ, Алей, и вслѣдъ за нимъ и самъ Кучумъ, чтобы снова царствовать—и снова лишиться царства. Радовался старикъ, извѣдавшій столько превратностей въ жизни, что возвратилъ свое царство; но скоро пришелъ Сейдякъ, отецъ котораго былъ убитъ Кучумомъ, и выгналъ его вонъ изъ Сибири [1]).

И такъ дѣло Ермака погибло съ его смертью? Нѣтъ, не погибло, не заглохло великое дѣло Ермаково. Путь въ Сибирь былъ указанъ и начало русскому владычеству здѣсь положено. Послѣ смерти Грознаго и гибели Ермака, русскіе отряды одинъ за другимъ шли по пути, указанному имъ, за Каменный Поясъ; туземные полудикіе народцы одни за другими подпадали подъ власть русскаго царя и несли ему свой ясакъ (подать); заводились въ новомъ краю русскіе поселки, строились города, и мало-по-малу весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами достался Россіи.

Не ошибся Ермакъ, когда говорилъ своимъ сподвижникамъ: «Не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ». До сихъ поръ поминаютъ Ермака и его убіенныхъ товарищей въ Тобольскихъ церквахъ. Вотъ что мы читаемъ въ рукописной *Исторіи о Сибирстѣй земли и о царствіи.*

---

[1]) Впослѣдствіи злосчастный Кучумъ былъ убитъ Ногаями.

«Въ лѣто 7129 (1621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь, въ Тобольскъ въ архіепископы Кипріанъ, бывшій Хутынскаго монастыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырства своего воспомяну атамана Ермака Тимоѳеевича сына Повольскаго, и онъ добрый пастырь повелѣ спросити Ермаковыхъ казаковъ, како они пріидоша въ сибирское царство, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого изъ нихъ погаіи убили. Казаки не принесоша ему списки, како они пріидоша въ Сибирь, и о бояхъ. Онъ де добрый пастырь повелѣ убитыхъ имена написати въ соборной церкви въ синодикъ и въ православную недѣлю кликати имъ вѣчную память. Синодикъ, казакамъ написанъ сице, глава 33: Въ лѣто 7089, при державѣ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, избра Богъ и посля не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царскихъ воеводъ, очистити мѣсто святыни и побѣдити бисирманскаго царя Кучума, но отъ простыхъ людей вооружи Богъ славою Своею и ратоборствомъ и вольностію атамана Ермака съ дружиною; забыша бо сіи воини свѣта сего честь и всю славу, и плотскую сладость, и смерть въ животъ преложиша, и воспріяша щитъ истинной вѣры и показаша храбрость свою».

Въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ (неподалеку отъ мѣста, гдѣ находился древній Искеръ, или Сибирь), на высокомъ холмѣ, воздвигнутъ памятникъ Ермаку. Подножіе памятника гранитное, вышины $1^1/_2$ аршина; самый же памятникъ мраморный, въ 7 сажень вышины. Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ одной стороны: *Покорителю Сибири Ермаку.*

Съ другой: *Воздвигнутъ въ 1839 году.*

Съ третьей: 1581 (годъ прихода Ермака въ Сибирь).

Съ четвертой: 1584 (годъ смерти Ермака).

Въ Сибири у всякаго крестьянина, даже самаго бѣднаго, виситъ на стѣнѣ въ избѣ портретъ атамана-князя Ермака.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою о завоеваніи испанцами Мексики и Перу: и тамъ, и здѣсь горсть людей, дѣйствовавшихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями,—съ тою однако существенною разницей, что побѣды и завоеванія русскихъ въ Сибири не сопровождались безпощаднымъ истребленіемъ тысячъ туземцевъ-язычниковъ во имя Бога и религіи, чѣмъ обезславили себя испанцы въ Новомъ Свѣтѣ.

XXVIII.

Народная пѣсня про Ермака Тимоѳеевича.

Безсмертный подвигъ Ермака, совершенный 300 лѣтъ тому назадъ, живетъ въ памяти русскаго народа и воспѣвается наравнѣ съ подвигами древнихъ богатырей русскихъ. И это былъ дѣйствительно подвигъ, достойный истиннаго богатыря. Ермакъ прежде гра-

билъ и разбойничалъ, но зато онъ потомъ и искупилъ свои вины передъ царемъ покореніемъ ему новаго царства. Вотъ одна изъ народныхъ пѣсенъ про Ермака Тимоѳеевича:

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки—други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе.
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,—
Они думали думушку, все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,—
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить—да переходъ великъ;
А на Волгѣ ходить намъ—все ворами слыть;
Подъ Казань градъ идтить—да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,—
Рѣчь заговорилъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ:
Гей вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте
Зазимуемъ мы, братцы всѣ въ Астрахани.
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы, тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою,—
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцѣ бусы [1]) корабли,
Мы убили посланника все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.—
Какъ во славномъ было въ городѣ во Астрахани,

[1]) *Бусый* (Сибирское слово)—темно голубосѣрый, избура—сѣрый, буро-дымчатый, буро-пепельный.

На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки—други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте баблечки сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ мы его, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу царю;
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю Бѣлому повинную:
Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все неорленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство сибирское.—
Рѣчь возговоритъ надежа православный царь,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихой Донъ.

XXIX.

Сыноубійство. 1581 г.

Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровской слободѣ случилось потрясающее событіе. Привычка не сдерживать своего гнѣва и давать волю рукамъ не осталась для Іоанна безъ страшнаго наказанія: она довела его до сыноубійства. Въ порывѣ запальчивости онъ убилъ желѣзнымъ посохомъ старшаго сына своего Іоанна, котораго готовилъ въ наслѣдники себѣ. Въ нашихъ лѣтописяхъ говорится, что царевичъ началъ укорять отца за его трусость, за готовность заключить унизительный договоръ съ Стефаномъ Баторіемъ и требовалъ выручки Пскова. Царь, разгнѣвавшись, ударилъ его такъ сильно, что тотъ чрезъ нѣсколько дней умеръ. Согласно съ этимъ разсказываетъ современный историкъ ливонской войны Гейденштейнъ, который прибавляетъ, что въ это время народъ волновался и оказывалъ царевичу особое передъ отцомъ расположеніе, вслѣдствіе чего отецъ раздражился на сына, котораго заподозрилъ въ намѣреніи свергнуть его съ престола. Но Антоній Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ чрезъ три мѣсяца послѣ убіенія царевича, слышалъ объ этомъ событіи иначе. Преличіе того времени требовало, чтобы знатныя женщины надѣвали три одежды одна на-другую. Царь засталъ свою невѣстку, жену царевича, лежащею на скамьѣ въ одной только исподней одеждѣ,

ударилъ ее по щекѣ и началъ колотить жезломъ. Она была беременна и въ слѣдующую ночь выкинула. Царевичъ сталъ укорять за это отца: «Ты отнялъ уже (говорилъ онъ) у меня двухъ женъ, постригъ ихъ въ монастырь,—хочешь отнять и третью и уже умертвилъ въ утробѣ ея моего ребенка». За эти слова Іоаннъ изо-всѣхъ силъ ударилъ сына жезломъ въ голову. Борисъ Годуновъ, хотѣвшій защитить царевича, былъ сильно израненъ. А царевичъ упалъ безъ чувствъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, сталъ вопить, рвалъ на себѣ волосы, звалъ лѣкарей. Но все было напрасно; царевичъ умеръ на пятый день. Изъ Александровской слободы тѣло его было торжественно перенесено въ Москву и погребено въ Архангельскомъ соборѣ. На гробницѣ его слѣдующая надпись:

«Въ лѣто 7090 (1581) ноября въ 19 день, преставися благовѣрный и христолюбивый царевичъ князь Иванъ Ивановичъ всея Россіи, на память св. пророка Авдея, въ день недѣльный, въ 14 часъ нощи, а погребенъ бысть того жъ мѣсяца въ 22 день, на память св. мученика Архипа, ученика Павла, апостола Филимона воина, Апфіи».

Пораженный смертію сына, царь въ унынiи говорилъ, что не хочетъ болѣе царствовать, а пойдетъ въ монастырь. Собравъ бояръ онъ объявилъ имъ, что второй сынъ его Ѳеодоръ неспособенъ къ правленію, и предоставлялъ боярамъ выбрать царя изъ своей среды. Но бояре боялись, не испытываетъ ли ихъ царь, чтобы потомъ обрушиться своимъ гнѣвомъ и на избирателей, и на избраннаго. Поэтому они умоляли Іоанна не ухо-

дить въ монастырь, по крайней мѣрѣ, до окончанія войны. Съ тѣхъ поръ царь ужасно мучился много дней, не спалъ ночей, метался какъ въ горячкѣ и въ бреду звалъ убитаго сына... Наконецъ онъ сталъ мало по малу успокоиваться и началъ посылать богатыя милостыни на поминовеніе души царевича: кромѣ вкладовъ въ русскіе монастыри къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ было послано до 20,000 червонцевъ.

Царевичъ Іоаннъ былъ женатъ три раза: первая жена его была Евдокія Богдановна Сабурова; вторая—Прасковья Михайловна Соловая; третья—Елена Ивановна Шереметева. Раздѣляя всѣ оргіи своего отца, онъ такъ же легко разводился и съ женами, какъ отецъ. Первая жена его была пострижена, подъ именемъ Александры, въ Суздалѣ, а вторая—на Бѣлозерѣ. Обѣ онѣ скончались въ 1620 году и погребены въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Раздѣляя жестокосердіе и безнравственность отца, царевичъ Іоаннъ раздѣлялъ и его литературные вкусы: имъ написано *похвальное житіе св. Антонія Сійскаго*, также служба и похвальное ему слово. Впереди службы, л. 1, написано: «списано бысть сіе многогрѣшнымъ *Иваномъ Русиномъ*, родомъ отъ племени Варяска, колѣна Августова, кесаря Римскаго, въ лѣто 7087»...

XXX.

Народная пѣсня про царевича Іоанна Іоанновича.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань;
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.
И тутъ ли царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода:
„Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!“
Что возговоритъ Малюта-злодѣй Скуратовичъ:
Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывесть тебѣ измѣнушки до-вѣку:
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча.—
И тутъ царь догадается,
На царевича злобно осержается.
Что возговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное;
Поведите его на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую;
Вы предайте его скорой смерти“.
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися;
Большой за меньшаго хоронится.
Одинъ остался Малюта-злодѣй.
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ въ палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,

Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли на Лужу Поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу.
Какъ закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Гой еси, батюшка, Никита Романычъ!
Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не становится млада царевича.—
Никита Романовичъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую.
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
„Ты Малюта, Малюта Скуратовичъ!
Не за свой ты кусъ принимаешься,
Ты этимъ кусомъ подавишься“.
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его, куда надобно.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
Надѣвайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутренѣ
Слушать по царевичѣ панихиду:
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю“.
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали на себя платье черное,
Собиралися ко заутренѣ
Слушать по царевичѣ панихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ Грозный царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ унала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску яраго:
Не стало у меня млада царевича».
Что возговоритъ Никита Романовичъ:
Ахъ ты гой еси, надежа православный царь!

Мы не станемъ пѣть по царевичѣ панихиду,
А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы.—
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ-за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ты, Никита, Никита Романовичъ!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Или тебѣ полцарства дать?
Или тебѣ золотой казны, сколько надобно?“—
Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны,
Только дай мнѣ злодѣя-Скуратова:
Я сведу его на то болото жидкое,
На ту ли Лужу Поганую.—
Что возговорить царь Иванъ Васильевичъ:
„Еще вотъ тебѣ Малюта-злодѣй,—
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты“.

XXXI.

Синодикъ Іоанна Грознаго.

Погибъ царевичъ Іоаннъ отъ руки отцовской. И вотъ царь Іоаннъ, угрызаемый совѣстію, сталъ припоминать тысячи людей, погибшихъ, подобно царевичу, отъ его неразумнаго гнѣва. Онъ усиливался припомнить замученныхъ или казненныхъ имъ по именамъ, вписывалъ ихъ въ синодики (поминальники) и посылалъ по монастырямъ молиться за упокой ихъ душъ. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ сохранились два такихъ синодика, присланные сюда Іоанномъ за годъ до его смерти.

Въ большой вкладной книгѣ Кириллова монастыря, на 16-мъ листѣ, сказано: «Царь государь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ по опальныхъ

людяхъ 900 рублей. Имена ихъ въ синодикѣ писаны. Панихиды по нихъ поютъ и литургію служатъ соборомъ въ субботу сыропустную».

Въ кормовыхъ книгахъ этого же монастыря отмѣчено: «Въ субботу сыропустную по опальныхъ, избіенныхъ, потопленныхъ и сожженныхъ съ жены ихъ и чады и домочадцы. А имена ихъ писаны въ синодикѣ. Панихиды поютъ соборомъ. Даянія по нихъ царя и великаго князя Ивана Васильевича 2,200 рублевъ». Второй синодикъ присланъ въ дополненіе къ первому. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ синодикѣ означены по большей части именно тѣ лица, которыя, по другимъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, погибли въ несчастное время Грознаго.

1) *Лѣта седмь тысящь девятьдесятъ перваго. Царь и Государь и Великій Князь, Иванъ Васильевичъ всея Руси, прислалъ въ Кирилловъ монастыръ сіе поминаніе и велѣлъ поминать на литіяхъ и на литурґіяхъ и на панихидахъ по вся дни въ церкви Божіи:*

Княгиню иноку Евдокею (удѣльную), иноку Марію, иноку Александру (потоплены въ Горахъ [1]) въ Шекснѣ рѣкѣ, повелѣніемъ царя Іоанна).

Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ и рабынь прежде почившихъ вѣка сего отъ Адама и до сего дни. Помяни Господи Казарина (Дубровскаго) и дву сыновъ его, да десять человѣкъ тѣхъ, которые при-

---

[1]) Слово *въ Горахъ* означаетъ Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь, по-просту называемый *Горами*. Онъ находится въ Кирилловскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Шексны.

ходили на пособь, Ищука, Богдана, Ивана, Ивана, Игнатія, Григорія, Ѳеодора, Истому, князя Василія (Ростовскаго), Никифора (Товарищева), Василія, Василія (Хлунева), Стефана (Товарищева), Димитрія, Ивана, Григорія, Петра, князя Михаила (Засѣкина), Михаила (Лопатина), Тихона (Товарищева), Леонтія, Никиту, Ѳеодора (Рясина), Симеона (Мапуйлова), Александра (владыки Коломенскаго боярина Кожина), Тимоѳея (Собакина), Ѳеодора да дьяка владычня, Смирного, Симеона, Аньтягана (Татарина), Бахмета, Ивана, Богдана, Михаила (Цебневскаго), Трифона, Артемія, Ивановыхъ людей двадцати человѣкъ (людей Коменскихъ селъ), Михаила (Мазилова), тридцати девяти человѣкъ (въ Губинѣ въ Углу), Леонтія, Бреха (Кафтырева), Никиту, осьмидесятъ семи человѣкъ (въ Матвѣищевѣ), Григорія (Кафтырева), Алексѣя, Севрина, Ѳеодора (Казаринова) инока Никиту (Казаринова), Андрея (Баксакова), Смирного (Тетерина), Василія (Тетерина), Ивана, Григорія, Іова, Василія, Михаила (Тетериныхъ) да дѣтей ихъ пяти человѣкъ, Іосифа, князя Данила (Сицкаго), Андрея (Батанова), Ивана (Подъяркова) Никиту, Симеона, (Сабуровыхъ), Хозая съ женою и съ пятью сыновъ его, да брата его, Ивана, Ивана (Трысова), Никиту, Ивана, Алексѣя (Шубискова), Евѳимію, Ивана Лыкова), Юрія (Селина), Василія (Татьянина), Григорія (Рубцова), Юрія (Незнакова), Михаила (Дымова), Косьму (Кусова), Третьяка (Черскаго), Петра, Третьяка (Кропоткиныхъ), Кожару, Василія, Ѳеодора, Неупокоя, Ждана, Михаила, Ананію (Балахонца), Ивана, Третьяка (Нижегородцевъ Сидоровыхъ), Данила (Айгу-

стова), Ивана (Татьянина), княжну Евдокею (Володимерову мать) да двунадесяти человѣкъ и съ старицами, Марію Ельчину), Анну (нѣмку), Анну (татарку), Екатерину, Уліянію (нѣмку), Марѳу (Жулебину), Акилину (Палицыну), Ивана (Ельченина) Петра (Кочалкина), Ивана (Шунежскаго), Ѳеодора (Неклюдова), Корепана (рыболова) Ѳеодора, Максима, Быка, Алексѣя, Аѳанасія (дворника), Четвертого. Никиту, Салмана (Глухаго), Рудака. Богдана, Меншика, Григорія, Шарапа (Берневыхъ) Мисюря, Іосифа, Ивана (Глуховыхъ).

Помяни Господи души рабъ своихъ тысящу пятьсотъ пяти человѣкъ (Новгородцевъ), Данила съ женою съ дѣтьми, Ивана, Стефана, Ивана, Бурого. Ивана, Ивана, жену съ двѣмя сыны и съ двѣмя дочерьми, Филиппова сына Благовѣщенскаго (Попова) Якова (Змѣева), Ивана (Извѣкова) Матоея (Бухарина съ сыномъ) Алексѣя (Саурова), Косьму, Романа (Дубровскаго), Сарыча (Саурова), Ѳеодора (Безносова) Леонтія, Матрону, Молчака, Андрея, Василія, Андрея, Ропа (Нѣмчина), Максима, Третьяка, Михаила, Третьяка, Шишка, Василія, Третьяка, князя Владиміра (Курлятева), князя Ѳеодора, Григорія, Андрея, Григорія, Алексѣя, семнадцати человѣкъ (въ Ивановѣ Большомъ). четырнадцати человѣкъ, семи человѣкъ, трехъ человѣкъ, Тевриза, Якова, семнадцати человѣкъ, шестьдесятъ дву человѣкъ, Андрея Григорія, Симеона, Ѳеодора, Ивана, Меньшого, Ивана, Ивана, князя Ивана (Батышева), князя Ивана (Засѣкина), Петра, Павла, Елеазара, Ѳеодора, Димитрія, Юрія, Василія съ женою и съ тремя сыны его, Василія, Ивана, Ивана, Григо-

рія, Андрея, Аѳанасія, Андрея, Ѳеодора, Петра, Тимофея, Гордія, Ивана, Ивана, Василія, Нагая, Никиту‘ Марію, Алексѣя, дву человѣкъ, да жену Ѳеодору, Ивана, Димитрія, Ивана, Петра, Веригу, Гавріила, Ѳеодора; да дву женъ, Ширяя, Василія, Ивана, Григорія, Василія (Колычева), Андрея, Симена, Ѳеодора, Ѳеодота, Михаила, князя Владиміра, князя Андрея, (Гагариныхъ), Аѳанасія, Молчана, Ивана, Захарія, Ивана, Ѳеодота, Ивана, князя Андрея (Дашковыхъ), Григорія, Симеона, Аѳанасія, князя Ѳеодора, князя Іосифа, князя Александра, Василія, Петра, Ивана, Ивана, Василія, Василія, князя Ѳеодора (Татищева), Димитрія, Утѣша, Карпа, князя Андрея, Матѳея, Ѳеодора, Ивана, Андрея, Григорія, Ивана, Третьяка, Григорія, Ивана, Симеона, Ѳеодора, Емеліана, Ивана, Ивана, Михаила, да три сына его, Булата, Симеона, Мину, князя Андрея (Катырева) князя Ѳеодора (Троекурова), Михаила съ племянникомъ, Ворошила, Ѳеодора, Аѳанасія, Третьяка, Второго, Григорія, Тимофея, Симеона, Оглоблю, Петра, Димитрія, Леонтія, Замятню, Нерю, Ивана, Ушака, Михаила, Богдана, Неудачу, Ивана, Юрія, Ѳеодора, Василія, Матѳея, Алексѣя, Постника, Василія, Юрія, Данила, игумена Корнилія [1]), Бориса, Третьяка, инока

1) Въ 1570 году, идя въ Ливонію или возвращаясь оттуда, Іоаннъ заѣхалъ въ Псковопечерскій монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ игуменомъ этого монастыря Корниліемъ. Іоанну бросились въ глаза сильныя укрѣпленія монастыря, сооруженныя Корниліемъ на свой счетъ. Они показались царю подозрительными, и онъ убилъ Корнилія жезломъ своимъ—«предпослалъ его царь земной Царю небесному», какъ гласитъ надпись на гробницѣ Корнилія.

Вассіана, Елену. инока Дороѳея, Петра, Тимоѳея, Захарія, Постника, Аѳанасія, Стефана, Василія, Матѳея, Ишуту, Третьяка, Андрея, Псковичъ дву человѣкъ, Тимофея, Василія, Гуляя, Аѳанасія, Смагу, Алексѣя, Ивана, Ивана, Михаила, Ивана, Алексѣя, Марка. Третьяка, Никиту, Андрея, Ивана, Прокопія, Меньшика, Ивана, Юрія, Василія, Іону, Григорія, Алексѣя, Ивана, Симеона, Стефана, Григорія, Елевѳерія, князя Бориса, (Глѣбова-Засѣкина), Руспна, Діонисія, Меншого, Андрея, Постника, Третьяка, Матѳея, Сурьянина, Григорія Постника, Богдана, Ѳеодора, Тутыша, Михаила, Григорія, Рудпаго, Андрея, Булата, Пятаго, Меньшого, Андрея, Смирнаго, Абатура, Ивана, Ларіона, Богдана, Петра, Вавилу, Бажена, Діонисія, пнока Ирпнарха, Тимоѳея, Герасима, Еремія, Моливу (повара), Ярыша Константина, Ивана, Леонтія, Игнатія, Симеона, Антонія, Ларіона, Неустроя, Русина, Ежа (рыболова), Ѳеодора, Василія, Владиміра, Симеона, Марію, Леонтія, князя Владиміра со княгинею и съ дочерью, Якова, Василія, Ананію Ширяя, Димитрія, Ивана, Григорія, Ерофея Максима, Симеона, Ирину, Анну, Петра, Северіана, инока Антонія, Богдана, Стефана, Іосія, Стефана, Ивана, Василія, священноіерея Григорія, священноіерея Косьму, Марію, Василія, Варлаама, Юрія, Ивана, Симеона, Симеона, Второго, Ивана, Андрея, Третьяка, Андрея, Василія, Василія, Ивана, Горяина, Третьяка, Андрея, Василія, Ивана, Симеона.

Помяни Господи шестнадцати человѣкъ, двадцати человѣкъ, дву человѣкъ, осьми человѣкъ (псарей).

Ивана, сто девяносто человѣкъ (на Мѣдѣдни иско-

вичей съ женами и дѣтьми), Невзора, Ульяна, Григорія, Ивана, тридцати человѣкъ (псковичей), Игнатія, Михаила, Кирьяка, Ждана, Ѳеодора, жену съ двумя сыны, Ивана съ женою и снохою, Матѳея съ женою и съ дочерью, Симеона съ женою, Алексѣя, Взорого съ женою, Ивана, Григорія, Алексѣя сь женою, Ивана съ женою, Хотѣна съ женою, Петра съ женою и съ сыномъ, Романа съ женою и съ сестрою и съ тещею, Меньшого съ женою, Давыда, Китая, Петра, Андрея, Никиту, Тимоѳея, Петра, Петра съ женою и со снохою и со внукомъ, Пиная съ женою да съ сыномъ, Ивана съ женою и съ сыномъ и съ дочерью, Сурьянина, Шемяку, Ощера, Никона, Матѳея, Ивана, Ілію, Ѳеодора, Ивана съ женою и съ двѣмя дочерьми, Андрея съ женою, Евстаѳія съ женою, Фуника съ женою, Ѳеодора съ женою, Кирилла съ женою, Исаака съ женою, Никиту, Ивана, Пелагію, инока Александра, Якова, Григорія, Симеона, Никиту, Ѳеодора, Субботу съ женою и съ двѣма дочерьми, Ивана съ женою, Василія съ женою, Пятого, Родіона, обиду, Димитрія, Ѳеодора съ женою, дѣти его, Стефана, Никиту, Ирину, Ивана съ женою, дѣти его, Ананію, Екатерину, Кирилла съ женою, дѣти его, Василія, Марѳу, Харитона съ женою, Стефаниду, Петелю съ женою, Карпа Селянина съ женою, дѣти ихъ Петра, Пелагію.

2. *Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почивтихъ вѣка сего, отъ Адама и до сего дни.* Помяни Господи Глѣба съ женою, Матроны, Ѳеодора съ женою, Ивана съ женою, Григорія съ женою, Спмеона съ женою, дѣтп его, Ѳсодора, Даніила,

Алексія съ женою, Василія съ женою, Андрея съ женою, сына его Лазаря, Болобана съ женою, Неждана съ женою, Богдана съ женою, Алексія съ женою, Маріи, Григорія, Ѳеодора съ женою и съ сыномъ и съ двѣма дочерьми, Григорія съ женою, Алексія съ женою и съ дочерью, Алексія, Луки съ женою и съ сыномъ; Истомы съ женою и съ сыномъ и съ дочерью; Безноса, Сухана, Симеона, Небогатаго, внука, Ивана. Гануса (Нѣмчика), Григорія, Вежака, Никиты, Резака, Стефана, Дружины, Михаила, Никиты, Алексія, Филиппа, Алексія, Постника, Григорія, Еремія, Силы, Петра, Никиты, Большого, Владиміра, Пимена, Василія, инока Тихона, Алексія, Димитрія, Доминика, Ивана, Гавріила, Суеты, Излача, Василія, Постника, Стефана, Григорія, Димитрія, Василія, Бурова, Третьяка, Бѣляя съ племянникомъ, Перваго, Савелія, Ивана, Іоны, Немятого, Никифора, Василія, Гама, Неустроя, Ѳеодора, Якова, Юрія, Меньшика, Ивана, Максима, Ивана, Сапуна съ женою съ двѣма сыны и съ дочерью; Ивана, Никиты, Игнатія, Добрыню, Ѳеодора, Булгака, Елевферія, Шестово, Никиты, Некраса, сына его, Истомы, Молчана, Гавріила, Ивана, Василія, Сидора, Третьяка, Четвертого, Суріяпина, Ушатово, Авксентія, Ѳеодора, Ивана, Авксентія, Димитрія, Петра, Ивана, Петра, Ивана, Молчана, Всячину, Грязного, Ивана, Полевого, Шемета (писчика), Пріѣзжаго (псаря), Нелюба, Васпліеву жену Прохнова съ сыномъ и съ дочерью, инока Аѳанасія, Тимоѳея, князя Василія (Гагарина, Алексѣя, Ананіи, Ивана, Солотчинскаго архимандрита, Третьяка съ женою, Лаврентія, Пантелеймона, Третьяка, Алексіеву

жену, Дубровскаго съ сыномъ и съ дочерью, Опаскаго, Третьяка, Вешнякову жену, Дубровскаго съ двѣма дочерьми, Ѳеодора, Василія, Захарія, Маріи, Прокопія, Аѳанасія, Симеона, инока Митрофана, архимандрита Печерскаго, Емельяна, князя Петра (Серебрянаго), Смирнова, Будила, Богдана, Мижуя, Якова, Иліи, Ждана, Василія, Ѳеодора, Тимоѳея, инока Пимена, Никифора съ женою и съ двѣма сыны, Симеона съ женою и съ тремя дочерьми, Андрея, Ивана съ женою и съ двѣма сыны, Андрея, Чижа съ женою и съ сыномъ и съ дочерью, Ивана, иноки Евдокіи, Андрея, Суморока, Охлопа, Нечая, Якова съ женою и съ дочерью и съ сыномъ, Григорія, Исупа, Ивана, Истомы, Никиты съ женою и съ сыномъ и съ дочерью; Якова съ двѣма сыны, Артемія съ женою и съ сыномъ и съ двѣма дочерьми; Симеона съ женою и съ сыномъ и съ дочерью; Прокопія, Шестово, Іоакима, Ивана съ женою и съ двѣма сыны, князя Андрея (Бычкова) съ матерью и съ женою и съ сыномъ и съ дочерью; Пятого, Никиты, Гавріила, Игнатія, Никиты, Яшево, Алексѣя, Никиты, Алексѣя, Якова, Неклюда, Вахромѣя, Ездока, Микулы, Ивана, Леонтія, Ярово, Василія, Ивана, Аѳанасія, Немира, Тимоѳея, Ратмана, Ивана, Симеона, Меньшика, Даніила, Нечая, Евфросиніи, Антонія, Богдана, Григорія, Михаила, Константина, княже Петрова племянника, князя Александра, Леонтія, Романа, Вешняка, Одинца, Петра, Букаку, Андреевыхъ дѣтей Батанова сына да дочь, Ишукову жену, Бухарина съ невѣсткою, Никиты, Ивана, Василія съ женою и съ двѣма сыны, Ивана съ

женою и съ дочерью, Григорія съ женою и съ дочерью и съ двѣма сыны, Косьмы, Богдана, князя Андрея (Тулупова), Неудачи, князя Василія, Савелія, Григорія, Даніила, Григорія, Ѳеодора, Гавріила, Симеона, Руново, Постника, Матѳея, Ивана, Чудина, Ивана, Симеона, Четвертого, Ивана, Чудина, Истомы, Ивана, Константина, Ѳеодора, Богдана, Димитрія, Ивана, Ждана, Суморока, Ивана, Ездока, Никиты, Василія, Василія, Григорія, Вопна, Бориса, Максима, Стефана, Симеона, Пятого, Іоакима, Симеона, Никиты, Ждана, Петра, Шестово, Несмѣяка, Салтана, Нечая, Мопсея, Томила, Маріи, Меньшево, Смолу, Нехорошева, Андрея, Михаила, Шарапа, Второво, Симеона, Вешняка, Григорія, Михаила, Петра, Томила, Стефана, Дружины, Бориса Иліи, Богдана, княже Андрея жену Тулупова, Евфиміи, дочь его, Анны, Авфиміи, сына ея, Алексія, дочерь ея, Парасковіи; Анны, Ирины, Алексія, Агафіи, Ксеніи, два сына ея, Исаака, Захарія, двѣ дочери, Гликеріи, Евдокіи, Маріи, Никифора, Ивана, Пелагеи, сына ея, Андрея, Мамелфы, Ирины, Четвертого, Ирины, Тихона, Ѳеодоры, Евдокіи, Андрея, Михаила, Агафіи, Анастасіи, Анны, Маріи, Симеона, Анастасіи, Уліаніи, Исаака, Ждана, Ксеніи, Маріи, Ѳеодора, Второво, Никифора, Михаила, Лутьяна, Акилины, Анны, Анны, Гликеріи, Андрея, Елены, Ѳомы, Игнатія, Стефаниды, Агрипины, Варвары, Даріи, Ирины, Ирины, Владиміра, Анны, Анны, Ивана, Гавріила, Анны, Акилины, Маріи, Евдокіи, Тита, Андрея, Третьяка, инока Діонисія, Петра, Атугайка (татарина), Алексія, Петра, Захарія, Ивана, Поліевкта, Михаила, Рюму, Ивана, Спмеона,

Василія, Тита, Василія, Ивана, князя Михаила (Темгрюкова Черкасскаго [1]), князя Михаила (Рецнина), князя Юрія, князя Ивана (Шашиныхъ), князя Андрея (Ногтева Оболенскаго), князя Александра (Горбатаго), сына его Петра, Петра (Головина), Петра (князя Куракина), Ивана съ сыномъ и съ дочерью, Димитрія (Бутурлина), Никиты, Бориса, Василія, Дружины, князя Даніила (Друцкого), Іоспфа, подъячихъ три, да простыхъ пять человѣкъ, Симеона, Никиты, князя Дмитрія (Сицкаго), Протасія, Василія, Владиміра, князя Василія, князя Ивана (Темкиныхъ), Никиты, Никифора, Докучая, Никифора, Калинпка (Собакина) [2]), Парфенія, Стефана, Симеона (Собакиныхъ), Василія, Никиты, Ивана, Богдана, Булата, Ирины, князя Бориса, князя Владиміра, князя Андрея, князя Никиты (Тулуповыхъ), Михаила, Василія, Алексія, Ѳеодора, Ирины, Ѳеодора, Симеона, Якова, (Мансурова), княжну Масальскаго, Григорія, Александра (Колтовскихъ) [1]), Андрея, въ Новѣгорода пятнадцати бабъ (и сказываютъ вѣдуньи), Тимоѳея, Венедикта (Колычевыхъ), князя Петра (Горинскаго), князя Никиты, князя Андрея (Оболенскихъ),

---

[1]) Бояринъ князь Михаилъ Темгрюковичъ Черкассій, родной братъ второй жены Іоанновой, по словамъ Карамзина, то знатнѣйшій воевода, то гнуснѣйшій палачъ, въ 1571 году посаженъ на колъ.

[2]) Калиникъ (вѣрнѣе, кажется, читать Калистъ)—родной братъ третьей жены Іоанновой, имѣвшій званіе крайчаго.

[1]) Родственники четвертой жены Іоанновой.

Леонтія, Ѳеодора, Рудока, Михаила, Вешняка, Игнатія, Вешнякова сына, Дубровскаго, Ивана, Петра, Алексія съ сыномъ. И всего 3470 человѣкъ [1]).

XXXII.

Жены Іоанна Грознаго.

Мы уже знаемъ, что *первою* супругою царя Іоанна Васильевича была Анастасія Романовна, скончавшаяся въ 1560 году. Вскорѣ послѣ ея кончины Іоаннъ началъ свататься къ сестрѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа, Екатеринѣ; но сватовство это не имѣло успѣха. Тогда онъ обратился въ сторону противоположную—на Востокъ и въ 1561 году женился на дочери черкесскаго князя Темрюка, которой при крещеніи въ Москвѣ дали имя Маріи. Іоанна могли прельстить съ одной стороны выгода женитьбы не на русской, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, а съ другой—красота черкешенки; но легко понять, что онъ могъ выиграть въ нравственномъ отношеніи отъ союза съ дикаркою. Современники пишутъ, что эта княжна черкесская, дикая нравомъ и жестокая душею, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ наклонностяхъ: «на злыя

---

[1]) Число всѣхъ лицъ, *поименованныхъ* въ первой части Синодика простирается до 2668, во второй части—до 580:—итого 3248 душъ. Слѣдовательно противъ показаннаго въ концѣ синодика числа менѣе на 222 души.

дѣлая подущая», говорится въ одномъ современномъ историческомъ памятникѣ. Проживъ въ супружествѣ восемь лѣтъ, царица Марія Темрюковна, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, умерла 1-го сентября 1569 года, не оставивъ дѣтей, и погребена была въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ.

Скучая вдовствомъ, хотя и не цѣломудреннымъ, Іоаннъ давно уже искалъ себѣ третьей супруги. Нашествіе крымскаго хана остановило на время это дѣло. Когда же опасность миновалась, царь снова занялся имъ. Изъ всѣхъ городовъ въ Москву свезли невѣстъ, и знатныхъ, и не знатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ: каждую изъ нихъ представляли ему отдѣльно. Сперва онъ выбралъ 24, а потомъ 12. Ихъ должны были осмотрѣть докторъ и бабки. Долго сравнивалъ ихъ Іоаннъ въ требуемыхъ для него женскихъ достоинствахъ и наконецъ предпочелъ всѣмъ Марфу Васильевну Собакину, дочь новгородскаго купца. Но Іоаннъ первый изъ царей долженъ былъ испытать скорбь разлуки съ избранною невѣстою, вслѣдствіе дворскихъ интригъ.

«Государевы невѣсты очень нерѣдко избирались изъ бѣдныхъ и простыхъ дворянскихъ родовъ, а потому и возвышеніе ихъ родства выпадало на долю самымъ незначительнымъ людямъ. Весьма понятно послѣ того, съ какою завистью и ненавистью встрѣчали во дворцѣ родство новой царицы, съ какимъ опасеніемъ смотрѣли на новыхъ людей, ея родичей, всѣ лица, находившіеся въ близости и въ милости у государя, сидѣвшія прочно въ своихъ пригрѣтыхъ гнѣздахъ по разнымъ частямъ дворцоваго и вообще приказнаго управленія. Выборъ

государевой невѣсты подымалъ въ дворовой средѣ столько страстей, столько тлиныхъ козней и всяческихъ интригъ, что это государево дѣло рѣдко проходило безъ какихъ-либо болѣе или менѣе важныхъ и тревожныхъ событій въ его домашней жизни.

«Избранная невѣста, вступая во дворецъ царевною, среди радостей и полнаго счастія, неизобразимаго для простой дѣвицы и особенно для ея родныхъ, вовсе не предчувствовала, что именно съ этой минуты участь ея держится на одномъ волоскѣ, что именно съ этой минуты ея личность становится игралищемъ самыхъ коварныхъ, низкихъ и своекорыстныхъ замысловъ. Тѣ же самые люди, которые съ дворскимъ раболѣпіемъ служили ей, съ дворскимъ раболѣпіемъ заискивали ея особаго расположенія, земно кланялись ей, какъ новонарѣченной царицѣ; тѣ же самые люди, которые такъ были близки ея царственному жениху, такъ были любимы имъ и, казалось, такъ добродушно и искренно радѣли о его счастіи и, стало быть, о счастіи избранной имъ супруги,—эти-то самые люди и являлись въ тайныхъ своихъ замыслахъ первыми и, можно сказать, единственными ея врагами.

«Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслѣ всякаго изобилія и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, являлся на дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облекли

его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невѣсты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимую ея болѣзнь, разумѣется, для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невѣсты и такимъ образомъ лишить ее царской любви, выселить изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

«Со многимъ и долгимъ испытаніемъ царь Іоаннъ Васильевичъ избралъ въ супруги дѣвицу Марѳу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невѣстахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ» [1]).

Подозрѣніе въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовны и Маріи Темрюковны. По этому случаю былъ розыскъ и казни. Въ числѣ другихъ, погибъ въ это время князь Михаилъ Темрюковичъ Черкасскій, братъ царицы Маріи.

Царица Марѳа Васильевна скончалась 13-го ноября 1571 года и погребена въ соборномъ храмѣ Вознесенскаго монастыря.

---

[1]) *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол., стр. 222, 223, 224.

Не привыкнувъ и не любя сдерживаться ни въ чемъ ни какими препятствіями, Іоаннъ въ началѣ 1572 г., вопреки церковнымъ правиламъ, женился въ четвертый разъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской. Въ Москву съѣхались для избранія новаго митрополита (по смерти Кирилла) три архіепископа: Леонидъ новгородскій, Корнилій ростовскій и Антоній полоцкій, семь епископовъ и множество архимандритовъ и игуменовъ. Прежде нежели собравшіеся приступили къ своему главному дѣлу, царь пригласилъ ихъ къ себѣ, билъ предъ ними челомъ и просилъ у нихъ прощенія и разрѣшенія по случаю своего четвертаго брака, на который онъ дерзнулъ по слѣдующимъ причинамъ: женился онъ первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича, и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился онъ вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскихъ дѣвицу и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражіимъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ не мало времени онъ захотѣлъ вступить въ третій бракъ съ одной стороны для нужды тѣлесной, а съ другой—для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ; поэтому идти въ монахи не могъ, а безъ супружества жить соблазнительно; избралъ себѣ невѣсту, Марѳу, дочь Василія Собакина,—но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Марѳу, и они отравили ее, еще когда она была въ дѣвицахъ; царь положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе и взялъ за себя царицу Марѳу, въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но

была она за нимъ только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Царь много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ; но видя христіанство расплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ.—Царскіе богомольцы, архіепископы и епископы, видя такое царево смиреніе и моленіе, много слезъ испустили и на милосердіе преклонились. Собравшись въ соборной церкви Успенія они положили: простить и разрѣшить царя, ради теплаго умиленія и покаянія, и положить ему заповѣдь не входить въ церковь до Пасхи; на Пасху въ церковь войдти, меньшую дору и Пасху вкусить, потомъ стоять годъ съ припадающими; по прошествіи года ходить къ меньшой и къ большой дорѣ; потомъ годъ стоять съ вѣрными, и какъ годъ пройдетъ, на Пасху причаститься св. таинъ; съ слѣдующаго же 1573 г. разрѣшили царю по праздникамъ владычнымъ и богородичнымъ вкушать богородичный хлѣбъ, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будетъ подавать сколько захочетъ. Если государь пойдетъ противъ своихъ невѣрныхъ недруговъ, за святыя Божіи церкви и за православную вѣру, то ему епитимію разрѣшить: архіереп и весь священный соборъ возьмутъ ее тогда на себя. Прочіе-жъ, отъ царскаго синклита до простыхъ людей, да не дерзнутъ на четвертый бракъ; если же кто по гордости и неразумѣнію вступитъ въ него, тотъ будетъ проклятъ.— Іоаннъ хотя и подчинился было соборной епитиміи, но только на самое короткое время. Отправившись черезъ мѣсяцъ въ Новгородъ и заѣхавъ 31 мая

(соборное опредѣленіе состоялось 29-го апрѣля) въ Хутынь монастырь, онъ дѣйствительно не входилъ въ церковь, а стоялъ у церковныхъ дверей, пока царевичи слушали въ церкви молебствіе. Но 7-го августа, получивъ въ Новгородѣ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной нашими войсками надъ крымскими татарами, отправился въ Софійскій соборъ на молебенъ, а 15-го августа присутствовалъ въ томъ же соборѣ и за литургіею [1]).

Проживъ въ четвертомъ бракѣ не болѣе трехъ лѣтъ, Іоаннъ развелся съ Анною Колтовскою, которая, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта и заключиться въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ, гдѣ скончалась въ 1626 году съ именемъ *Даріи* (въ монашествѣ или въ схимѣ).

Затѣмъ двѣ наложницы Іоанна, *Анна Васильчикова* и вдова *Василиса Мелентьева*, не могутъ быть названы царицами: въ современныхъ памятникахъ онѣ называются не царицами, а *женщинами*. Іоаннъ не вѣнчался съ ними, а бралъ только церковную молитву для сожитія съ ними. Анна Васильчикова схоронена въ Суздальской дѣвичьей обители, тамъ же, гдѣ почиваетъ и Соломонія.

Въ пятый и послѣдній разъ Іоаннъ вѣнчался въ 1580 году съ Маріею Ѳеодоровною Нагою, дочерью

[1]) Архіепископъ новгородскій Леонидъ, предсѣдательствовавшій на соборѣ, разрѣшившемъ четвертый бракъ Іоанна, былъ впослѣдствіи подвергнутъ царемъ за корыстолюбіе позорной казни: царь приказалъ зашить его въ медвѣжью шкуру и затравить собаками.

незначительнаго дворянина Ѳедора Ѳедоровича Нагого. Замѣчательно распредѣленіе свадебныхъ чиновъ на этой царской свадьбѣ: посаженымъ отцомъ царя былъ сынъ его Ѳеодоръ, будущій московскій царь, а дружками со стороны жениха, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, со стороны невѣсты—Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ,—оба будущіе московскіе цари. Во время пребыванія въ Москвѣ Антонія Поссевина Іоаннъ исповѣдывался, но не причащался, вслѣдствіе того, что былъ женатъ на пятой женѣ.

Женившись на Маріи Нагой, Іоаннъ вскорѣ не взлюбилъ ее, хотя она была уже беременна. Онъ задумалъ жениться на какой нибудь иностранной принцессѣ царской крови. Англичанинъ медикъ, по имени Робертъ, сообщилъ ему, что у англійской королевы есть родственница Марія Гастингсъ [1]). Іоаннъ отправилъ въ Лондонъ дворянина Ѳедора Писемскаго узнать о невѣстѣ, поговорить о ней съ королевой и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить желаніе отъ имени царя заключить тѣсный союзъ съ Англіей. Условіемъ брака было то, чтобы будущая супруга царя приняла православную вѣру. Хотя царь у себя дома и заявлялъ о неспособности царевича Ѳеодора, но Писемскому не велѣлъ говорить этого королевѣ; напротивъ приказывалъ объявить, что дѣтямъ новой царицы дадутся особые удѣлы. Достойно замѣчанія, что на случай, если бы королева

[1]) Любопытно, что разспросить доктора о *дѣвкѣ*, какъ тогда выражались, Іоаннъ поручилъ Богдану Бѣльскому и Аѳанасію Нагому, *родному брату своей жены*.

замѣтила, что у царя есть уже жена, Писемскій долженъ былъ сказать, что она—не какая нибудь царевна, а простая подданная, и для королевской племянницы ее можно и прогнать. Когда Марія Гастингсъ отказалась отъ чести сдѣлаться московскою царицею, Іоанна все таки не оставляла мысль жениться на иностранкѣ, и онъ все развѣдывалъ, нѣтъ-ли у англійской королевы какой нибудь другой родственницы, съ которою, онъ могъ бы вступить въ бракъ. Только смерть избавила Іоанна отъ совершенія новаго вопіющаго беззаконія...

Отъ пятой жены у Іоанна остался сынъ—царь Димитрій, столь несчастный для себя и для Россіи, невинный виновникъ долговременныхъ бѣдствій и смутъ. По смерти Іоанна и воцареніи Ѳеодора, вдовствующая царица вмѣстѣ съ сыномъ и ближайшими родственниками была сослана, по проискамъ Бориса Годунова, на житье въ Угличъ. Здѣсь младенецъ Димитрій былъ злодѣйски умерщвленъ 15-го мая 1591 года, а несчастная мать его была насильно пострижена подъ именемъ Маѳы и сослана въ Никольскій монастырь на Выксѣ (въ Череповецкомъ уѣздѣ), въ дикой и пустынной мѣстности. Тамъ ее содержали очень строго и въ услуженіе ей было приставлено лишь два человѣка. Между тѣмъ, по восшествіи на престолъ Годунова, убійцы св. Димитрія, стали носиться слухи о появленіи этого самаго Димитрія, избѣжавшаго будто бы отъ рукъ убійцъ въ Угличѣ и идущаго теперь отнять свой законный престолъ у похитителя. Подозрѣвая царицу-инокиню въ сношеніи съ этимъ самозванцемъ, Борисъ

вызвалъ ее въ Москву и вмѣстѣ съ патріархомъ видѣлся съ нею въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Убѣдившись въ ея непричастности къ дѣлу страшнаго для него самозванца, Годуновъ снова отпустилъ царицу на прежнее мѣсто заключенія. По смерти Бориса и воцареніи на престолъ Лжедимитрія, инокиня Марѳа, считаясь матерью послѣдняго, продолжала еще нѣкоторое время оставаться въ заточеніи. Наконецъ Лжедимитрій, надѣясь склонить ее къ признанію его своимъ сыномъ, послалъ къ ней торжественное посольство, съ княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ во главѣ, бить челомъ отъ мнимо-нѣжнаго сына, чтобы царица-мать благословила его на царство. Лжедимитрій самъ выѣхалъ навстрѣчу своей мнимой матери. Въ селѣ Тайнинскомъ происходило ихъ свиданіе. При дорогѣ былъ разбитъ шатеръ, куда взошли лишь царица да самозванный сынъ ея. Сначала ласками, затѣмъ угрозами она была вынуждена признать предъ всѣми Лжедимитрія истиннымъ своимъ сыномъ, Послѣ этого инокиня Марѳа съ великими почестями была посажена въ парадную колесницу; самозванецъ нѣсколько верстъ провожалъ ее съ обнаженной головой и, предупредивъ это торжественное шествіе, встрѣтилъ ее въ московскомъ дворцѣ, гдѣ для нея были отведены покои впредь до изготовленія великолѣпнаго помѣщенія въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ со всею царственною обстановкою и пышностью. Но чтобы съ другой стороны лишить царицу возможности открыть всю истину, самозванецъ озаботился удалить отъ нея всѣхъ довѣренныхъ и близкихъ ей лицъ. Тяжелое время выпало

на долю царицы, терзаемой укорами совѣсти за содѣйствіе—хотя и вынужденное столь гнусному обману. Въ скоромъ времени послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Москву Марины Мнишекъ, невѣсты Лжедимитрія. Встрѣченное у Спасскихъ воротъ польскою музыкою, шествіе остановилось у Вознесенскаго монастыря, гдѣ царица-инокиня приняла невѣсту своего мнимаго сына и предложила ей помѣщеніе въ стѣнахъ святой обители до окончанія приготовленій къ свадьбѣ. Но когда обманъ Лжедимитрія былъ обнаруженъ, и самозванецъ оставленный всѣми, лежалъ полумертвый отъ паденія у дворцоваго крыльца, царица освободившись отъ страха угрозъ, открыла всю истину, со слезами оправдывая себя страхомъ смерти и женскою немощію. Въ царствованіе Шуйскаго было засвидѣтельствовано нетлѣніе мощей мученически скончавшагося царевича Димитрія и совершались многочисленныя исцѣленія у гроба его. Поэтому приступлено было къ перенесенію святыхъ мощей его изъ Углича въ Москву. Царица-мать, царь съ духовенствомъ и весь синклитъ встрѣтили св. мощи за городомъ и съ торжествомъ перенесли въ Архангельскій соборъ, гдѣ инокиня Марѳа, обливаясь слезами, просила царя, духовенство и весь народъ простить ей грѣхъ обмана, и святители торжественно разрѣшили ее изъ уваженія къ ея супругу и къ сыну. Послѣ этого мирная жизнь царицы была возмущена вѣстью о появленіи втораго самозванца Лжедимитрія, и она радѣя о благѣ отечества, писала вразумительныя грамоты въ Украинскіе города, свидѣтель-

ствуя истину убіенія Царевича. Въ 1608 году инокиня Марѳа, мирно окончила въ стѣнахъ Вознесенской обители жизнь свою, исполненную многихъ превратностей.

XXXIII.

Смерть Іоанна Грознаго.

Въ 1573 году, будучи еще только 43 лѣтъ, Іоаннъ говорилъ, что онъ уже старъ. Дѣйствительно, такая страшная жизнь, какую онъ велъ, такая страшная болѣзнь, которою онъ страдалъ, должны были состарить его преждевременно. Несчастная война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, униженіе, претерпѣнное Іоанномъ, также должны были разрушительно подѣйствовать на его здоровье. Наконецъ сюда присоединялось, невоздержаніе всякаго рода, противъ котораго не могло устоять и самое крѣпкое тѣлосложеніе. Въ началѣ 1584 года у Іоанна обнаружилась страшная болѣзнь: гніеніе внутри, опухоль снаружи. Въ мартѣ по монастырямъ разосланы были грамоты: «Въ великую и пречестную обитель, святымъ и преподобнымъ инокамъ, священникамъ, дьяконамъ, старцамъ соборнымъ, служебникамъ, клирошанамъ, лежнямъ и по кельямъ всему братству: преподобію ногъ вашихъ касаясь, *князь великій* Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь и припадая преподобію вашему, чтобъ вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно и по кельямъ молили Бога и Пречистую

Богородицу, чтобъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради святыхъ молитвъ, моему окаянству отпущеніе грѣховъ даровали, отъ настоящія смертныя болѣзни освободили и здравіе дали; и въ чемъ мы передъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали простили; а вы въ чемъ передъ нами виноваты, и васъ во всемъ Богъ проститъ».

Но, молясь Богу, раздавая щедрыя милостыни, приказывая кормить нищихъ и плѣнныхъ, выпуская изъ темницъ заключенныхъ, суевѣрный Іоаннъ въ тоже самое время приглашалъ къ себѣ знахарей и знахарокъ, которыхъ собралъ до 60. Ихъ привозили къ нему съ далекаго сѣвера. Какіе-то волхвы предрекли ему, какъ говорятъ, день смерти. Говорятъ, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался къ боярамъ, убѣждалъ сына Ѳеодора царствовать благочестиво, съ любовію и милостію, избѣгать войны съ христіанскими государствами; въ припадкахъ все звалъ убитаго сына. Но говорятъ также, что испорченная природа до конца не переставала заявлять свои требованія. «Вѣрить-ли еще сказанію ужаснѣйшему? Невѣстка, супруга Ѳедорова, пришла къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и бѣжала съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго безстыдства?» (Карамзинъ).

Была половина марта. Іоаннъ съ трудомъ могъ ходить: его носили въ креслахъ. 15-го марта онъ приказалъ нести себя въ палату, гдѣ лежали его сокровища. Тамъ онъ перебиралъ драгоцѣнные каменья и опредѣлялъ таинственное значеніе и достоинство каждаго, сообразно тогдашнимъ вѣрованіямъ, приписывая тому

или другому разное вліяніе на нравственныя качества человѣка.

Наступило 17-е марта—день, въ который, по предсказанію волхвовъ, Іоанна должна была постигнуть смерть. Чувствуя себя лучше, царь послалъ Бѣльскаго объявить колдунамъ, предсказавшимъ ему смерть, что онъ зароетъ ихъ живьемъ или сожжетъ за ложное предсказаніе.

«Не гнѣвайся, бояринъ,—отвѣчали волхвы:—день только что наступилъ, а кончится онъ солнечнымъ закатомъ». Какъ бы то ни было, послѣ бани, въ которой мылся съ большимъ удовольствіемъ, Іоаннъ чувствовалъ себя свѣжѣе. Его усадили на постелѣ; сверхъ бѣлья на немъ былъ широкій халатъ. Онъ велѣлъ подать шахматы, собираясь играть съ Богданомъ Бѣльскимъ, самъ сталъ разставлять шахматы, никакъ не могъ поставить шахматнаго короля на свое мѣсто,—и въ это время упалъ. Поднялся крикъ. Кто бѣжалъ за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенствомъ. Явились врачи съ своими снадобьями и начали растирать его. Явился митрополитъ и началъ наскоро совершать обрядъ постриженія надъ полумертвымъ, нарекши его *Іоною*. Ударили въ колоколъ на исходъ души...

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,
Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ,
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего-жъ еще мы ждемъ теперь, бояре?
Во прахѣ ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?

Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтеся! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватитъ длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

Смерть Іоанна Грознаго послѣдовала 18-го марта 1584 года. Въ правомъ предѣалтаріи Архангельскаго собора стоятъ уединенно три гробницы—царя Іоанна Грознаго и двухъ сыновей его Іоанна и Ѳеодора.

Подобно дѣду своему, Іоанну III, Іоаннъ IV былъ очень высокаго роста, хорошо сложенъ, съ высокими плечами, широкою грудью; по иностраннымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ полонъ, а по русскимъ—сухощавъ; глаза у него были маленькіе и живые, носъ выгнутый, усы длинные. Привычки, пріобрѣтенныя имъ во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его.

XXXIV.

Народная пѣсня про смерть Іоанна Грознаго.

Ужъ ты, батюшко свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему:
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на Святой Руси,
На Святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ.
У Михайла у Архангела,
У собора у Успенскаго

Ударили въ большой колоколъ:
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Съѣзжалися всѣ князья, бояре,
Собиралися всѣ люди ратные
Въ Успенскій соборъ Богу молиться.
Во соборѣ-то во Успенскомъ
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ,
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ его царскій вѣнецъ,
Въ ногахъ его острый грозный мечъ:
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозный мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы, архіереи:
Они служатъ, читаютъ—память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю грозному, Ивану Васильевичу.

XXXV.

Титулъ Іоанна Грознаго.

Для приданія своему царскому титулу большей торжественности, Іоаннъ Грозный въ началѣ его сталъ употреблять такъ называемое *богословіе:* «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлій Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скипетръ Рос-

сійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Перьмскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и великій князь Новгорода низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель государь».

Іоанну нравились пышныя выраженія грамотъ, которыя присылались ему восточными владѣтелями, и нѣкоторыя изъ этихъ выраженій мы встрѣчаемъ въ его грамотахъ.

XXXVI.

Взглядъ на Іоанна Грознаго.

И современники, и потомство неодинаково относились къ царю Іоанну Васильевичу Грозному. Мы знаемъ, съ какимъ враждебнымъ чувствомъ смотрѣлъ на него князь *А. М. Курбскій*. Вотъ что говоритъ объ немъ другой современникъ, князь *И. М. Катыревъ-Ростовскій:* «Царь Иванъ образомъ нелѣпъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ велікъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди имѣя широки, мышцы толстыя, мужъ чуднаго разумѣнія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло;

къ ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятелень, на рабы своя отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ, множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады свои попалилъ и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби и иная многая содѣя надъ рабы своими, жены и вдовицы блудомъ оскверни. Той же царь Иванъ многая благая сотвори, воинство вельми любяша и требующая имъ отъ сокровища своего неоскудно подаваяша» (*А. Н. Поповъ*, Изборникъ, 313). Этотъ отзывъ уже далеко не то, что отзывъ Курбскаго.

Иностранцы-современники относились къ нашему Грозному царю весьма неблагосклонно, и главною причиною ихъ неблагосклонныхъ отзывовъ была внѣшняя политика Іоанна. Конечно, были и исключенія; но главный характеръ иностранныхъ извѣстій—преувеличенія жестокости и притомъ не одного царя, но и самого народа: нужно было доказать, что такихъ варваровъ не слѣдуетъ пускать въ Европу [1]).

Изъ русскихъ историковъ характеромъ Грознаго царя первый занялся князь *М. М. Щербатовъ*. Щербатовъ смотритъ на него, какъ на человѣка «въ столь разныхъ видахъ представляющагося, что часто не единымъ человѣкомъ является». Перечень разныхъ противополож-

---

[1]) Въ 1711 году, издана въ Вѣнѣ *Апологія* Іоанна Грознаго въ которой авторъ старается показать, что Іоаннъ былъ жертвою клеветы.

ныхъ свойствъ съ указаніемъ примѣровъ—вотъ характеристика Іоанна, данная Щербатовымъ.

У *Карамзина* Грозный, какъ извѣстно, двоится: Грозный VIII тома не похожъ на Грознаго тома IX. Такъ какъ Карамзинъ указываетъ преимущественно на вліянія разныхъ лицъ, но послѣдователи его уже прямо видѣли въ Грозномъ человѣка даже не умнаго, во всякомъ случаѣ не съ широкимъ умомъ. Таково мнѣніе *Н. А. Полеваго;* въ сущности къ этому же склоняется и *Погодинъ;* недалекъ отъ этого и *Н. И. Костомаровъ*, прибавивъ къ этому еще заимствованную у *К. С. Аксакова* мысль о какой-то театральности (или художественности) въ характерѣ Грознаго.

Вотъ характеристика Іоанна, сдѣланная К. Аксаковымъ:

«Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни

встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, напримѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, а въ то же время мучитъ и терзаетъ ближняго: и онъ не обманываетъ, — эти слезы не притворны, но онъ тронутъ какъ художникъ, съ художественной стороны; а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра; а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это — человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную сторону добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно хорошо и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно; ибо тотъ, кто не понимаетъ его и не чувствуетъ, тотъ еще не можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, или наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ, тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ, можетъ быть, думаютъ. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является лишь какъ картина безъ своей истины и существенности.

«Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. Напримѣръ, что можетъ

быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастныя жертвы Іоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина «Кромѣшникъ»: поэтъ представляетъ его не въ томъ свѣтѣ, но какъ бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

«Въ Іоаннѣ была художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей,—и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестнымъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь по срединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ губящій народы,—и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны—картина царскаго смиренія,—и увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!»

Иначе отнеслись къ Іоннну Грозному *К. Д. Кавелинъ* и *С. М. Соловьевъ:* оба они связали дѣятельность его съ состояніемъ общества въ то время, съ дѣятельностію его предшественниковъ; наконецъ искали (въ

особенности Соловьевъ) объясненія его характера въ самыхъ обстоятельствахъ его жизни. Мнѣнія ихъ нельзя считать безусловно хвалебными, потому что Соловьевъ указываетъ на то, что съ нравственной стороны не было недостатка во внушеніяхъ, которыя могли бы остановить отъ многаго. Русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, непослушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ... Человѣкъ плоти и крови, Іоаннъ не сознавалъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ: вмѣсто цѣленія онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ. Онъ сѣялъ страшными сѣменами—и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку: онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы» (Соловьевъ). Кавелинъ точно также видитъ нравственные недостатки Грознаго.

Едвали не самою вѣрною характеристикою Грознаго можно считать слѣдующія, замѣчательныя слова *Ю. Ф. Самарина*:

«Чудно совмѣщались въ немъ живое сознаніе всѣхъ недостатковъ, пороковъ и порчи того вѣка съ какимъ-то безсиліемъ и непостоянствомъ воли. Поэтому его умственное превосходство выражалось отрицательно, разрушеніемъ, ненавистью къ настоящему, ядовитою ироніею и безсмысленнымъ, слѣпымъ злодѣйствомъ. Этотъ разладъ съ современною жизнью, его не удовлетворявшею, повторялся въ немъ какъ лицѣ; ибо въ самомъ себѣ Іоаннъ сознавалъ всю темную сторону и ненавидѣлъ, презиралъ себя. Никто изъ современниковъ не понималъ его, никто не страдалъ вмѣстѣ съ нимъ отъ глубокаго неудовлетворенія». (Сочиненія, V, 205—206).

«Да, глубоко трагическими являются жизнь и судьба этого замѣчательнаго человѣка. Вникая въ его дѣятельность, невольно поддаешься напрашивающемуся сближенію съ царемъ-богатыремъ XVIII вѣка. Недаромъ, какъ увѣряетъ преданіе, Петръ считалъ Грознаго своимъ предшественникомъ: у нихъ были общіе планы; въ самой обстановкѣ ихъ дѣтства и первой молодости есть черты сходства; разница только въ томъ, что при Грозномъ не стояла любящая его мать; и эта разница—существенная. Есть и другая существенная разница: Іоаннъ по природнымъ свойствамъ былъ человѣкъ болѣе отвлеченный, менѣе способный и склонный къ практической дѣятельности; оттого онъ, то довѣряетъ другимъ, то вдругъ заподозриваетъ, и никогда не дѣйствуетъ самъ. Ему (съ нѣкоторыхъ сторонъ и основательно) кажется, что обязанность царя—только направлять дѣятельность другихъ. Вѣрный въ обычное

время взглядъ этотъ бываетъ иногда и невѣрнымъ: Петръ послужилъ Россіи столько же топоромъ плотника, сколько и мечемъ полтавскимъ. Практическій Петръ вѣрилъ въ свой народъ, и если иногда и черезъ-чуръ перегибалъ дугу, то какъ будто чувствовалъ, что это и поправиться можетъ. Іоаннъ же извѣрился во все и во всѣхъ. Можно прибавить еще, что Петръ менѣе думалъ о себѣ: въ этомъ отношеніи онъ шире Грознаго. Тяжелаго впечатлѣнія, производившаго на историка исканіемъ убѣжища въ Англіи, никто не вынесетъ изъ дѣятельности Петра. Точно также, какъ ни страшны казни временъ Петровскихъ, какъ ни замѣтно въ немъ иногда личное раздраженіе, но впечатлѣніе, производимое разсказами о новгородскомъ погромѣ, еще тяжелѣе. Государственные практическіе люди никогда не заходятъ такъ далеко, какъ отвлеченные теоретики. Оттого Петръ и не вступалъ въ теоретическія пренія: они были чужды его природѣ. Оттого Петръ, какъ ни склоненъ былъ къ чужеземцамъ, постоянно считалъ себя русскимъ; а Грознаго тѣшило производстао его рода отъ Августа Кесаря. Оттого Петръ не могъ исключительно погрязнуть въ чувственныхъ наслажденіяхъ: у него на рукахъ было слишкомъ много дѣла; онъ былъ практическій, а не созерцательный человѣкъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ успѣха Петра и неуспѣха Грознаго; другая же еще болѣе важная причина въ томъ, что Россія была при Грозномъ слабѣе, чѣмъ при Петрѣ» (*Бестужевъ-Рюминъ*), Русская Исторія, томъ II, выпускъ 1-ый стр. 318, 319).

Русскій народъ относился съ уваженіемъ къ царю

Іоанну Васильевичу: онъ назвалъ его только *Грознымъ*— прозваніе, данное и дѣду его Іоанну III. Лютыя казни въ глазахъ народа были такою же карою Божіей за грѣхи, какъ голодъ, моръ, пожары и тому подобныя бѣдствія.

Онъ грозенъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду жалуетъ, за неправду вѣшаетъ.

Іоаннъ Грозный былъ типомъ самовластнаго богатырства. «Народъ ему и не удивлялся. Онъ вынесъ его, какъ страшную физическую грозу, съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ежеминутной гибели, съ мыслью, что тутъ ничего не подѣлаешь, что это бушуетъ и все громитъ непобѣдимая первозданная стихія. Народъ потому и не удивлялся, что здѣсь на самомъ дѣлѣ бушевала первозданная стихія его быта, оттого бушевала, что воплотилась въ самые широкіе размѣры личной воли старшаго. Народъ, напротивъ отнесся къ Грозному не только безъ всякой ненависти, но и съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ эпическому богатырю-покорителю татарскихъ царствъ и выводителю *изъ* изъ русской земли.

«Недаромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды, русской жизни. Домострой былъ вполнѣ законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала, также вполнѣ законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другаго идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы—исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою

будущую личность освобождая личности, Петра. Послѣ Грознаго старина опять-было вздохнула въ лицѣ боярскаго царя Шуйскаго; но напрасно Шуйскій провозглашалъ возстановленіе ветхаго права беярской думы и ограничивать волю самодержца,—его голосъ не былъ ни кѣмъ услышанъ. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ... Цѣлые сто лѣтъ прошло въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое, *новое*. Тѣмъ сильнѣе подымалось все *старое* и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ. Званый идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не первагѣ отца и перваго господаря обществу, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ, и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился и оттого такъ ей и сочувствовалъ» (*Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. стр. 69, 70).

КОНЕЦЪ.

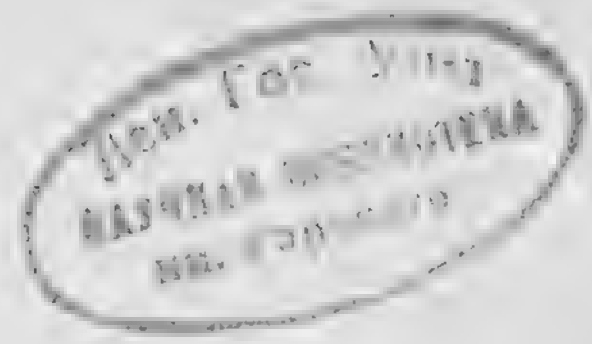
Лен. ... НАУ... ...ТЕКА им. ... ...го

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

		Стран.
I.	Матвѣй Башкинъ и его единомышленники . .	1
II.	Книгопечатаніе въ Москвѣ.	19
III.	Болѣзнь Іоанна и перемѣна въ его характерѣ .	23
IV.	Максимъ Грекъ.	32
V.	Война съ Швеціей и Ливоніей	49
VI.	Разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ	61
VII.	Смертъ Анастасіи Романовны.	66
VIII.	Опалы и казни	71
IX.	Князь Репнинъ	75
X.	Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ.	77
XI.	Василій Шибановъ	102
XII.	Посланіе Іоанна въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь	106
XIII.	Александровская слобода и опричники . . .	114
XIV.	Митрополитъ Филиппъ	132
XV.	Разгромъ Новгорода	146
XVI.	Встрѣча съ юродивымъ.	155
XVII.	Московскія казни	159
XVIII.	Злая шутка надъ шутомъ	164
XIX.	Нашествіе крымскаго хана и сожженіе Москвы	169
XX.	Духовное завѣщаніе Іоанна.	174
XXI.	Война съ Польшею за Ливонію	181
XXII.	Стефанъ Баторій и осада Пскова	185
XXIII.	Народная пѣсня про осаду Пскова.	197
XXIV.	Антоній Поссевинъ	199
XXV.	Сношенія съ Англіей	205

		Стран.
XXVI.	Явленіе иконы Казанской Божіей Матери . .	209
XXVII.	Покореніе Сибири	215
XXVIII.	Народная пѣсня про Ермака Тимофѣевича . .	257
XXIX.	Самоубійство	260
XXX.	Народная пѣсня про царевича Іоанна Іоанновъ	263
XXXI.	Синодикъ Іоанна Грознаго.	265
XXXII.	Жены Іоанна Грознаго	270
XXXIII.	Смерть Іоанна Грознаго	287
XXXIV.	Народная пѣсня про смерть Іоанна Грознаго .	290
XXXV.	Титулъ Іоанна Грознаго	291
XXXVI.	Взглядъ на Іоанна Грознаго	292



[5p]